

СЛАВЯНСКАЯ МОЗАИКА

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
ШКОЛЫ СЛАВИСТИКИ
МГУ
(2020–2023)

Тетрадь 1

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА
Филологический факультет

СЛАВЯНСКАЯ МОЗАИКА

Сборник материалов
Школы славистики МГУ
(2020–2023)

Тетрадь 1

МОСКВА – 2026

УДК 811.16(075.8)

ББК 81.41я73

С47

<https://elibrary.ru/jtezhi>

Печатается в соответствии с решением редакционно-издательского совета филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Редколлегия сборника:

О.А. Остапчук – к.филол.н. (ответственный редактор);

А.А. Индыченко – к.филол.н. (редактор-составитель);

Н.Е. Ананьева – д.филол.н.;

Е.В. Верижникова – к.филол.н.

Рецензенты:

А.Г. Шешкен – д.филол.н. (МГУ имени М.В. Ломоносова);

О.Н. Спалек – к.филол.н. (РГГУ)

Славянская мозаика. Сборник материалов Школы славистики МГУ (2020–2023 гг.). Тетрадь 1 : учебно-методическое пособие / Отв. ред. О.А. Остапчук. – Москва : МАКС Пресс, 2026. – 252 с.

ISBN 978-5-317-07519-4

<https://doi.org/0.29003/m5000.978-5-317-07519-4>

В сборнике представлены материалы Школы славистики МГУ, организованной кафедрой славянской филологии филологического факультета в 2020–2023 гг. Основное внимание в рамках сборника уделяется широко понимаемой славистической проблематике, изучению истории и современности славянских культур и языков (в том числе редких).

Сборник предназначен для будущих филологов – школьников старших классов, а также студентов филологических специальностей. Сборник может заинтересовать тех, кто увлекается славистикой и сопоставительным изучением грамматических и лексических систем славянских языков, процессами заимствования и контактирования в современных славянских языках, проблематикой диалектного и географического разнообразия славянских языков, а также славянской лексики, этимологией и терминологией. Сборник содержит ряд практических заданий для самостоятельной работы и ответов к ним, и нацелен на развитие исследовательского интереса к славистике, может быть полезен при подготовке к олимпиадам по славянской филологии и русскому языку.

Ключевые слова: славистика, славянские языки, славянские культуры, грамматика, лексикология, этимология, социолингвистика, культурное взаимодействие, языковые контакты.

УДК811.16(075.8)

ББК 81.41я73

ISBN 978-5-317-07519-4

© Авторы, 2026

© Оформление. ООО «МАКС Пресс», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Останчук О.А. Вступление4

2020 год

Ананьева Н.Е. Польский и русский языки и их контакты8

Лифанов К.В. Языковые контакты славян28

Саенко М.Н. Как мы реконструируем праславянский язык39

2021 год

Белова М.Н. Старославянская письменность и живые славянские
диалекты53

Варбот Ж.Ж. Этимология и история культуры и общества66

Илич И. Хорватский фольклор80

Останчук О.А. О чем говорят имена собственные?85

Саенко М.Н. Славянские языки и лексикостатистика93

Скорвид С.С. Славянские языки в контексте балканского,
центральноевропейского и других языковых союзов104

2022 год

Борисов С.А. Полевая славистика114

Долгополов П.И. Лужицкая мозаика: немного о культуре малого
славянского народа120

Лифанов К.В. Чешский и словацкий – почему они близки?127

Якушкина Е.И. География славянских слов: как и зачем ее изучать138

2023 год

Грасько А.В. Из истории русско-чешских музыкальных контактов
с XVIII века до наших дней147

Гриценко И.О., Киреев Н.И. О славянских текстах, записанных
еврейским письмом (XIII–XX вв.)168

Индыченко А.А. Я.С. Пресл – создатель чешской естественно-
научной терминологии183

Плунгян В.А. Почему мы так любим македонский язык?193

Верижникова Е.В. Задания по македонскому языку206

Саенко М.Н. История классификаций славянских языков217

Ответы на вопросы и ключи к заданиям232

Сведения об авторах250

ВСТУПЛЕНИЕ

Перед вами – сборник материалов Школы славистики, которая с 2020 года проводится на филологическом факультете МГУ. Первые две школы (в 2020 и 2021 годах) прошли онлайн, с 2022 г. у участников есть возможность присутствовать на ее занятиях как очно, так и подключаться к ним онлайн. Школа задумывалась как научно-просветительское мероприятие для школьников старших классов и призвана привлечь внимание к славистике как особому направлению филологии, познакомить участников с разнообразием славянских языков и богатством культур, составляющих удивительную мозаику, в которой каждый из элементов дополняет и подчеркивает своеобразие друг друга. Славистика сегодня – это не только фундаментальная научная дисциплина, но и важный инструмент для понимания современности. Она помогает восстановить сложную картину культурно-исторических и языковых процессов в славянском мире, проследить ход развития и взаимовлияния славянских языков и литератур, осмыслить специфику межкультурного взаимодействия и взаимообогащения, выявить общие закономерности и уникальные черты в развитии славянских языков и культур.

Инициатором и организатором Школы славистики является кафедра славянской филологии – одна из старейших кафедр филологического факультета, основанная в 1943 году. Сегодня на кафедре преподаются и изучаются фактически все славянские языки, представляющие западную и южную ветвь славянства: польский, чешский, словацкий, болгарский, сербский, македонский, словенский и соответствующие литературы, а также старославянский. В рамках Школы ее участники знакомятся как с основами практического владения славянскими языками, так и с научными аспектами изучения их истории и современного развития, с литературными, музыкальными и фольклорными традициями славянских народов, а также узнают о связях русского языка и культуры с другими ветвями славянства.

Программа школы включает лекции по грамматике и истории славянских языков, семинары, помогающие подготовиться к олимпиаде по славянской филологии и исторической части олимпиады по русскому языку, языковой практикум, а также занятия, знакомящие со славянскими культурами, литературами и фольклором в увлекательной интерактивной форме. Подробно о работе школы славистики в разные годы можно прочитать на ее странице: <https://slavschool.philol.msu.ru/>. Кстати, ее сайт украшает одна из самых характерных и загадочных

славянских букв – польская *q*, которая может служить прекрасной иллюстрацией как славянской специфики (она обозначает характерный носовой звук польского языка), так и включенности в общую европейскую культуру (польская азбука создавалась на базе латиницы). Она связана также с историей русского и других славянских языков: именно польские носовые, а точнее сопоставление корней, содержащих носовые в польском языке, с их русскими соответствиями (типа *дуть* – *dąć*, *дуб* – *dąb*), помогло в свое время А.Х. Востокову разгадать фонетическое значение старославянских юсов.

За прошедшие годы в работе Школы славистики приняли участие в общей сложности более 250 школьников 5–11 классов, а география участников сегодня охватывает не только Москву и Московскую область, Санкт-Петербург и Ленинградскую область, но и Белгород, Иваново, Екатеринбург, Калининград, Кемерово, Краснодар, Нижний Новгород, Новосибирск, Рязань, Самару, Симферополь, Таганрог, Владимирскую, Ивановскую и Тверскую области, Республики Башкортостан, Татарстан и Тыву. Без преувеличения – за эти годы нам удалось создать коллектив увлеченных единомышленников, объединенный интересом к многообразию славянских языков и культур, который пополняется студентами и выпускниками филологического факультета МГУ и других славистических центров Москвы.

Лекции и семинары в рамках школы в разные годы проводили преподаватели филологического и исторического факультетов МГУ (Н.Е. Ананьева, В.В. Антонюк, М.Н. Белова, Е.В. Верижникова, К.В. Лифанов, О.А. Кузнецова, О.А. Остапчук, В.С. Пуятин, А.А. Широкова, Е.И. Якушкина), Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ (А.Ч. Пиперски), Института лингвистики РГГУ (И.Е. Пинхасик, А.А. Сомин) и Института истории и филологии РГГУ (С.С. Скорвид, Д.К. Поляков), Уральского федерального университета (К.В. Осипова), научные сотрудники Института славяноведения РАН (С.А. Борисов, Д.Ю. Ващенко, А.В. Грасько, А.А. Индыченко, К.А. Климова, С.М. Михеев, М.Н. Саенко, А.В. Семенова, А.И. Чиварзина, Е.В. Шатко) и Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН (Ж.Ж. Варбот, В.А. Плуменян, Н.П. Иордани). В работе школы принимали участие также сербские коллеги (И. Илич, Б. Мاستилович), в том числе представители филологического факультета Белградского университета (М. Евтич, Н. Джорджевич). Традицией школы славистики, которой организаторы очень дорожат, является научная конференция, где с докладами, посвященными славянским языкам и культурам, выступают юные участники школы. Особую гордость

вызывает тот факт, что сегодня некоторые из них сами стали преподавателями Школы, как соавторы нынешнего сборника: Н.И. Киреев и П.И. Долгополов.

При составлении сборника мы сохранили хронологический порядок, в котором звучали лекции и проходили семинары. К сожалению, тексты К.В. Лифанова и С.С. Скорвида мы публикуем посмертно, отдавая дань исследовательскому и педагогическому таланту замечательных коллег-славистов.

Собранные в сборнике материалы и лекции затрагивают целый ряд актуальных вопросов современной славистики, включая классификацию славянских языков с применением современных методик (М.Н. Саенко), анализ языковых и культурных контактов славянских и неславянских народов в истории и современности (Н.Е. Ананьева, К.В. Лифанов, С.С. Скорвид, Н.И. Киреев, И.О. Гриценко), характеристику славянской письменности и книжной культуры (М.Н. Белова). Отдельные лекции были посвящены полевым исследованиям устной славянской речи (С.А. Борисов), географии распространения и истории развития славянской лексики и терминологии (Ж.Ж. Варбот, Е.И. Якушкина, А.А. Индыченко, М.Н. Саенко), историко-культурным процессам в славянском ареале (А.В. Грасько). Отдельное внимание было уделено рассмотрению редких славянских языков, таких как македонский (В.А. Плунгян, Е.В. Верижникова) и лужицкий (П.И. Долгополов).

Каждая лекция представляет собой результат авторского осмысления уникального научного материала, позволяет взглянуть на славянский мир, языки и культуры, его составляющие, как на динамичную, развивающуюся, взаимосвязанную систему. Авторы стремятся не только познакомить слушателей, а теперь и читателей с важнейшими научными аспектами современной славистики, но и пробудить интерес к дальнейшему изучению славянских языков и культур во всём их многообразии. Некоторые из текстов создавались специально для сборника, другие довольно близко воспроизводят лекции, прозвучавшие в ходе Школы, и, возможно, сохраняют некоторые шероховатости, свойственные устной речи, но важность фиксации их на письме перевесила соображения сугубо стилистического характера.

Пользуясь случаем, выражаем искреннюю благодарность студентам кафедры славянской филологии, принявшим участие в расшифровке лекций и подготовке их к печати: А. Бабицкой, Е. Дадыкиной, Е. Гарькуше, Н. Гуманковой, П. Жуковой, А. Зубелевичу,

И. Каменнову, В. Караваевой, А. Карпенко, А. Кудрявцевой, А. Литвин, А. Мореновой, С. Панфёровой, В. Хохловой, М. Ярославцевой, а также Н.П. Иордани (младшему научному сотруднику Института русского языка им. В.В. Виноградова).

Помещенные в сборнике тексты располагают к активному вдумчивому чтению, фактически каждый из них сопровождается вопросами и заданиями с ответами; в конце собрана также литература для дальнейшего самостоятельного изучения.

Надеюсь, что этот сборник станет для вас надёжным проводником в мире славистики и вдохновит на собственные исследовательские поиски.

Ответственный редактор сборника
О.А. Остапчук

2020 год

Наталья Евгеньевна Ананьева

Польский и русский языки и их контакты

Общеизвестно, что польский – западнославянский язык, а русский – восточнославянский, поэтому ряд черт, в первую очередь фонетических, отличает русский язык как восточнославянский от польского как западнославянского на уровне системы. Представим основные такие черты.

Наличие в русском языке полногласия, а в польском неполногласных сочетаний, то есть судьба сочетаний **TorT*, **TollT*, **TerT*, **TellT* по своему результату разная в польском и русском языках. Если в русском языке *корова*, то в польском – *krowa*, если в русском *берег*, то в польском – *brzeg*, русскому *молодой* соответствует польское *młody* (ср. также однокоренное *młodzieniec*). При этом следует обратить внимание на то, что польское *młodzieniec* обозначает совсем не младенца, а юношу, а русское *младенец* является старославянизмом, потому что иначе было бы *молоденец*. Младенца в польском языке называют совсем другим словом, связанным с невозможностью младенцев говорить: *nie mówi* ‘не говорит’ – *niemowlę* ‘младенец’.

Следующая особенность польского языка, отличающая его от русского, это сохранение сочетаний *tl*, *dl* в польском: например, *mydło*, *sadło*. В русском нет зубного перед *л*, поэтому по-русски будет *мыло*, *сало*; русское *шел* соответствует польскому *szedł*, причем *ł* после *d* не произносится, но пишется, русскому *плел* соответствует польское *plótl*, но в нем пишется *ó* (*o kreskowane*) на месте бывшего *ō* (*o* долгого), хотя в женском роде представлена оппозиция *plotła* – *плела*. От этого глагола, известного обоим языкам, образуются польские и русские *plotka* ‘сплетня’ и *plotkar(k)a* ‘сплетница’.

Кроме того, на стыке морфем в польском языке отсутствует *l* после губного (так называемый *l* эпентетикум): в польском – *ziemia*, а в русском соответственно *земля*. Или возьмем, например, глагольную форму *lubię*; «*To lubię*» – заглавие очень известного, программного стихотворения Адама Мицкевича, которое переводится на русский как «Я люблю».

Следующая фонетическая черта русского языка, отличающая его от польского: в русском сохраняются смягченные зубные *т’*, *д’*, *с’*, *з’*.

Правда, с течением времени в русском языке *m'* приобрело призвук *c'* и произносится почти как мягкий *ц'*. Тем не менее, *m'*, *d'*, *c'*, *z'* на месте праславянских **t'*, **d'*, **s'*, **z'* не дошли до той степени мягкости, которая представлена в польском языке: среднеязычные, или средненёбные *ć*, *dź*, *ś*, *ź*. Так, русскому *тело* соответствует польское *cialo*; русскому *стена* – польское *ściana*; русскому *место* – польское *ciasto*. Здесь также отличается огласовка корня, что связано с разной судьбой «ять» в русском и польском языках: во всех представленных словах в праславянском был звук *ě*, который в определенных позициях в польском, а именно перед *t*, *d*, *s*, *z*, *n*, *r*; *l* дал *a*, а в остальных позициях – *e*: *cialo* – *w ciele* (поскольку здесь позиция уже не перед *l*, а перед *l*); *ciasto* – *w cieście*. В свою очередь, в литературном русском языке во всех позициях на месте «ять» представлен *e*.

Следующее различие между польским и русским языками в области фонетики: сохранение в русском звука *p'* и переход его в польском в звук *ж* (перед гласным и после звонкого согласного) или в *ш* (после глухого согласного). При этом на письме данные звуки обозначаются как *rz*. Это связано с тем, что до XVIII в. в польском языке был сохранившийся до сих пор в чешском языке звук *ř* [*рж'*]. В польском *ř* через стадию превращения вибранта в призвук преобразовался в *ж* (и *ш*), которые со второй половины XVI в. отвердели. Например, *trzy* 'три' с твердым *ш*, *rzepa* 'репа', *rzeka* 'река' или *drzewo* 'дерево' с твердым *ж*, в отличие от чешского, где этот звук мягкий.

В русском языке сохранилось разноместное ударение. В праславянском языке, как известно, оно было разноместным и подвижным, в польском же установилось постоянное место ударения – на предпоследнем слоге. В лингвистике такой тип ударения называется парокситоническим. При этом установление и стабилизация неподвижного ударения шли через стадию инициального (начального). Такое ударение представлено в чешском языке, в котором ударение именно на первом слоге. Например, польское *mąka* соответствует русскому *мука*, где сохранилось старое место ударения; в русском – *тетрадь*, в польском – *zeszyt*; в русском языке – *учебник* и *учебника*, а в польском, поскольку представлено парокситоническое ударение, будет *podręcznik* (этимологически 'то, что находится под рукой') и *podręcznika* (родительный падеж).

В отличие от русского языка и многих других славянских языков, за исключением некоторых диалектов словенского языка, находящихся за пределами Словении, в польском сохранились носовые гласные –

гордость поляков, приближающая их к французам. Для поляков Франция всегда была определенным эталоном, в Польше был распространен культ Наполеона, поляки участвовали в походах Наполеона с надеждой, что это поможет Польше получить утраченную в конце XVIII в. независимость. Как писал А. Мицкевич, «*Co Francuz wumysłi, to Polak polubi*» ‘что француз выдумает, то поляк полюбит’. В частности, польский язык сближают с французским носовые гласные: *ą* (о носовой) и *ę* (е носовой). Носовым является именно *o* несмотря на то, что пишется как *a z ogonkiem* ‘с хвостиком’. Это расхождение графики с произношением связано с тем обстоятельством, что краковские первопечатники (а печатное производство началось в Кракове) отразили в своих произведениях тот характер носового, который тогда был ему присущ. Носовые других лехитских языков не сохранились.

Носовые в польском языке не всегда соответствуют по качеству праславянским носовым, то есть не обязательно носовой переднего ряда польского языка соответствует праславянскому носовому переднего ряда и не обязательно задний носовой польского языка соответствует заднему праславянскому. Это обусловлено тем, что в конце XIII в. оба праславянских носовых (переднего и заднего ряда) совпали в одном по качеству гласном *a*, который различался, как и все гласные польского языка и других славянских языков, по долготе и краткости. И до определенного периода эти долготы и краткости сохранялись в польском языке. Таким образом, два качественно разных носовых в праславянском совпали в польском в одном звуке *ą*, который различался долготой и краткостью. Со второй половины XV в. на месте носового краткого *ą* развился современный *ę*, а на месте носового долгого *ą* развился *ą̄*. Отсюда в польском языке появляются *część* ‘часть’, где *ę* соответствует праславянскому носовому переднего ряда (поскольку здесь был представлен краткий носовой) и *cząstka* ‘частица’, где носовой заднего ряда не соответствует праславянскому носовому заднего ряда: здесь в праславянском был носовой переднего ряда, на что указывает русский язык. Праславянский носовой переднего ряда в русском языке, в котором произошла деназализация (утрата носовых), представлен как *a* после мягких согласных (на письме *a* или *я*: ср. *часть* и *пять*), а континуантом праславянского носового заднего ряда в русском языке является *у*: например, рус. *мука* – пол. *mąka*. Кстати, и *mąka*, и *męka* едины в смысле соотношения с праславянским языком: здесь был носовой заднего ряда, отсюда в русском языке и *мука*, и *мука*. Или,

например, *idę* ‘я иду’ доказывает наличие в праславянском в данной глагольной флексии носового заднего ряда.

Носовые, которыми так гордятся поляки, вероятно, все-таки утратятся и в польском языке. Этот процесс общеславянской деназализации, который начался очень давно в других славянских языках, затрагивает в настоящий момент и польский язык. Что касается *ę* на конце слова, то оно уже с XVII в. начинает утрачиваться, хотя носовость поддерживается орфографически. То есть пишут и под влиянием письма произносят *ę*, но естественная тенденция – деназализация (утрата носовости), поэтому *-ę* в *idę* ‘я иду’ или в *książkę* ‘книгу’ (например, *tam książkę* ‘у меня есть книга’) произносится без ринезма.

Длительнее сохранялся носовой заднего ряда *ą*, представленный, например, в творительном падеже единственного числа существительных женского рода (*książką* ‘книгой’) и в 3-м лице множественного числа презенса (*idą* ‘они идут’). Но уже сейчас существует тенденция разложения этого *ą* на два звука, а именно *o* и *u* неслоговое. В польских диалектах носовой заднего ряда часто распадается на *o* и носовой согласный (*n*, *m*), а в разговорном литературном языке после *o* следует именно *u* неслоговое. Таким образом, не исключено, что общеславянский процесс деназализации, который в славянских языках происходил раньше, охватит и польский язык.

Еще одно отличие польской фонетики от русской – это произношение звука *л* / *l*. Русский *л* является зубным, такой же звук был и в польском языке. Он еще сохранялся в XIX в., но позднее проявляется тенденция к его билабиальному произнесению, т.е. участию губ, вследствие чего вместо зубного произносится неслоговое *u*. Тем не менее даже в XX в. от драматических артистов требовали произносить зубной *l*, хотя полякам уже было трудно это делать, поскольку действовала естественная тенденция к билабиальности указанного звука. Этот процесс по-польски называется «walczenie». В речи поляка, который блестяще владеет русским языком, данная фонетическая особенность может выдавать его польское происхождение, из-за трудностей в произнесении *л*. В силезских говорах (а в Польше выделяется 5 диалектных зон: великопольская, малопольская, силезская, кашубская и мазовецкая) билабиальность *l* привела даже к тому, что данный звук утрачивается в сочетании с *u*. Например, литературное *stół* ‘стол’ (когда-то в польском, как и в русском, в этом слове был *t* – *stół*,

но потом этот *t* исчез) у силезцев и в граничащих с силезскими говорами малопольских говорах произносится как *sup*.

Еще о фонетике следует сказать, что для польского как для западнославянского языка характерно стяжение гласных, между которыми был *j*. Стяжение произошло в существительных, прилагательных, притяжательных местоимениях, глаголе. Оно происходило в разные исторические периоды: например, в глаголе позднее, а в прилагательных и существительных – еще в дописьменную эпоху. Например, русскому *новая* соответствует польское *nowa*, русскому *новый* – *nowy*, *новое* – *nowe*, *читаешь* – *czytasz*, *читаеме* – *czytacie*, *делаешь*, *действуешь* – *działasz*, *делаем* – *działamy*. Что касается 1-го лица единственного числа – *czytam*, *działam*, *rozumiem* – как будто здесь тоже произошло стяжение. На самом деле в этой форме произошел не фонетический процесс, а проявилось воздействие форм 1-го лица единственного числа нетематических глаголов *dam*, *wiem*, которые повлияли на установление форм на *-am/-em*. В 3-м лице множественного числа этих глаголов стяжения не произошло. Считается, что осуществлению стяжения мешал носовой. Поэтому русскому *читают* соответствует польское *czytają*, с сохранением нестяженной формы. С другой стороны, и в инфинитиве глаголов типа *бояться*, *стоять*, *смеяться*, и в прошедшем времени этих глаголов произошло стяжение: *бояться* – *bać się*, *боялся* – *bał się*, *стоять* – *stać*, *стоял* – *stał*, *смеяться* – *śmiać się*, *смеялся* – *śmiał się*.

Перейдем к некоторым морфологическим отличиям польского языка от русского. Морфологическая система польского языка довольно близка к русской: те же два числа, а когда-то, как и во всех славянских языках, в польском и русском было двойственное число, от которого остались такие формы, как, например, польские *oczu* ‘очи, глаза’, *uszu* ‘уши’, в родительном падеже – *oczu* ‘очей, глаз’, *uszu* ‘ушей’, форма именительного двойственного числа *niewieście* сохранилась в пословице *Jedna gęś, dwie niewieście – jarmark w mieście* ‘Одна гусыня, две женщины – базар в городе’. *Niewieście* – форма двойственного числа слова *niewiasta*, которое имело значение ‘женщина’, а не ‘невеста’, как в современном русском языке.

Польская падежная система также близка русской, однако, в ней присутствует также звательный падеж (форма). В русском языке тоже раньше была форма звательного падежа: ср. «Чего тебе надобно, *старче?*» – в сказке «О рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина или восклицание: «*Боже мой!*», где *Боже* – форма звательного падежа от слова *Бог*, по-польски – *Bóg* – *Boże*.

В польском языке отсутствуют старые глагольные формы прошедшего времени имперфект и аорист, они сохранились только в рудиментарном состоянии в некоторых памятниках. В современном русском языке тоже нет аориста и имперфекта, в отличие от ряда южнославянских языков.

Яркое отличие польского от русского – утрата в окончаниях 3-го лица настоящего времени единственного и множественного числа *t*. Русским *пьет, поет, несет* соответствуют польские *pije, pieje* (‘поет’ – только о птицах, обычно о петухе, о человеке говорят *śpiewa*), *niesie*. Во множественном числе: *śpiewają – поют, wożą – возят*. Эти особенности польского языка распространились на те языки, которые взаимодействовали с польским и подвергались его влиянию – восточнославянские языки, в которых много общих черт с польским, – белорусский и украинский. Например, как в польском языке, в украинском представлены стяженные формы именительного в прилагательных – жен.р. *нова*, ср.р. *нове*, мн.ч. *нові*. И только в мужском роде сохраняется нестяженная форма (*новий*).

Характерная особенность польской морфологии – изменение по лицам глаголов в прошедшем времени, чего нет в русском языке, в котором в формах прошедшего времени находят выражение только род и число: *я был, ты был, я была, ты была, мы были, вы были*. В польском языке выражены не только род и число, но и лицо: *я был – byłem, ты был – byłeś, он был – był, я была – byłam, ты была – byłaś, мы были – byliśmy / byłyśmy* (в зависимости от выражения категории мужского лица или ее отсутствия). Особая категория мужского лица, отсутствующая в русском языке, относится к ярким особенностям польского языка. Она, в первую очередь, выражается в существительных, а вторичное ее выражение (на синтаксическом уровне) происходит в связанных с существительным синтаксически частях речи, то есть в прилагательных, количественных числительных, в прошедшем времени глаголов: *byliśmy* и *byłyśmy*, где *li* – показатель лично-мужской формы, а *ły* – неличной. Категория мужского лица выражается именно во множественном числе, это происходит также в замещающих существительное местоимениях, отсюда формы местоимения *oni* и *one*. В единственном числе, как и в русском языке, в существительных мужского рода представлена категория одушевленности / неодушевленности, во множественном же числе противопоставляется совокупность, в которую входит хотя бы один человек мужского пола, совокупности, в которой нет этого представителя мужского пола. Исходя из этого та совокупность, где присутствуют только женщины, или животные и женщины, или

предметы именуется местоимением *one*, а та, где есть мужчина (например, *pan*, *mężczyzna*), – *oni*. Таким образом противопоставлены *one* как неличная (женско-вещная) форма и *oni* как личная форма.

Существительные, которые обладают семантикой (значением) мужского пола, имеют в именительном множественном особый показатель. Для существительных существует два способа выражения категории мужского лица: именительный падеж множественного числа с особыми показателями, в частности, в твердой разновидности *-i* и *-owie*. Причем *-owie* проникает и в мягкую разновидность, в которой оппозиция личных существительных неличным недооформилась (так, флексия *-e* употребляется и в личных существительных, и в неличных: *pisarze* ‘писатели’ и *kosze* ‘корзины’). Примеры лично-мужских форм именительного падежа: *pan* – *panowie*, *student* – *studenci*, *uczeń* – *uczniowie*. Вторая форма, в которой выражена дифференциация между лично-мужскими и неличными существительными, – винительный падеж. В русском языке для одушевленных существительных, как в единственном, так и во множественном числе в функции винительного падежа употребляется родительный, в польском таким же образом во множественном числе выражается категория мужского лица: *widzę panów* (В.=Р.: ‘я вижу мужчин’), но *widzę panie* (В.=И.), в отличие от русского. По-русски *я вижу женщин, кошек, собак* (В.=Р.), а по-польски винительный равный именительному: *widzę kobiety*, *widzę koty*, *widzę psy* (поскольку эти существительные не обладают семантикой мужского лица).

Формы *pan*, *pani* одновременно являются формами вежливого обращения в польском языке и выполняют функцию местоимений, для них это прономинальная функция (от лат. *pronomen* ‘местоимение’). *Proszę pani* ‘пожалуйста’ – обращение к женщине, *proszę pana* – обращение к мужчине. При обращении только к женщинам употребляется плюратив *panie*, что переводится как ‘вы, дамы’, а если речь идет о мужчинах, то употребляется форма *panowie*: *panowie*, *cicho* ‘господа, тише’. Если же это совокупность, представленная и мужчинами, и женщинами, то употребляется форма *państwo*: *proszę państwa*, *niech państwo idą* ‘пожалуйста, идите’. *Państwo* в функции уважительного *вы* употребляется с третьим лицом множественного числа, в отличие от омонимичного существительного *państwo*, которое обозначает государство и употребляется со сказуемым в единственном числе: *Państwo już są tu* ‘Вы уже здесь’ (*są* ср. устаревшее рус. *суть*).

Различие между русским и польским языками проявляется также в форме их выражения на письме. В Польше христианство было

принято в 966 году во время правления великопольского князя Мешко I по инициативе его жены Дубравы, которую на польский манер называют *Dąbrówka*. Она была чешкой, а Чехия приняла христианство раньше Польши. В связи с тем, что христианство было принято по римско-католическому образцу, польская письменность представлена латиницей, в отличие от русской кириллицы, связанной с церковнославянской традицией. Важно обратить внимание на роль женщин в христианизации стран. Крещение Руси также произошло не без влияния женщины, ибо на Руси первой из княжеского рода крестилась под именем Елена бабушка князя Владимира Ольга. Предполагается, что крещение Руси произошло в 988 году, однако некоторые считают, что в 990–991 гг., но важно, что произошло это на 20 лет позднее, чем у поляков.

Отсутствующие в латинском языке звуки изображались главным образом через сочетание букв – это лигатурный способ их передачи. Например, в латинском отсутствуют шипящие *ш* и *ч*, и эти звуки передаются на письме сочетаниями *sz* и *cz*, отсутствует звонкое соответствие *с* – используется диграф *dz*. Правда, лигатурный способ не сразу появился в польских памятниках. В первом польском памятнике – Свентокшиских проповедях (*Kazania Świątokrzyskie*) – еще нет лигатур, это памятник простой графики. Являясь простой по обозначению звуков, отсутствующих в латыни, указанная графика очень сложна для читателя, поскольку один и тот же знак может обозначать целый ряд звуков: например, *t* обозначает *т*, *ć*, и *cz*. Лигатуры были введены позднее, и Свентокшиские проповеди – единственный польский памятник, полностью написанный простой графикой. Все остальные, более поздние памятники, относятся к сложной графике, где используется лигатурный способ обозначения шипящих.

Значительно позднее для обозначения специфических польских звуков были введены надстрочные знаки – «крески» (польск. *kreska* ‘черточка’; в чешском такой диакритический знак, который в свое время предлагал Я. Гус, называется *čarka* и используется для обозначения долготы гласных). Предполагается, что «креска» возникла из буквы *i*, которая ставилась над согласным, чтобы обозначить его мягкость перед гласным, а затем превратилась в ту самую черточку, которая ставится над мягкими согласными. В настоящее время в польском языке «креска» не ставится над губными согласными, потому что в позиции на конце слова они отвердели – это еще одно отличие польского языка от русского: ср. в русском *голубь*, по-польски – *goląb*. На то, что здесь и в конце слова был мягкий согласный, указывает наличие мягкого

губного в парадигме склонения (*gołębia* и т.д., *Wrocław – Wrocławia* и т.д., *karp – karpia* и т.д.). Так что «крески» над губными сейчас не ставятся, хотя до этого, когда на конце слов были мягкие губные, их ставили. «Креска» обозначает мягкость согласного перед другим согласным или на конце слова, а перед гласным достаточно знака *i* (который в данной позиции не имеет звукового значения): *miasto* ‘город’, *dłoń* ‘ладонь’, *kość* ‘кость’.

Во второй половине XV в. возникает еще один знак-диакритик, но на этот раз уже подстрочный, *ę* (*e* с хвостиком), обозначающий носовой на месте краткого носового *q*. Впервые он появляется в Пулавской псалтыри во второй половине XV в. Считается, что этот памятник отражает утрату противопоставления гласных по долготе и краткости в польском языке, которое сохраняется, например, в чешском. Знак *q* появляется позднее, поскольку для носового заднего ряда длительнее сохраняется традиционное обозначение носовых сочетанием *am / an*. В Свентокшиских проповедях употреблялся один особый знак для обозначения двух носовых, потому что с конца XIII в. ранее качественно различающиеся носовые совпали в одном *a*-образном, который мог быть кратким или долгим. При этом в памятниках, которые связаны с устной традицией, например, в записанных в суде показаниях носовые обозначались сочетаниями *am*, *an*. Они, как уже было указано, долго сохранялись на месте носового заднего ряда, и только краковские первопечатники с середины XVI в. начали вводить знак *q* для бывшего *a*-образного долгого носового – будущего *o* носового. Этот знак до сих пор сохраняется для обозначения польского носового заднего ряда и называется по-польски *o nosowe*.

Благодаря таким различиям на первоначальной стадии письменного развития обоих языков, то есть благодаря принятию христианства на Руси по греко-византийскому образцу и следованию церковнославянской традиции, с одной стороны, и крещению Польши по римско-католическому, с другой – Русь первоначально тяготеет к культуре и языку Болгарии, а Польша и польский язык тяготеют к римской культуре и латинскому языку: почти вся польская религиозная терминология восходит к латыни, и письменное влияние происходит через латинские книги. При этом латинские термины, религиозные и не только, идут через посредничество немецкого и чешского языков. Например, слово *ofiara* ‘жертва’ связано с латинским, но пришло в польский через немецкое *Opfern*, а затем через чешское *ofěra*. Латинское *castellum* через чешское *kostel* приходит в польский язык в виде *kościół*. А вот пример того, как из латыни в польский проникает через немецкий слово, которое не связано с религиозной

терминологией: *flanca* ‘саженец’ от немецкого *Pflanze*, которое, в свою очередь, происходит от латинского *planta* ‘растение’. Существенную роль при переводе Вульгаты (канонический латинский текст Библии, который, по преданию, перевел святой Иероним с древнегреческого) сыграл чешский язык. Влияние чешского при переводе Священного писания на польский язык обусловлено тем, что в Чехии переводы были сделаны ранее и послужили образцом для польских переводов. В частности, для единственного точно датированного польского памятника – *Biblia szarospatacka* (1455), также именуемого *Библией королевы Зофы*, установлено наличие чешского протографа (образца) и выявлено значительное число богемизмов (чешских заимствований).

Кроме влияния латыни и чешского, не характерного для русского языка, на польский язык оказывал влияние и немецкий язык. Причем не через книги, как латынь, которая до середины XVI в. была литературным языком для поляков (например, Н. Коперник писал свои произведения на латыни), а через непосредственный контакт немецких колонистов, населявших города, служащих, миссионеров, ремесленников с поляками. Эти контакты были очень давними; заметим, что и Н. Коперник по происхождению был не поляком, а немцем. Польско-немецкие контакты привели к появлению в польском языке германизмов, относящихся к повседневной сфере. Например, поляки говорят: *dziękuję ślicznie* ‘отлично благодарю’ – по-русски так сказать нельзя, это выражение – калька с немецкого *Danke schön*. Глагол долженствования *musieć*, распространенный во всех западнославянских языках, в том числе и в польском, также является германизмом. К заимствованиям из немецкого языка относятся названия различных построек, городских объектов, например, *mur* ‘стена’, *plac* ‘площадь’, *ratusz* ‘ратуша’, ср. также *rabować* ‘грабить’ – из немецкого *rauben*. И даже, казалось бы, польское слово *złoty* на самом деле является калькой с немецкого *Gulden*. *Szyba* ‘оконное стекло’ (слово есть и в украинском, и в белорусском) тоже из немецкого языка. Польские национальные блюда также соотносятся с немецким языком. Например, *bigos* (что-то наподобие солянки, капуста с мясом) восходит к немецкому *Beiguss* ‘подливка’; с германизмом *flaki* ‘потроха’ есть фразеологизм *nudny jak flaki z olejem* (‘тошный, как потроха с растительным маслом’); слово *żur*, обозначающее популярное славянское блюдо (суп), тоже происходит из немецкого и соотносится с ‘кислым’. Примечательно, что немецкий язык начал влиять на русский позднее, чем на польский, при этом нередко германизм попадал в русский язык при посредничестве польского.

В ранний период развития письменности в русском и польском языках мы видим влияние на них разных языков, любопытно, что в допетровскую эпоху отмечается влияние на русский польского языка. Петровская эпоха приостановила южное влияние, и оно стало голландско-немецким. В допетровскую же эпоху отмечается влияние польского языка и западнорусской культуры на великорусскую. Так, многие латинские слова, связанные с наукой, пришли через польское посредничество, тогда же через польский язык в русский вошли некоторые германизмы (*ратуша, рыцарь*). Заимствовались и собственно польские слова. Заимствование не всегда было связано с культурно-этнографическими польскими реалиями (типа *костел, мазурка, полонез, шляхта*). Например, в русском языке присутствовал впоследствии утративший значение ‘осаждать’ глагол *облегать* (ср. польск. *oblegać* ‘осаждать’). Прилагательное *наглый* (польск. *nagły*) в русском языке имеет значение ‘нахальный’, в польском же – ‘внезапный’, поэтому польское сочетание *nagła śmierć* кажется русскоязычному человеку очень странным. Существует мнение, что даже польская лексема *wódka* тоже превратилась в русскую ‘водку’.

В XVII–XVIII вв. южное влияние на русский язык сменяется воздействием польского языка и культуры, а также белорусского и украинского языков. Здесь была велика роль выпускников Киево-Могилянской и Славяно-греко-латинской академий. Речь идет о деятелях православия, хотя некоторые из них были связаны с униатством и Римом (Симеон Полоцкий, известный богослов и поэт; Феофан Прокопович, сподвижник Петра Первого, который сменил на посту руководителя главы Синода Стефана Яворского, в котором разочаровался Петр, ибо Стефан не всегда поддерживал его взгляды и начинания).

До избрания на царство Михаила Романова в 1613 году, в период Смутного времени, поляки и русские входили в непосредственные контакты, как в деловые и военные, так и в бытовые. Многие исторические русские романы посвящены именно этой эпохе Смутного времени, например, упомянутый в «Ревизоре» «Юрий Милославский» Михаила Загоскина; роман «Димитрий Самозванец» поляка и билингва Фаддея (Тадеуша) Булгарина, родившегося на территории современной Белоруссии; повесть «Наезды» Александра Марлинского. В этих произведениях отражено влияние польского языка. Авторы употребляют полонизмы с целью речевой характеристики польских персонажей, но некоторые из этих полонизмов становятся на определенном историческом этапе достоянием общерусского языка, как например

историзм *лисовчик* (солдат конницы Лисовского), возникший в период Смутного времени.

Влияние польского языка проявляется даже в языке православной русской литературы, поскольку нередко религиозные произведения переводятся с польского, то есть полонизмы проникают и в церковнославянский язык.

В эпоху, предшествующую правлению Петра Первого, при российском дворе царил культ польского. Предшественником соправителей Петра и Ивана был царь Федор III Алексеевич. Правил он недолго, первым браком был женат на польке незнатного рода Агафье Грушецкой. В это время при дворе вводится мода на польское платье и прически, распространяются польские обычаи. Учителем Федора Алексеевича был Симеон Полоцкий, приглашенный еще его отцом Алексеем Михайловичем для обучения сына. Полоцкий учил Федора латинскому, древнегреческому и, конечно, польскому языку. Эта традиция обучения монарха польскому языку сохраняется в Российском государстве даже в то время, когда Польша утрачивает независимость. В частности, в списке предметов, которые изучал Александр II, значится польский язык: монарху нужно было знать язык той части страны, которая входила в состав Российской империи.

Кстати, Федор Алексеевич был достаточно интересной фигурой на троне. Он писал стихи, или вирши, как тогда говорилось (польское *wiersz*). Вероятно, это слово вошло в русский через украинский. Федор, в частности, перевел псалтырь Давида и издал этот перевод в типографии Симеона Полоцкого. Симеон Полоцкий вдохновил Федора Алексеевича на создание такого учреждения, как Славяно-греко-латинская академия, сыгравшая большую роль в развитии гуманитарного образования в России.

Участвовавший в управлении государством при правительнице Софье Василий Голицын, просвещенный и образованный человек, был ориентирован на польское влияние. Оно в какой-то степени сменилось немецко-голландским при Петре, но полностью не исчезло.

Русские литераторы XVIII–XIX вв. изучали польский язык, особенно в XIX в., желая читать в подлиннике произведения такого выдающегося польского поэта, как Адам Мицкевич. Благодаря А.С. Пушкину создается одиозное впечатление о ранее упомянутом писателе Фаддее Венедиктовиче (Тадеуше) Булгарине, но в настоящее время существует тенденция к его оправданию. Издаются книги о Булгарине, переиздаются произведения самого Булгарина. Выяснилось, что он формально не был агентом Третьего отделения.

Булгарин сыграл большую просветительскую роль в истории русской словесности, а также способствовал вместе с О. Сенковским вхождению полонизмов в русский язык. Он является создателем первого беллетристического романа на русском языке – «Иван Выжигин», над которым, правда, издевался Пушкин, писал на него эпиграммы, но, тем не менее, эта книга пошла в народ, и народ пристрастился к чтению. Да, пусть этот авантюрный роман читали слуги и мастеровые, а не представители высшего общества, но «Иван Выжигин» сыграл свою роль в деле пробуждения интереса к чтению у простонародья. Булгарин – один из родоначальников исторического жанра. Он дружил с А. Грибоедовым, и впервые именно на страницах журнала «Русская Талия» (журнал Булгарина) было напечатано «Горе от ума», хотя и не полностью. Известно, что у Булгарина учился польскому языку А. Бестужев-Марлинский.

Петр Андреевич Вяземский, поэт, друг Пушкина, одно время служил в Варшаве и тоже изучал польский язык. Это пригодилось ему в написании пьесы совместно с А.С. Грибоедовым. Иван Алексеевич Бунин, хотя и происходил из польского рода, не знал польского языка, пока не начал его изучать, чтобы прочитать в оригинале поэму А. Мицкевича «Пан Тадеуш». Польский знали и Александр Иванович Куприн, и Николай Семенович Лесков. Последний очень часто употреблял полонизмы. При этом не все полонизмы, к сожалению, переводятся на русский или поясняются при издании его произведений. Значение таких полонизмов остается скрытым для не знающего польского языка читателя. Например, в рассказе «Антука» описывается меню в корчме (действие рассказа происходит в корчме на галицийской границе, то есть, на территории бывшей Речи Посполитой), где указана *воловая печень*, на самом деле – это калька с польского *pieczeń wolowa* ‘говяжье жаркое’.

Федор Михайлович Достоевский на каторге познакомился с польским языком и широко использовал его в «Братьях Карамазовых». В этом произведении представлены неприглядные польские персонажи, но сейчас речь не о стереотипах поляков в русской картине мира, отраженной в литературе, а о языке. В беседе с Дмитрием Карамазовым участвуют некие Врублевский и Муссялович, здесь автор дает полякам-шулерам фамилии, хотя, как правило, в других романах поляки у него безымянные и не более симпатичные, чем эти Врублевский и Муссялович. При этом полонизмы употребляет и Дмитрий Карамазов, беседующий с ними, но в его устах польские слова звучат как эхо тех полонизмов, которые употребили до этого поляки. В «Записках из

мертвого дома» полонизмов нет, но там выведены реальные поляки под другими фамилиями. А вот в «Игроке», если говорить о безымянных поляках, представлены шулеры, которые по сюжету окружают бабушку. Первоначально эти шулеры лебезят вокруг бабушки, которая выигрывает, а потом уже ведут себя чрезвычайно нахально. В романе употребляется типичное выражение *падам до ног* (польск. *padam do nóg*) как пример раболепия. *Падам до ног* и еще *стопки паньские* – русифицированная форма польск. *pańskie*, то есть ‘ножки госпожи’, к которым тоже припадают поляки-шулеры. Выражение *падам до ног* становится для Достоевского настолько показателем раболепия и подхалимства, что он употребляет его даже не по отношению к полякам, оно приобретает для писателя символическое значение. Например, в одном из рассказов, описывая статью французского журналиста, пишущего с восторгом, как Наполеон III хорошо ездит верхом, Достоевский употребляет выражение *падам до ног* по отношению к этому журналисту, который проявляет таким образом раболепие, хотя здесь никакой польской тематики нет.

Всеволод Крестовский, известный своим антипольским романом-дилогией «Кровавый пух», где масса полонизмов, а временами представлена даже смесь польского и русского, естественно, тоже знал польский. Нет достоверных сведений, говорил ли Лев Николаевич Толстой по-польски, но в своих произведениях, например, в «Севастопольских рассказах» и в рассказе «За что?», где автор описывает трагическую историю сосланного в Сибирь после поражения восстания 1830–1831 гг. поляка Мигурского, Толстой очень корректно употребляет элементы польского языка.

У Антона Павловича Чехова мы даже встречаем записанную кириллицей (естественно, гражданским шрифтом) целую польскую фразу (*Nie pieprz, Pietrze, pieprzem wieprza, wtedy szynka będzie lepsza*), и над этой фразой издевается одна из героинь рассказа «Тина»: «Что это за язык такой, в котором сплошные “пш”». Такое восприятие польского языка, насыщенного шипящими согласными, является стереотипным для русского уха, что отражает этнофолизм (экспрессивный этноним) «пшеки», употребляемый по отношению к полякам.

Можно выделить из полонизмов, используемых авторами произведений на русском языке, в частности прозаических произведений, так называемый интертекст: полонизмы, присутствующие не в одном произведении, а повторяющиеся в ряде произведений. К таким интертекстовым словам относятся, в первую очередь, *пан, пани, панове, паньство, паненка, панна*, причем они

употребляются в косвенных падежах в формах русского языка. Например, для полонизма *панна* во всех произведениях русской литературы употребляется форма родительного множественного числа *панн* и ни разу не отмечена польская форма *панен* (*panien*).

Считается, что лексема *хлопец* заимствована из украинского, но если даже она вошла в русский язык непосредственно из украинского, то все равно первоисточником является польский. На это указывает польское отсутствие полногласия, о котором уже было сказано выше. Ругательная лексема *лайдак* ‘негодяй, сволочь’ (польск. *lajdak*) – излюбленное слово, которое употребляют русские писатели, когда описывают речь поляков. Восклицания *Jak Pana Kocham!* ‘ради Бога’ и *Matka Boska; padam do nóg; pan Jezus*; ругательство (сейчас поляками не употребляется, но даже в современной русской литературе представлено) *psiakrew; cholera jasna*; утверждение *tak* ‘да’ и отрицание *nie* ‘нет’ – это всё элементы интертекста. Все они в русских произведениях обычно приводятся в записи кириллицей.

К частотным полонизмам в гипертексте русской литературы относятся и некоторые формулы этикета. Например, выражающие благодарность глагольные формы *dziękuję, dziękujęm* (1-е лицо множественного числа, хотя в современном польском *dziękujemy*). Форма на *-m* может быть проявлением влияния русского языка или более старой польской формой, так как в языке XIX в. в польском языке еще сохранялось этимологическое окончание без *-у*, которое возникло в 1-м лице множественного числа под влиянием местоимения *ты*.

Формула вежливости *proszę* (‘я прошу/пожалуйста’) очень часто пишется как *прошу* – с модификацией по русскому образцу, призванной сделать форму более понятной. Можно вспомнить эту форму из песни Высоцкого: «Я говорю по-польски, *прошу* пани». К интертекстовым элементам относится также формула извинения *niepraszę* (правильно *przepraszam*), в которой перед *-m* у русских авторов часто вместо правильного *a* представлено *e*. По всей видимости, это связано с тем, что в русском, кроме глагола *дам* и производных от него глаголов, нет других глаголов на *-ам*, в отличие от массы таких глаголов в польском, а на *-ем* в русском языке, напротив, имеется много глаголов (все глаголы 1-го спряжения), поэтому и пишут *niepraszę* через *e*.

Также следует упомянуть формулу прощания *do zobaczenia* (*do zobaczenia*) – *i* в польской форме обозначает мягкость предшествующего согласного, а в русской версии здесь ставится мягкий знак под влиянием русского разговорного *до свиданья*.

В XX–XXI вв. в русской литературе тоже используются разные виды варваризмов, среди которых отмечаются и полонизмы. Их можно встретить не только в прозе, но и в поэзии. Например, у Давида Самойлова есть целый польский цикл (военные стихи, посвященные Польше), где представлены польские лексемы.

Кроме того, полонизмы встречаются не только во взрослой литературе, но и в литературе, предназначенной для подростков и школьников: например, в трилогии «Дорога уходит в даль...» Александры Бруштейн отражен польский язык окрестностей современного Вильнюса. Язык этого региона называется северо-восточной разновидностью периферийного польского языка. В воспоминаниях К.Г. Паустовского («Повесть о жизни») в первой части, где он описывает свою жизнь в Киеве с бабушкой (бабушка Паустовского по отцовской линии была полькой), отражены особенности юго-восточной разновидности периферийного польского языка. Такие произведения для подростков, как «Приключения Каспера Берната в Польше и других странах» З.К. Шишовой и С.А. Царевича и «Старая крепость» Владимира Беляева тоже обогащены полонизмами.

Если вернуться к влиянию польского языка на русский, следует отметить, что наряду с утратившимися со временем из русского языка полонизмами существуют и сохранившиеся не только в литературном языке, но и в русских народных говорах заимствования из польского языка. Примеры из Словаря русских народных говоров (общепринятое сокращение СРНГ): *банкард* ‘незаконорожденный ребенок’ пришло в польский из немецкого – расширенное *a* свидетельствует о том, что в русский язык это слово проникло из местных польских говоров, относящихся к северо-восточной разновидности периферийного польского диалекта; *мацоха* ‘мачеха’; *набой* (одно из значений ‘оружейный заряд’); *минтрожица* ‘медлительно делать’; *наважить* ‘взвесить’; *матера* ‘свиноматка’ с территории Литовской республики; *наденьковаться* ‘наблагодариться’ (Смоленщина); *наготовать* ‘наготовить’ (тоже Смоленщина); *нагвалт* ‘до крайности’, ‘обязательно’ – с территорий Латвии и Литвы.

Направление воздействия меняется после разделов Речи Посполитой. В Царстве Польском русский язык начинает влиять на польский. Главным образом в административной и канцелярской сфере, например, *wziąć fortecę* ‘взять крепость’ – по-польски было бы *zdobyć fortecę*. Влияние русского идиома продолжается в прессе и публицистике и во времена Польской Народной Республики, то есть с 1945 до 90-х годов XX в.: например, *zabezpieczyć miasto w wodę*

‘обеспечить город водой’ – по-польски было бы *wyposażyć miasto w wodę*.

После прекращения действия Варшавского договора и социально-политических изменений в Польше фиксируемые в польском языке русизмы употребляются главным образом в экспрессивной речи: *barachło, perepalka, wsio* (вместо *wszystko*). Казалось бы, пришедшая в русский из польского *wódka* превращается в *wodka* уже в польском языке и в таком «русифицированном» виде употребляется в экспрессивной польской речи, в сленге, ср. также *szama* ‘жратва’. Даже русское имя может лечь в основу польской формы, например, глагол *zaiwanić*, имеющий не очень приятное для русских значение ‘украсть’, хотя есть и глагол *zaiwaniac* с мелиоративным (положительным) значением ‘что-либо быстро делать’.

Можно вспомнить также о параллелях в воздействии на русский и польский других языков: так, с XVIII в. на оба языка влияет французский. Как известно, этот язык – один из составляющих компонентов русского литературного языка. По всей видимости, обычное употребление в русской литературе XIX в. обращения *мой друг* является калькой французского *mon ami*, как и *честное слово* и *słowo honoru*, восходящие к французскому *parole d'honneur*. Даже в разговорном словосочетании *шерочка с машерочкой* в каждой из образующих это словосочетание лексем представлены французские корни, соответствующие русским *дорогая* и *моя дорогая*. Приведем примеры некоторых польских галлицизмов, часть которых совпадает с русскими: *parter* ‘партер’ и ‘первый этаж’, *bilet* ‘билет’ и *bilecik* ‘записка’, устар. *paltot* и *palto* ‘пальто’, *parasol(ka)* ‘зонт(ик)’, *solejka* ‘юбка клеш’, *szmizjerka* ‘род платья, похожего на рубашку’, *kamizelka* ‘жилетка’, *fotel* ‘кресло’, *bluzka* ‘блузка’, *biuro* ‘бюро’ и ‘учреждение, контора’, *biurko* ‘письменный стол’, *zyrandol* ‘люстра’, *bombonier(ka)* ‘бонбоньерка’, *sawantka* – первоначально ‘образованная, знающая много женщина’, позднее ‘синий чулок’. В XIX в. в обоих языках отмечается воздействие английского языка, главным образом в спортивной и транспортной терминологии. Хотя проникновение некоторых англицизмов в польский язык отмечается и раньше. Так, из переводов шекспировских пьес, которые разыгрывали бродячие артисты, пришло в польский выражение *zapalać ognia ogniem* (англ. *to fight fire with fire*) ‘клин клином вышибать’; ср. также пожелание *polamania nóg* ‘ни пуха ни пера’, соответствующее англ. *break a leg*. В XX–XXI вв. прослеживается усиленное влияние во всех сферах жизни англицизмов в американском варианте, включая даже междометия (*gaw*) и создание

гибридов (*кликнуть, рингануть, сникерснуть*). Кроме того, в обоих языках присутствуют тюркизмы. В польский язык тюркские элементы проникали при посредничестве украинских казаков, а в русский приходили от татаро-монголов. Данные славянские языки могли заимствовать разные слова. Так, *карандаш* (тюркизм из русского языка) в польский язык не попал, в нем представлено слово *olówek* (от *olów* ‘свинец’); тюркизму из русского языка *собака* соответствует в польском славянское *pies*. В распространении итальянского и в русском, и в польском языках существенную роль сыграли женщины. Связано это с воцарением в Польше миланской принцессы Боны Сфорца д’Арагона (второй жены Сигизмунда I), а в России византийской принцессы Софьи (Зои) Палеолог, которая раньше жила в Риме и приняла католичество, а впоследствии стала женой Ивана III. Эти женщины привнесли в свои страны культ итальянского. В польском языке отмечается больше итальянизмов, но в русском они тоже есть: *торт, фонтан, банк*. Широко представлено итальянское влияние, в частности, в польской кулинарии: не случайно зелень для супа, коренья поляки называют *włoszczyzna* (буквально ‘итальянщина’).

Таким образом, мы видим, что между польским и русским языками есть как отличное, так и общее, а изучение польского (как и других славянских языков) способствует лучшему пониманию родной русской литературы, в которой есть не только полонизмы, но и другие славянские элементы, например, богемизмы, сербизмы, украинизмы и т.д.

Литература

Ананьева Н.Е. История и диалектология польского языка: Учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлениям и спец. «Филология» и «Лингвистика». 4-е изд.: исправленное и добавленное. М.: URSS, Либроком, 2013. 301 с.

Ананьева Н.Е. Польские языковые элементы в творчестве Ф.М. Достоевского // Ф.М. Достоевский и славянство. М.: Изд-во ИСл РАН, 2023. С. 107–140.

Ананьева Н.Е. Польский интертекст в русской литературе XIX–XXI вв. // PAX LATINA & PAX ORTODOXA: Славистические исследования: История, культура, литература: В честь 80-летия со дня рождения А.В. Липатова. М.: Изд-во ИСл РАН, 2017. С. 249–262.

Ананьева Н.Е. Стереотип поляка в русской художественной литературе XIX–XXI вв. // Национальная картина мира в литературах

Центральной и Юго-Восточной Европы. К 90-летию В.А. Хорева. М.: Изд-во ИСл РАН, 2024. С. 393–401.

Ананьева Н.Е., Гудков В.П., Ржанникова О.А., Тимонина Е.В. Славянские языки для абитуриентов. Вып.1. Болгарский язык. Польский язык. М.: Изд-во МГУ, 2006.

Тихомирова Т.С. Польский язык // Языки мира: Славянские языки. М.: Academia, 2005. С. 347–382.

Шетэля В.М. Словарь полонизмов русских текстов XIX–XX веков = Słownik polonizmów rosyjskich tekstów XIX–XX wieków. М.: Изд-во «Прометей», 2018. 436 с.

Вопросы

1. Что такое *walczenie*?
2. Почему в польском языке *o* носовой передается на письме буквой *q*?
3. Почему в польском языке над губными согласными никогда не ставится «креска»?
4. Почему поляки употребляют латиницу?
5. Что такое лигатура и диакритика?
6. В каких частях речи выражена польская категория мужского лица?
7. В каком из двух языков – русском или польском – выражается категория лица в формах прошедшего времени?
8. Из какого языка заимствованы в польский лексемы *flaki, ratusz, plac, żur, musieć, bigos, mur, rabować*?
9. Из какого языка заимствованы в польском слова *parter, biuro, parasolka, szmizjerka, fotel, żyrandol, sawantka, kamizelka, palto, bombonierka*? Какие из этих заимствований есть в русском языке? Какое существительное употребляется в качестве общего названия для этих заимствований?

Задания

1. Каким русским словам соответствуют польские слова *krowa, brzeg, młody*? С каким процессом связаны различия между указанными польскими словами и их русскими эквивалентами?
2. Каким русским словам соответствуют польские слова *mydło, sadło, szedł, plotła*? С чем связаны различия между перечисленными польскими словами и их русскими соответствиями?
3. Какой гласный был в праславянском языке в корне пар слов: *ciasto – тесто, las – лес, wiara – вера*? Переведите с польского: *ciało*,

ściana. Чем объясняется различие в корневых гласных в польских и русских словах?

4. С каким фонетическим процессом связаны различия между русскими словами *новая, молодой, читаешь, сумеешь* и польскими соответствиями *nowa, młody, czytasz, rozumiesz*?

5. Перечислите русских писателей, в произведениях которых отмечаются полонизмы.

6. Назовите наиболее частотные полонизмы русской литературы.

Языковые контакты славян

Темой этой лекции являются языковые контакты славян в их многообразии. Языковые контакты – это разного рода взаимодействие, которое может осуществляться между различными идиомами, языковыми образованиями. Практически все языки так или иначе взаимодействуют друг с другом, и самым простым (поверхностным) результатом этого взаимодействия являются лексические заимствования. Однако последствия языковых контактов этим далеко не ограничиваются. Контакты бывают самыми разнообразными, как и их результаты. Этими проблемами занимается особый раздел языкознания, наиболее активно развивающийся в последние десятилетия, но пока еще находящийся в процессе формирования, поэтому он не получил общепризнанного наименования. Его определяют как теория языковых контактов, контактная лингвистика, контактология.

Истоки контактологии относятся ко второй половине XIX – первой половине XX вв. Примечательно, что славянский материал использовался при анализе языковых контактов уже в самый ранний период их изучения, и первые исследователи языковых контактов были так или иначе связаны с Россией. Истоки контактологии восходят к диссертации И.А. Бодуэна де Куртенэ «Опыт фонетики резьянских говоров» [Бодуэн де Куртенэ 1875], который, изучая словенский диалект северо-восточной Италии, выдвинул теорию о смешении языков; диссертации его ученика Л.В. Щербы «Восточнолужицкое наречие» [Щерба 1915], введшего одно из основополагающих понятий современной контактологии – интерференция, а также к работе Н.С. Трубецкого «Вавилонская башня и смешение языков» [Trubetzkoy 1922], в которой автор разрабатывает понятие языкового союза и обосновывает существование балканского языкового союза.

Языковые контакты чрезвычайно важны в славянской истории, поскольку они могли влиять на сам характер славянских языков. Более того, возможно, что сами славянские языки, точнее их прародитель – праславянский язык возник как результат языкового контакта. Данная гипотеза обосновывается прежде всего в работах В.Н. Топорова и Вяч.Вс. Иванова [Иванов, Топоров 1958; Топоров 1961] и В.В. Мартынова [Мартынов 1978]. Исследователи обнаружили, что между восточнобалтийскими языками (литовским и латышским) и западнобалтийскими (прежде всего прусским) существуют глубокие

различия, причем часть отличительных особенностей прусского языка имеет параллели в славянских, а также в итальянских языках. Многие ученые связывают славян с венедами (венетами), проживавшими на территории от балтийского побережья до Карпат и низовьев Дуная. На балтийском побережье начинался янтарный путь, по которому перевозили янтарь в Средиземноморье, который завершался на северо-востоке современной Италии, где проживали другие венеты – адриатические (ср. регион Венето и город Венеция). Адриатические венеты были итальянским народом, который известен в истории тем, что был союзником римлян в борьбе с галлами и Карфагеном. Анализ этих фактов позволил выдвинуть оригинальную гипотезу о происхождении праславянского языка. Согласно этой гипотезе, славяне первоначально являлись балтийским племенем, на язык которых оказал глубокое влияние итальянский, в результате чего произошел языковой сдвиг, приведший к появлению особого праславянского языка. Итальянский язык предположительно оказал также глубокое воздействие и на язык предков пруссов, который приобрел целый ряд особенностей, представленных в итальянском и праславянском, но тем не менее сохранил балтийскую основу.

Смешение этносов имело место и позже, однако оно привело не к языковому сдвигу, а к поглощению одного языка другим. Ярким примером этого типа является формирование болгарского народа и языка. В середине VII в. хану Кубрату удалось объединить тюркские болгарские племена, проживавшие в восточной части Причерноморья и Приазовья в одном государстве, получившем название Великая Булгария. После смерти хана Курбата под давлением Хазарского каганата большей части болгар под предводительством сыновей Курбата пришлось покинуть эту территорию. Наиболее известными стали два потока. Одна часть болгар основала на средней Волге и Каме государство, называемое Волжская Булгария. Это государство достигло высокого уровня экономического развития и соперничало с Киевской Русью. В XIII в. Волжская Булгария утратила независимость, будучи завоеванной монголо-татарами. Исследователи считают, что потомками волжских болгар являются чуваша и, возможно, казанские татары. Другой сын Курбата Аспарух привел болгар на Балканский полуостров, где в 681 г. основал государство, которое в истории получило название Первое болгарское царство. В этом государстве первоначально совместно проживали славяне и тюрки, однако с течением времени произошла их интеграция в единый народ, причем в этой конкуренции победил славянский язык, но его тюркское самоназвание осталось.

Лингвисты, однако, обнаруживают отдельные болгарские лексемы в славянских языках, например: *чаша, сабля* [Добродомов 1968]; *творог, верига* [Дыбо 2021].

Активное взаимодействие языков могло иметь и иные последствия. В процессе контактирования у языков могли развиваться такие особенности, которые становились общими у ряда из них независимо от происхождения, отличая эти языки от других языков, даже имеющих общее происхождение. В результате этих контактов сформировались языковые союзы, в которые входят в частности славянские языки.

Наиболее хорошо изученным является балканский языковой союз, ядро которого составляют четыре языка: два славянских – болгарский и македонский, романский румынский, а также албанский язык, являющийся индоевропейским, но не имеющий ближайших родственных языков. К периферии балканского языкового союза относят греческий язык, сербский (прежде всего его торлакский диалект), цыганский и дискуSSIONно турецкий (одни исследователи включают турецкий язык в балканский языковой союз, а другие выступают против этого). Наиболее последовательно особенности балканского языкового союза реализуются в македонском языке. Яркой общей характеристикой балканского языкового союза является его закрытость, т. е. его черты, как правило, не выходят за рамки союза. Языки балканского языкового союза утратили именное словоизменение, развили постпозитивный артикль, утратили инфинитив, заменив его придаточными предложениями, развили местоименную репризу дополнения, образуют аналитические формы будущего времени при помощи вспомогательного глагола *хотеть* и личной формы знаменательного глагола и др. [Trubetzkoy 1922]. Кроме того, языки балканского языкового союза характеризуются значительным сходством лексики.

В последние десятилетия все более активно говорят о существовании центральноевропейского языкового союза, ядро которого также составляют четыре языка: два славянских – чешский и словацкий, германский немецкий и финно-угорский венгерский. Периферией центральноевропейского союза считают польский язык, а также словенский, сербский и хорватский языки и даже говоры Западной Белоруссии и Западной Украины. К особенностям языков центральноевропейского языкового союза относят:

– фиксированное ударение на первом слоге (в немецком языке это явление не носит характера правила, а лишь тенденции);

– наличие фонематического противопоставления гласных по долготе / краткости, а также средневропейского (полумягкого);

– сохранение именного словоизменения (в этом смысле наиболее показателен немецкий язык, единственный сохранивший именное словоизменение из германских языков);

– формирование препозитивного артикля (в чешском и словацком категория артикля не развилась в полной мере, поскольку указательные местоимения не стали особой служебной частью речи) и др. [Скорвид 2015].

Интересен факт, что из славянских языков ни в один из названных языковых союзов не входит русский язык, а сербский, напротив, входит в оба, но всегда оказывается на их периферии.

Языковые контакты, однако, могут осуществляться не только на уровне естественных языков, но и на уровне языков литературных. Так, в результате взаимодействия старославянского языка с народными говорами разных славянских народов возникли изводы церковнославянского языка. Для него характерна, с одной стороны, общность языковой основы, а с другой – наличие специфических черт в его вариантах на различных территориях. До XIV в. существовали следующие изводы церковнославянского языка:

- моравско-чешский;
- хорватский;
- болгаро-македонский;
- сербский;
- древнерусский.

Впоследствии произошли значительные изменения в количестве изводов, поскольку после падения Великой Моравии и затем прекращения деятельности Сазавского монастыря исчезает моравско-чешский извод, древнерусский извод разделяется на киевский и московский, во времена Османского владычества исчезают болгаро-македонский и сербский изводы. После присоединения левобережной Украины к России формируется общерусский извод с преобладанием особенностей киевского извода (старый московский извод сохранили старообрядцы), который начинает употребляться и на Балканах, где в результате его взаимодействия с сербскими говорами возникает славяно-сербский литературный язык.

Стремление стать надэтническим языком в Средневековье и ранний период Нового времени проявлял также чешский литературный язык, но результаты этого процесса были иными. Процесс этот начался тогда, когда Чешское королевство стало одним из наиболее

развитых государств в политическом, экономическом и культурном отношении. Не последнюю роль в этом сыграл основанный в Праге в 1348 г. первый университет в Центральной Европе. Определенное влияние чешский язык оказал на письменность многих славянских народов мира *Slavia Latina*, но воспринимался он по-разному. Наиболее популярным чешский язык был в Малопольше и Словакии, хотя его судьба на этих территориях была различной.

Чешский язык начал использоваться в Малопольше в XV в., хотя отдельные юридические формулы на чешском языке в созданных здесь текстах использовались и раньше. Тем не менее он остался внешним фактором по отношению к польской культуре, и уже в конце XVI в. был заменен собственно польским литературным языком. Его использование, однако, оставило значимый след в польской лексике. Чешскими по происхождению или заимствованными посредством чешского языка являются многие лексемы, связанные с религиозной сферой, например: *chrzest* ‘крещение’, *post* ‘пост’, *kościół* ‘костел’, *msza* ‘месса’, *oltarz* ‘алтарь’, *oplatek* ‘облатка’, *biskup* ‘епископ’, *papież* ‘папа (римский)’, *klasztór* ‘монастырь’, *mniach* ‘монах’ [Siatkowski 1996] и др. Представлены также заимствования из других областей: *korona* ‘корона’, *szlachta* ‘шляхта’, *starosta* ‘староста’, *władca* ‘правитель’, *porucznik* ‘поручик’, *grosz* ‘грош’, *rynek* ‘рынок’, *jedwab* ‘шелк’, *pałac* ‘дворец’, *pokój* ‘помещение, комната’, *niemoc* ‘болезнь’ [Basaj, Siatkowski 2006] и др.

В отличие от поляков словаки восприняли чешский язык как обработанную форму родного языка и стали использовать его как собственный литературный язык. Вскоре, однако, он начинает взаимодействовать с юго-западными словацкими говорами, в результате чего возникает словацкая редакция древнечешского языка. В XVI в. чрезвычайно возрастает экономическая, политическая и духовная роль Западной Словакии, так как Прессбург (современная Братислава) становится столицей Венгерского королевства, а резиденция архиепископа переносится в Трнаву. Связь с пражским центром существенно ослабевает, и письменный язык в Словакии начинает все быстрее словакизироваться. В 1878–90 гг. этот язык, в котором генетически словацкие элементы уже существенно преобладали, был кодифицирован А. Бернолаком и просуществовал до середины XIX в., когда был заменен реформированным литературным языком, кодифицированным на среднесловацкой диалектной основе Л. Штуром.

Между отдельными славянскими литературными языками существуют особые отношения, которые сложились в результате

языковых контактов на протяжении их исторического развития. Не случайно Н.И. Толстой выделяет две литературные традиции, представленные у славян: церковнославянскую и чешско-польскую [Толстой 1988: 8]. К первой относятся русский и болгарский литературный языки, а ко второй – чешский, польский, словацкий, лужицкие, украинский и белорусский. Сербохорватский (теперь сербский и хорватский) и словенский литературные языки определяются как выпавшие из литературных традиций.

Остановимся подробнее на взаимоотношениях русского и болгарского литературных языков, относящихся к разным подгруппам славянских языков и очень разных в типологическом отношении, но являющихся довольно близкими на уровне культурной лексики. Это объясняется разнообразными историческими контактами между этими языками. Старославянский язык, имевший македоно-болгарское происхождение, в X веке из Первого Болгарского царства распространяется на Русь, где начинает формироваться древнерусский извод церковнославянского языка. В XIV–XV вв. происходит второе южнославянское влияние, когда «русская письменность подпала под очень сильное влияние южнославянской письменности и в конце концов подчинилась этому влиянию» [Соболевский 1980: 152]. В период Османского владычества болгарский извод церковнославянского языка прекратил свое существование, и его функции начинает выполнять русский извод. После приобретения болгарами автономии в рамках Османской империи с 1878 г. начинается активное использование лексики и словообразовательных моделей теперь уже русского литературного языка, так как государственное, военное строительство, система образования и т.д. в Болгарии строится по образцу Российской империи. Это, собственно, и привело к сближению лексического состава болгарского и русского языков.

В истории славянских литературных языков имел место также случай объединения различающихся письменных традиций. Произошло это на Балканах в регионе сербско-хорватского диалектного континуума. В Средневековье и в Новое время с точки зрения развития письменного языка здесь выделялись две зоны: восточная и западная. Восточная зона отличалась письменным единообразием, поскольку использовался церковнославянский язык сначала сербского, а затем русского извода. В результате его взаимодействия с сербскими народными говорами возник также славно-сербский литературный язык. Западная же зона характеризовалась полицентризмом, так как существовало несколько практически независимых друг от друга центров письменности, язык

которых основывался на разных диалектах. К тому же еще функционировал особый хорватский извод церковнославянского языка. В 30-е–40-е гг. XIX в. здесь возникает иллирийское движение, одной из целей которого стало объединение южнославянских земель. Лидер этого движения Л. Гай полагал, что южные славяне должны объединиться и в языковом отношении, поэтому он в 1830 г. публикует «Краткие основы хорватско-славянской орфографии» на кайкавской диалектной основе, что открывало возможности объединения со словенским литературным языком, однако вскоре меняет свою точку зрения и кодифицирует хорватский литературный язык на штокавской основе. На этой же диалектной основе В.С. Караджичем уже был кодифицирован сербский литературный язык (грамматика 1814 г., словарь 1818 г.), поэтому появилась возможность их объединения, что и произошло в 1850 г. на основе Венского литературного договора. Основой сербохорватского литературного языка стали новоштокавские говоры (восточногерцеговинский и воеводинско-шумадийский) с двойной, экавской и екавской, нормой произношения. При этом сохранилось графическое различие между сербами и хорватами, так как первые использовали кириллицу (*вужовица*), а вторые – латиницу (*гайица*). В 1954 г. Новисадским договором было подтверждено существование двух вариантов единого литературного языка – сербского и хорватского. После распада Югославии, однако, сербохорватский литературный язык распался на несколько литературных языков.

Славянские языки контактировали и на диалектном уровне, что также могло приводить к разным последствиям. Например, в древнерусском языке существовал единый смоленско-полоцкий диалект, характерные особенности которого отражают смоленские грамоты XIII–XIV вв. Позже, однако, появляются различия между полоцкими и смоленскими говорами, которые в итоге приводят к тому, что в настоящее время смоленские говоры относят к западной группе белорусского наречия, а полоцкие – к северо-восточному говору белорусского языка. В результате взаимодействия русского языка, с одной стороны, и диалектов украинского и белорусского языков – с другой, возникли специфические языковые образования, соответственно суржик и трясанка, которые с социолингвистической точки зрения по-разному квалифицируются лингвистами. И, наконец, взаимодействие на диалектном уровне могло приводить к появлению переходных говоров. Так, на территории Словакии функционируют переходные польско-словацкие горальские говоры, которые к тому же отличаются друг от друга, так как в горальских говорах Восточной

Словакии фиксируются особенности восточнословацкого диалекта, а в говорах Средней Словакии – среднесловацкого. Переходными чешско-словацкими являются восточноморавские (моравско-словацкие) говоры, которые чешские лингвисты определяют как говоры чешского языка, а словацкие – словацкого.

Славянские языки имели многочисленные контакты и с неславянскими языками, но это уже тема другой лекции.

Литература

Бодуэн-де-Куртенэ И. Опыт фонетики резьянских говоров. Варшава–Петербург, 1875.

Добродомов И.Г. Из болгарского вклада в славянских языках II // Этимология 1968. М., 1971. С. 189–196.

Дыбо А.В. Болгарские заимствования в славянских языках: особенности вокализма // Русин. № 66. 2021. С. 183–206.

Иванов В.В., Топоров В.Н. К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков. М., 1958.

Мартынов В. В. Балто-славяно-италийские изоглоссы. Лексическая синонимия. Минск, 1978.

Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. М.: Наука, 1988. 239 с.

Скорвид С.С. Центральноевропейский языковой союз: границы и признаки в ретроспективном освещении // Славяне и Центральная Европа: языки, история, культура. М.: Полимедиа, 2015. С. 30–39.

Соболевский А.И. История русского литературного языка. Л.: Наука, 1980. 192 с.

Щерба Л.В. Восточнолужицкое наречие. Петроград, 1915. Том 1. С приложением текстов.

Basaj M., Siatkowski J. Bohemizmy w języku polskim: Słownik. Warszawa: Nakładem Wydziału Polonistyki Uniwersytetu Warszawskiego, 2006. 501 s.

Siatkowski J. Czesko-polskie kontakty językowe. Warszawa: Energia, 1996. 272 s.

Trubetzkoy N.S. Вавилонская башня и смешение языков // Евразийский временник. Т. 3. Берлин, 1922. С. 107–124.

Вопросы

1. Какая лингвистическая дисциплина занимается изучением языковых контактов?
2. Какие типы контактов славянских языков можно выделить?

3. Приведите примеры контактов между разными этносами и какие последствия для их языков они имели?

4. Что такое языковой союз? Назовите языковые союзы, в которые входят славянские языки, и вспомните самые общие различия между этими союзами.

5. Приведите примеры контактов между литературными языками и укажите их последствия.

6. Приведите примеры контактов между диалектами славянских языков и укажите их последствия.

7. Приведите примеры тесных контактов между славянскими и неславянскими языками.

8. Приведите примеры контактов русского языка со славянскими и неславянскими языками.

Задание 1. Сопоставьте текст молитвы «Отче наш» на современном церковнославянском языке русского извода с соответствующими текстами на старославянском и русском языках и определите, как изменилась графика и орфография текста и какие южнославянские особенности представлены в церковнославянском и русском текстах молитвы.

Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, да святитѣся има твое, да придетъ цѣсарьствіе твоє, да вѣдетъ воля твоѧ яко на небеси, и на земли. хлѣбъ нашъ насущнѣ даждь намъ дньсь. и отъпусти намъ длѣгы наша, яко и мы отъпуштаемъ длѣжникомъ нашимъ. и не вѣведи насъ въ напасть, нѣ избави ны отъ лукаваго. яко твое єсть цѣсарьствіе и сила и слава въ вѣкъ. Аминь.

Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должникам нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго. Яко Твое есть царство и сила и слава во веки веков. Аминь.

Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твоё; да придет Царствие Твоё; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный дай нам на сей день; и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; и не введи нас в искушение, но

избавъ нас от лукавого. Ибо Твоё есть Царство и сила и слава во веки веков. Аминь.

Задание 2. Найдите черты балканского языкового союза в болгарском и македонском текстах.

Вратичката на кулата рязко се отвори. Излезе тръбач. Доближи инструмента до устните и щом стрелките образуваха прав ъгъл, мелодичният сигнал изпълни стаята. Славейко вдигна глава. «Вече е девет?» – загледа се в стенния часовник. С едно съжаление за неусетно стопилото се време заприбира ксилофона. Откъм двора някой изръкопляска и момчето любопитно се източи.

Палавите снежинки кротичко бяха насядали по двора, по тухлената ограда, стигаща под прозореца. Отгоре ѝ се беше изкатерила Росица. Палтенцето ѝ на розови и бели квадрати, се вееше разкопчано, плетената барета, небрежно килната, изглеждаше а-ха ще падне. Росица живееше в съседната къща и от няколко дни Славейко я чуваше да опитва струните на цигулката.

– Ще паднеш – приближи момчето до прозореца и откrexна лявото му крило. - Защо не се прибереш? Студено е.

– Така те чувам по-добре – подпря се момиченцето на израслата досама оградата топола. – Не се ли умори да свириш?

За новогодишните концерти Славейко разучаваше весела полка от съветския композитор Александров. Колкото и добре да беше изваял всяка музикална фраза, преди изпълнение го връхлиташе такава треска, че не се решаваше да я изсвири. Днес беше последният ден от тържествата. Славейко намисли да я изпълнят заедно с акордеониста, който му акомпанираше. Момчето се вълнуваше, не му се говореше. Усмихна се и затвори прозореца.

Центарот за развој на Источно планскиот регион (ИПР) и Клиничка болница-Штип ќе бараат европски пари за реконструкција и адаптација на зградата на регионалното Инфективно одделение. Директорката на Центарот за развој на ИПР, Драгица Здравева вели дека Клиничка болница-Штип со овој проект ќе аплицираат на вториот повик од Програмата за Меѓугранична соработка со Бугарија, кој се очекува да биде објавен кон крајот на следниот месец. Оваа зграда нема да биде во рамките на новата Клиничка болница, која што се гради. Тоа одделение останува надвор од неа и би било добро ние како Центар заедно со Клиничката болница да успееме да изработиме квалитетна апликација

и да ја поднесеме до Програмата за Меѓугранична соработка – вели Здравева.

Задание 3. Найдите в горальском диалектном тексте фонетические и морфологические черты польского и словацкого языков.

Mamka naz zavolala, že puďemy dad'e na huby. A už my sə vybrali, šli my okolo cyganov a prišli my koňez Grečkovej a tam my sə napili s těj studňički pekněj. No už my prišli do hory, Šefcove šli s nami təš, ale len Joško. My, Ma'ušova rod'ina, my už mali vjaz hubof, a Joško ñemal, ta sə rozreval, ta mu mamka museli zgaňat' toty huby. A už ja žəx sə təž rozrevala, bo žəx təž ñiž ñemala. No my sə potom už začoli na konaru hojdat' a moj brat Miro, jako furd on ve, sə z Dankom pohadal. Najprv on začol, a Danka potom začola doňgo metaď bloto. Danka sə nom potom stra'ila, išla dad'e do hory. My už byli f straxu, uš prišli my domu, a mamička – a d'ež vom Danka – a my – že ñevemy, d'esik odyšla.

Как мы реконструируем праславянский язык

Славянские языки входят в большую индоевропейскую семью, и по количеству носителей это довольно многочисленная языковая группа. Однако долгое время славяне занимали не очень большую территорию. Современный научный консенсус реконструирует ареал первоначального обитания славян следующим образом: территории современных западной Украины, южной Белоруссии и юго-восточной Польши. Хотя, конечно, точно эту территорию обозначить невозможно, так как прародина – понятие динамическое, народы всё время расселялись, отселялись и переселялись.

Согласно самой распространенной классификации, славянские языки делятся на восточные, западные и южные. Предка всех славянских языков мы называем праславянским. Старославянский недалеко ушел от праславянского, но, тем не менее, уже обладает определенными отличиями на всех уровнях языка, поэтому путать их не стоит.

Реконструкция праславянского языка начинается с фонетики. Важную роль здесь играет понятие регулярных фонетических соответствий. Научная этимология соответствует всем фонетическим законам: нельзя связывать два слова только потому, что они похожи внешне, необходимо проследить соблюдение всех фонетических соответствий.

Регулярные фонетические соответствия			
русский	польский	чешский	праслав.
<i>дорога</i>	<i>droga</i>	<i>dráha</i>	*dorga
<i>город</i>	<i>gród</i>	<i>hrad</i>	*gordъ
<i>корова</i>	<i>krowa</i>	<i>kráva</i>	*korva
<i>порох</i>	<i>proch</i>	<i>prach</i>	*porxъ
<i>ворона</i>	<i>wrona</i>	<i>vrána</i>	*vorna

<i>солома</i>	<i>śloma</i>	<i>sláma</i>	*solma
<i>золото</i>	<i>zloto</i>	<i>zlato</i>	*zolto

В таблице мы видим, что русскому -оро- соответствует польское -го- / -gó- и чешское -га- / -gá- (акут, или *čárka* в чешском обозначает долготу гласного). Регулярные фонетические соответствия обладают предсказательной силой: если вы знаете, что существует подобное соответствие, то, имея такую таблицу с пропусками, можно предположить, как будет выглядеть слово в том или ином языке. Также (конечно, можно привлечь и другие славянские языки) представляется возможным реконструировать и праславянские формы этих слов. Так, вышеперечисленным сочетаниям будет соответствовать праславянское *ToгT, где T – любой согласный.

Для праславянского реконструируется два основных тона: акут (восходящий) и циркумфлекс (нисходящий). В сочетаниях вида *ToгT циркумфлекс даёт ударение на первый слог в русском языке и краткий гласный в чешском; акут – ударение на второй слог в русском и долгий гласный в чешском соответственно. Здесь встает следующий вопрос: почему в праславянском будет именно *-ог-, а не **-*го- или **-*га-? Конечно, тут нам помогает внешнее сравнение.

При внутреннем сравнении для реконструкции каких-либо языковых фактов мы используем факты этого же языка (как в нашем случае, для реконструкции праславянского языка мы используем данные славянских языков). При внешней же реконструкции мы привлекаем данные других родственных языков, выходя за пределы данной группы. Посмотрим, как эти слова выглядят, например, в литовском языке: если в русском мы видим сочетание -оро-, то в литовском находим сочетания -ar-, -er- и т. п.

рус. **ворона** – лит. *várna*

рус. **голова** – лит. *galvà*

рус. **береза** – лит. *béržas*

Еще один случай, на котором удобно демонстрировать методику компаративистики – носовые гласные. В большинстве славянских языков носовых гласных нет, они частично сохранились только в польском. Откуда же мы знаем, что их можно реконструировать для праславянского? Конечно, на основании регулярных фонетических соответствий. Если в русском языке мы не видим никакой разницы между словами *мясо*, *язык*, *яма*; *зуб*, *дуб*, *ухо*, то в других славянских

языках разница очевидна: в болгарском – *месо, език, яма; зъб, дъб, ухо*; в польском – *mięso, język, jama; ząb, dąb, ucho*; в словенском – *meso, jezik, jama; zob, dob, uho* (см. таблицу).

стсл.	рус.	чеш.	болг.	слвн.	пол.
мѣсо	мясо	maso	месо	meso	mięso
ѡзѣкъ	язык	jazyk	език	jezik	język
ѡма	яма	jáma	яма	jama	jama
зѣвъ	зуб	zub	зъб	zob	ząb
дѣвъ	дуб	dub	дъб	dob	dąb
оухо	ухо	ucho	ухо	uho	ucho

Но откуда мы знаем, что в праславянском это были именно носовые гласные? Может быть, это в польском произошла вторичная назализация? Опять же, нам помогают, в первую очередь, данные других индоевропейских языков, например, литовского, латыни, греческого (см. ниже). Здесь мы обнаруживаем, что на месте тех случаев, где в старославянском писались юсы, в других индоевропейских языках стоят носовые согласные. Помогает и внутреннее сравнение: старославянские формы демонстрируют, как те же юсы чередуются с сочетанием гласный + согласный, если это сочетание находится перед другим гласным. Наблюдать это мы можем и в современном русском языке: *начать – начну, имя – имена (начати – начьнѣ, имя – имена)*.

сѡтѣ – лит. šveĩtas

зѡтѣ – лит. žėntas

сѣмѣ – лат. sēmen

рѣка – лит. rankà

зѣвъ – греч. ὑβίφος ‘колышек’

Третий источник – заимствования. Например, мы можем увидеть, что венгерский язык заимствовал из какого-то славянского языка,

в котором еще были носовые гласные, следующие слова: *rend* – ‘порядок’, *péntek* – ‘пятница’, *szomszéd* – ‘сосед’, *galamb* – ‘голубь’.

Перейдем к лексике. Какие должны быть основания для доказательства наличия или отсутствия того или иного слова в праславянском языке? Посмотрим на таблицу. Слова *голова* и *радио* встречаются во всех славянских языках, однако реконструировать мы сможем только исконное слово *голова*, ибо в данном случае мы можем проследить соблюдение фонетических соответствий; слово *радио*, в свою очередь, является заимствованием (впрочем нельзя отрицать и того, что в праславянском языке также могли быть заимствования) и обозначает понятие, появившееся значительно позже; по регулярным фонетическим соответствиям мы также можем проследить, что в праславянском языке это слово отсутствовало.

русский	<i>голова́</i>	<i>rádiu</i>
украинский	<i>голова́</i>	<i>rádio</i>
белорусский	<i>галава́</i>	<i>ráдыё</i>
польский	<i>głowa</i>	<i>radio</i>
нижнелужицкий	<i>głowa</i>	<i>radijo</i>
верхнелужицкий	<i>hlowa</i>	<i>radijo</i>
словацкий	<i>hlava</i>	<i>rádio</i>
чешский	<i>hlava</i>	<i>rádio</i>
словенский	<i>gláva</i>	<i>rādio</i>
сербохорватский	<i>gláva</i>	<i>rādio</i>
македонский	<i>глава</i>	<i>radio</i>
болгарский	<i>глава́</i>	<i>rádiu</i>

Бывают и случаи, когда какое-либо слово присутствует лишь в части славянских языков. Однако славянские языки обладают одним

выигрышным качеством: их много и у них хорошая топология генеалогического древа, что позволяет более-менее уверенно судить о том, было это слово в праславянском языке или не было.

В куда худшем положении находятся, например, балтисты. Дело в том, что есть только два живых балтийских языка, обладающих максимальным количеством материала – литовский и латышский (какая-то часть материала сохранилась и в других балтийских языках). И если у нас есть только литовские и латышские данные, напрямую противоречащие друг другу, например, названия пера – лит. *plūnksna*, лтш. *spalva*, то как определить, как называлось птичье перо в прабалтийском языке? Не понятно, в литовском или в латышском утратилось старое название. Или, может, в обоих? Тем временем в праславянском языке такая проблема возникает реже в силу разветвленности генеалогического древа и того, что славянских языков много.

Где же можно посмотреть, какую лексику реконструируют ученые для праславянского языка? Существует ряд этимологических словарей:

1. Русский «Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд», 1974–2022. Вып. 1–42. Работа над ним продолжается и по сей день. Он охватывает слова лишь до *ре-, то есть за почти 50 лет охвачено менее половины материала. В этот словарь включаются не только те слова, которые мы можем реконструировать для праславянского языка, но и все случаи схождения между славянскими языками, даже поздние.

2. Польский «Słownik prasłowiański», 1974–2024. Т. 1–8, 10–11 (А–К) носит вполне однозначное название «Праславянский словарь». В нем иной подход к отбору материала: авторы старались включать преимущественно те слова, которые можно реконструировать для праславянского языка.

3. Однотомник «Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon» 2008 г. за авторством нидерландского исследователя Рика Дерксена (Rick Derksen). В этом словаре достаточно строгий отбор лексики. Р. Дерксен старался включать не только лексику, которую мы реконструируем на праславянской основе, но и ту лексику, которую праславянский унаследовал от прабалтославянского и праиндоевропейского, поскольку этот словарь из серии однотипных этимологических словарей Лейденской школы. Такие словари существуют и для других групп индоевропейских языков.

Существуют этимологические словари почти всех славянских языков.

Этимологические словари южнославянских языков:

Etymologický slovník jazyka staroslověnského. Sešity 1–19. 1989–2018.

Български етимологичен речник. Томове 1–7– (А–Ф). 1971–2017–.
Gluhak A. Hrvatski etimološki rječnik, 1993.

Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knjige 1–3, 1971–1973.

Matasović R., Pronk T., Ivšić D., Brozović Rončević D. Etimološki rječnik hrvatskoga jezika. Svesci 1–2. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2016, 2021.

Bezljaj F. Etimološki slovar slovenskega jezika. Knjige 1–5. 1977–2005.

Snoj M. Slovenski etimološki slovar. 2016.

Этимологические словари западнославянских языков:

Rejzek J. Český etymologický slovník, 2001.

Králik L. Stručný etymologický slovník slovenčiny, 2015.

Schuster-Šewc H. Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. Hefte 1–24. 1978–1989.

Słownik etymologiczny języka Drzewian połabskich. Zeszyty 1–6. 1962–1994.

Sławski F. Słownik etymologiczny języka polskiego. Tomy 1–5 (A–Ł). 1952–1982.

Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego, 2005.

Słownik etymologiczny kaszubszczyzny. Tomy 1–6. 1994–2010.

Этимологические словари восточнославянских языков:

Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Тамы 1–14– (А–Т). 1978–2017–.

Етимологічний словник української мови, Томи 1–6. 1982–2012.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Тома 1–4.

Шанский Н.М., Журавлев А.Ф. Этимологический словарь русского языка, Выпуски 1–11– (А–Н). 1963–2014–.

Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. Выпуски 1–18– (А–З). 2007–2024 –.

Переходим к реконструкции семантики праславянских слов. Что же делать, если есть два слова, которые достаточно надежно реконструированы для праславянского, и тем не менее характеризуются сходной семантикой? Очень часто авторы этимологических словарей не обращают на это большого внимания и приводят обобщенное значение, которое их устраивает, так как у них другая задача – выявить этимологию или описать имеющуюся этимологию.

Рассмотрим два слова из словаря Р. Дерксена:

**bedrò*; **bedrà* n. o; f.ā (b) ‘thigh’. Приводятся две формы, так как в славянских языках встречаются формы и среднего, и женского родов. Дерксен глоссирует это слово как *thigh* – *бедро*;

**stegnò* n. o (b) ‘thigh’. Это слово Дерксен глоссирует точно так же.

Если мы возьмем данные славянских языков, то в них возникнет «чересполосица»: где-то представлено **stegno*, где-то **bedra*, где-то и то, и другое.

Как же исследователю понять, какое значение слово имело в праславянском языке? В действительности эта задача не так проста по той причине, что один предмет у праславян мог иметь огромное множество наименований. Более того, в случае с глаголами с общими значениями вроде ‘набухать’ или ‘расти’, может обнаружиться и сотня слов с такими значениями. Здесь можно привести цитату Г.С. Старостина: «Этимология по-настоящему хороша тогда, когда она образует систему. Ностратическая этимология станет по-настоящему убедительной тогда, когда, например, ностратический человек начнет, наконец, как положено любому нормальному человеку, состоять из одной головы с одним мозгом, одним носом, одним языком, двумя руками (*hand-arm*), двумя ногами (*foot-leg*) и так далее, причем в сопутствующем ностратическом этимологическом словаре будет показано, почему и как производится выбор термина, и каким образом данные и логически трезвое, последовательное взвешивание аргументов *pro et contra* сами подводят нас к выбору оптимального решения» [Старостин 2015]. В цитате речь идет не о праславянском языке, а о ностратическом, то есть о «дедушке» праславянского языка, предке индоевропейского, однако все то же самое работает и для праславянского языка. Можно сказать, что праславянская этимология только тогда будет по-настоящему научной этимологией, когда праславянин будет с одним «носом», одним «языком», одним «мозгом» и т.д., а в словарях не будет приведена масса синонимов. Сейчас этимология стремится к тому, чтобы уточнять семантику праславянских слов.

Как это делается? Рассмотрим карту из «Общеславянского лингвистического атласа», где показано, как называется глаз на различных славянских языках. Синим цветом заштрихованы территории, где используется слово *глаз*, как в современном русском литературном языке, а красным – слово *oko*. На первый взгляд, территории употребления делятся практически пополам, однако *глаз* несмотря на то, что занимает большую часть славянской языковой территории, используется только в русском и немного в белорусских говорах, а *oko* распространено во всех остальных славянских языках. Соответственно, приведенные слова неравноценны. Таким образом, мы можем уверенно утверждать, что глаз по-праславянски был именно **oko*, а *глаз* в русском языке – более поздняя инновация. Это хорошо прослеживается в том числе по памятникам письменности.

Тут необходимо сказать еще пару слов об этом лингвистическом атласе. Мы не можем основывать свои знания о праславянском языке только на литературных языках, поэтому важнейшим источником информации для нас являются говоры. Диалектный материал можно представить по-разному. Одной из наиболее удобных форм являются карты, поскольку они наглядны, в отличие от словарей. На данный момент существуют лингвистические атласы практически всех мировых языков. Есть и сводные атласы, как общеславянский, включающий данные всех славянских языков, а также есть атлас всех языков Европы. С «Общеславянским лингвистическим атласом» можно ознакомиться по следующей ссылке: <https://www.slavatlas.org/publications.html>

Много полезной информации мы черпаем не только из диалектов, но и из памятников письменности, данные из которых сводятся в исторические словари. Исторические словари существуют практически у всех славянских языков. Если говорить о русском языке, то мы имеем три основных источника:

1. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Тома 1–3.
2. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). АН СССР. Т. 1–13.
3. Словарь русского языка (XI–XVII вв.) АН СССР. Выпуск 1–31.

Теперь рассмотрим следующий случай. Даны слова, обозначающие *палец* на разных славянских языках.

русский	<i>pалец</i>
украинский	<i>палець</i>
белорусский	<i>pалец</i>
польский	<i>palec</i>
нижнелужицкий	<i>palc</i>
верхнелужицкий	<i>porst</i>
словацкий	<i>prst</i>
чешский	<i>prst</i>
словенский	<i>prst</i>
сербохорватский	<i>prst</i>
македонский	<i>прст</i>
болгарский	<i>прѣст</i>

В одной части славянских языков *pалец* называется практически так же, как по-русски, а в другой части – словами, внешне напоминающими русское *перст*. Как в этой ситуации определить, каким было наименование пальца в праславянском? Сначала необходимо посмотреть, в каких славянских языках сохранились оба слова. Дополним таблицу наименованиями большого пальца (правый столбец):

русский	<i>pалец</i>	<i>большой палец</i>
украинский	<i>палець</i>	<i>великий палець</i>
белорусский	<i>pалец</i>	<i>вялікі палец</i>
польский	<i>palec</i>	<i>kciuk</i>

нижнелужицкий	<i>palc</i>	<i>wjeliki palc</i>
верхнелужицкий	<i>porst</i>	<i>palc</i>
словацкий	<i>prst</i>	<i>palec</i>
чешский	<i>prst</i>	<i>palec</i>
словенский	<i>prst</i>	<i>palec</i>
сербохорватский	<i>prst</i>	<i>palac</i>
македонский	<i>прст</i>	<i>палец</i>
болгарский	<i>прѣст</i>	<i>палец</i>

Мы видим, что в русском, украинском, белорусском и нижнелужицком языках наименование большого пальца двусоставное (название пальца вообще + слово, обозначающее его величину), а в остальных языках большому пальцу отводится отдельное слово. В последних слово *палец* обозначает именно большой палец, а *перст* – палец вообще. Так, в части языков слово *перст* утратилось (или стало архаизмом) и его место занимает *палец*, а большой палец в свою очередь обозначается, как правило, двусоставным способом (за исключением польского *kciuk*). Таким образом, можно сделать вывод, что палец вообще в праславянском языке назывался **ръръсть*, а большой палец - **раľась*.

Вернемся к вопросу соотношения слов **bedra* и **stegno*. Бывают случаи, когда в некоторых языках то, что мы по-русски называем одним словом *бедро*, делится на два слова. Во многих языках существуют определенные различия между бедром как частью таза и бедром как частью ноги. Если по-русски мы скажем «у нее широкие бедра», то это значит, что у женщины широкий таз, а если мы скажем «у нее длинные бедра», значит, часть ее ноги от тазобедренного сустава до колена длинная, то есть это разные вещи. Но в русском оба случая мы называем *бедром*, а если мы посмотрим на другие языки, мы увидим, что там используются разные слова. Хороший пример из славянских языков – польский: в нем *udo* – это часть ноги, а *biodro* – часть таза. Похожая

ситуация и во французском, итальянском, немецком, английском языках. И в латинском видим в первом случае слово *femur*, а во втором – *coxa*.

	«длинные бедра»	«широкие бедра»
польский	<i>dlugie uda</i>	<i>szeroke biodra</i>
французский	<i>longues cuisses</i>	<i>hanches larges</i>
итальянский	<i>cosce lunghe</i>	<i>anche larghe</i>
немецкий	<i>lange Oberschenkel</i>	<i>breite Hüften</i>
английский	<i>long thighs</i>	<i>wide hips</i>

Обратимся к материалу славянских языков, чтобы посмотреть, как в них соотносятся *bedra и *stegno. Например, в говоре черногорского племени загарачей *бедро* – часть таза: «*Каква` je ona mazgulyina od zene` mu, fala bozu, ima joi z bedra na` bedro metar*» – «Его жена прямо бочка, метр в бедрах». А *стегно* – это часть ноги: «*Ho` je jedno ot stegana` deblje no` druga` hevojka oko` nasa*» – «У нее одно бедро толще, чем иная девушка в поясе».

Очень интересные сведения дает древнечешский материал. В древнечешского переводе итальянского врача Гульельмо да Саличето мы находим достаточно однозначный контекст: «*Posad` vedle nemocneho a na strane` kosti zlomené pacholka silneho, a` drzi diel stehna k klubu bedrniemu; a v cas narovnanie a ruchy a` drzi druhy diel stehna od kolena, a treti a` drzi pevne u prostred stehna vezpod, pro tiez a velikost` udu*» – «Посади возле больного со стороны сломанной кости сильного слугу, чтобы он прижимал часть *stehna* к суставу *bedrniemu*; а во время выравнивания и перебинтовывания пусть второй [слуга] держит часть бедра у колена, а третий пусть держит крепко посреди бедра снизу в связи с тяжестью и величиной этой части тела». В данном случае *stehno* – это часть ноги, а *bedro* – это часть сустава.

Другой контекст, где описывается как нужно забинтовывать человека, если у него вывихнут тазобедренный сустав, это тоже подтверждает: «*Potom uvéz ten úd obinadlem širokým na dlaň, počna od třésli, okolo stehna a kýty tak, aby toho obinadla jeden (diel) sáhl přes bedro uražené až do bedra zdravého, a druhy diel od třésla až přes pupek do bedra*

zdravého; a tu budú oba kraje sšita pevnie, a každé obinutie s druhým, ať by se nepohnulo» – «Потом обвяжи эту часть тела бинтом шириной в ладонь, начиная от паха, вокруг *stehna* и ляжки так, чтобы этого бинта одна часть дотянулась через *bedro* поврежденное до *bedra* здорового, а вторая часть от паха через пупок до *bedra* здорового; и в этом месте пусть будут оба края каждой перевязки крепко сшиты со второй, чтобы ничего не двигалось». Представлено достаточно подробное описание, которое позволяет понять, что *stegno* – это часть ноги, а *bedro* – часть таза, то есть находится в прямом соответствии с тем, что мы видели в говоре загарачей.

Если подробно разобрать материал всех славянских языков, то можно получить следующую таблицу:

	*bedra	*stegno
старославянский	соха (?)	femur (?)
сербохорватский (кучи)	femur	femur
сербохорватский (загарачи)	соха	femur
сербохорватский (Орлец)	femur	задняя часть туши животного
словенский	тазобедренный сустав или соха (?)	femur
древнечешский	соха	femur
чешский	поясница	femur
словацкий	соха	femur
верхнелужицкий	соха; поясница	femur
старопольский	соха	соха
польский	соха	сухожилие
древнерусский	соха / femur	femur
рутенский	соха / femur	femur
белорусский	соха / femur	femur
украинский	femur	femur
русский	femur	femur

Если объединить полученные данные в таблицу, то мы увидим, что континуанты, то есть потомки слова *bedra в славянских языках чаще всего имеют значение ‘соха’ – часть таза, а континуанты слова

*stegno – значение ‘femur’, то есть часть ноги. В таблице прослеживается четкая корреляция.

Если мы посмотрим, в какую сторону вообще в отдельных славянских языках и говорах двигалась семантика слова *бедро*, мы увидим, что оно условно двигалось «вверх».

Основные сематические значения континуантов *bedra:

- боковая поверхность таза;
- часть ноги от коленного сустава до тазобедренного;
- икра ноги;
- половые органы (калька с греческого);
- поясница и далее также любое место ношения груза (спина, плечи, бока);
- живот;
- внутренности;
- почка;
- нижняя часть грудной клетки;
- лопатка.

Если мы возьмем слово *stegno*, его континуанты наоборот двигались «вниз»:

- часть ноги от коленного сустава до тазобедренного;
- боковая поверхность таза;
- икра;
- голень;
- ягодицы;
- окорок (далее также задняя часть туши, четверть туши, кусок туши и ветчина);
- сухожилие.

Из семантики видно, что в праславянском *bedra находилось «сверху», а *stegno – «снизу».

Совокупность этого материала позволяет выдвинуть гипотезу, что в праславянском языке существовало различие между словами *bedra и *stegno. Первое обозначало боковую поверхность таза (‘соха’), а stegno – часть ноги от коленного сустава до тазобедренного (‘femur’).

Вопросы для самостоятельной работы

1. Придумайте свою таблицу регулярных фонетических соответствий для вымышленного славянского языка, используя данные реально существующих славянских языков.

2. Возьмите несколько статей из «Этимологического словаря славянских языков» и «Słownika prasłowiańskiego». Найдите сходства и отличия подходов авторов.

Задания

1. Можно ли, зная современные славянские языки, абсолютно точно восстановить праславянский язык? Обоснуйте свой ответ.

2. В каких известных вам языках большой палец обозначается словом, отличным от названия пальца вообще?

2021 год

Мария Николаевна Белова

Старославянская письменность и живые славянские диалекты

«Старославянский язык» – это один из базовых филологических курсов и первая дисциплина исторического цикла, которую осваивает каждый славист. Далее молодому исследователю предстоит знакомство с исторической грамматикой русского и инославянских языков, историей литературных норм славянских языков, сравнительно-исторической грамматикой славянских языков. Но изучение всех этих дисциплин предполагает знакомство со старославянской письменной традицией. Давайте же разберемся, что мы будем называть «старославянской письменностью», а также как старославянский язык соотносится с живыми славянскими диалектами.

Начнем с вопроса о том, что в научной традиции называется старославянским языком и к какому языковому типу относится это явление? Во-первых, старославянский язык – это язык литературный, язык письменный, созданный для нужд церкви, для ведения богослужения на славянском языке. Следовательно, язык этот не может быть приравнен ни к какому народному языку, ни к какому диалекту и говору, потому что он изначально создавался как язык нормированный, язык, который содержит в себе элементы наддиалектного характера и который обогащен лексически, синтаксически, словообразовательно, он дополнен заимствованиями, не встречающимися в том народном говоре, на основе которого создавался литературный старославянский язык. Поэтому, когда мы рассуждаем о народной языковой основе, например, старославянского языка, мы не имеем в виду, что старославянский язык – это и есть фиксация какого-то определенного говора, или какой-то группы говоров, или какого-то диалекта. При этом вопрос о языковой или диалектной основе старославянского языка обязательно рассматривается в рамках курса «Старославянский язык». Какие-то живые славянские говоры легли в основу литературного языка, но это не есть старославянский язык. Однако, реальный языковой материал, который есть у слависта, – это около двух десятков пергаменных (реже высеченных на камне) памятников старославянской письменности. Эти же памятники в науке называют классическими старославянскими памятниками (КСП).

Именно из этих нескольких письменных памятников ученые-исследователи черпают сведения о первом литературном языке славян, – старославянском языке. Следует отметить, однако, что ни одного памятника, который был создан именно в конце IX века, когда эти переводы осуществлялись, не сохранилось. Классические старославянские памятники – это определенного рода научная условность, потому что данные памятники отражают эту литературную норму, отражают этот язык, но относятся к иной эпохе, а именно к концу X и к XI вв.

При этом есть некоторые языковые особенности, позволяющие нам относить тот или иной памятник к классическим старославянским. Классические старославянские – это лишь те памятники, в которых не отражаются черты каких-либо других, не южно-славянских диалектов. Например, известный памятник Остромирово евангелие считается не классическим старославянским памятником, а памятником русского извода (хотя он датируется XI веком), потому что в нем отражаются черты диалектов восточнославянских, на территории распространения которых он создавался, а именно замена букв, обозначающих носовые гласные, иными буквами, передающими собственно древнерусское изменение носовых гласных. И «изводы» старославянского языка – это уже более позднее освоение этого языка как литературного на других славянских территориях. В этот период довольно обширная славянская территория Европы заселена разными славянскими племенами, при этом некогда общий праславянский язык к этому моменту существует как совокупность более или менее расчлененных говоров и групп говоров, различающихся по ряду фонетических, лексических, и, вероятно, грамматических черт. Хотя, конечно, взаимопонимание, как мы можем лишь предполагать, исходя из истории распространения старославянского языка по разным славянским территориям, должно было быть довольно неплохое, иначе столь успешно старославянский язык не прижился бы и не развился на территории Руси и в других областях: Сербии, Болгарии.

Рисунки к лекции расположены по QR-коду:

На карте (рис. 1) показаны территории и государства, где создавались славянские переводы на первый литературный язык славян, откуда происходят известные науке классические старославянские памятники, а также откуда шло распространение первого литературного языка славян. Внизу карты расположен город Фессалоники (Салоники) – это тот самый город Солунь, родной город святых братьев Кирилла и Мефодия, заселенный в том числе носителями славянского говора и расположенный на северной окраине Византийской империи. Константин Философ и Мефодий, с именами которых связывается начало письменности и книжно-литературной деятельности у славян, родились на территории Византийской империи, выросли в городе Солунь, население которого было двуязычным, и, как полагают, Константин и Мефодий с детства владели двумя языками – греческим и неким славянским говором. Греческим языком они владели и как живым разговорным языком, и как языком литературным, а славянским только как языком живого общения, то есть народным. В Константинополе Константин получает образование по самому высшему образцу, который тогда был только возможен – учится вместе с наследником императора, будущим императором Михаилом¹.

К северу от Византийской империи и южнее Великой Моравии (Великоморавского княжества) находятся обширные территории, которые обозначены на карте как Болгарское царство. Это государство, созданное в конце VII века (681 г.), которое в историографической традиции называется Первое Болгарское царство. Оно создавалось на основе двух этнических компонентов: этническое большинство составляли славяне, южнославянские племена и народы, населявшие эти обширные территории, а собственно государственную власть представляли пришедшие сюда племена тюркского происхождения («болгары»), которые в русской историографии называются протоболгары (в болгарской исторической науке используется термин «прабългари»). В этот период термины «болгар», «Болгарское царство» и болгарский язык относились не к языку славян, населяющих эти территории, а к тому самому тюркскому языку, который ближе к концу IX века был основным языком правящих кругов этого государства. В «Житии Кирилла» подробно описывается история о том, как великоморавский князь Ростислав посылает посольство

¹ Об обучении Константина Философа в Магнаурской школе в Константинополе, а также о жизненном пути и перипетиях святых братьев см., например, книги С.Б. Бернштейна «Константин Философ и Мефодий» и Б.Н. Флори «Сказания о начале славянской письменности» (см. список литературы).

в Константинополь, как Константин Философ вместе со своим братом получает поручение создать письменность и перевести книги на славянский язык для ведения богослужения по восточному образцу на территории Великой Моравии, о том, какой длинный путь утверждения этой славянской письменности и славянского богослужения они прошли, как они направились из Великой Моравии к папе римскому, проходили по территориям, населенным другими славянами, по территориям Паннонской провинции, и как там они обучали новых учеников, как Константин в Риме заболел и умер, незадолго до смерти приняв монашеское имя Кирилл, в возрасте 42 лет. После смерти младшего брата Мефодий был посвящен папой римским в епископы и какое-то время продолжал со своими учениками деятельность в Паннонии, а потом в Великой Моравии, позднее же он вместе со своими учениками и последователями испытывал гонения и был заключен в тюрьму на 2–2,5 года – и в итоге, моравская миссия оказалась неуспешной. Богослужение византийского типа на славянских языках у западных славян не утвердилось. Ученики после смерти Мефодия были изгнаны из Моравии или проданы в рабство, книги уничтожались. Некоторые прямые ученики славянских просветителей спаслись бегством и оказались на территориях, населенных южными славянами. Частично они закрепились в Хорватии, где, как известно, глаголическая письменность сохраняется вплоть до XVI–XVII вв. Частично они бежали на территорию Болгарского царства.

Почему именно в Болгарском царстве принимают учеников и последователей Кирилла и Мефодия? Дело в том, что незадолго до этого Болгария принимает крещение от Византии. В те годы, когда Мефодий с учениками сталкиваются с противодействием на территории западных славян, Болгария уже приняла христианство. Борис I в 864–865 гг. крестит болгар (имеется в виду и государственная верхушка, на тот момент преимущественно протоболгары, и простое население, в большинстве своем славянского происхождения), и в Болгарии официальной религией становится христианство. Вскоре после этого в результате дворцовых переворотов и прочих политических событий во главе государства, вместо протоболгар, оказывается очень много представителей славянских родов. В качестве официального языка Болгарского царства принимается старославянский язык. Именно здесь, в Болгарии, были созданы условия для его развития, его стилистического и жанрового обогащения. В этот период на территории Болгарии ученики Кирилла и Мефодия и их последователи создают по поручению царя Бориса (и его сына и последователя царя Симеона) два

литературных центра. Один в Преславе, куда они первоначально приезжают, а второй в городе Охрид, туда специально посылаются книжники, и там образуется второй центр. В научной традиции они получили названия Охридский (хронологически более ранний) и Преславский книжные центры, или книжные школы. Именно на этой территории создается большинство тех памятников, которые мы называем классическими старославянскими памятниками². С Охридским книжным центром связаны имена непосредственного ученика Кирилла и Мефодия Климента Охридского, а позднее Наума Охридского. Далее в рамках Преславского книжного центра начинается формирование собственно художественного творчества (древнеболгарской литературы), яркими представителями которой были Константин Преславский, древнеболгарский писатель и поэт, Черноризец Храбр, автор «Сказания о письменах», важного памятника, свидетельствующего об обстоятельствах создания славянской письменности, Иоанн Экзарх, древнеболгарский писатель, который создает переводные, компилятивные, частично авторские сочинения естественнонаучной и богословской тематики.

С их деятельностью связан так называемый «Золотой век» древнеболгарской литературы. Именно к этому периоду относятся те древнейшие славянские памятники, которые у нас сохранились и на основе которых мы можем реконструировать старославянский язык. Именно реконструировать, отделяя более новые, привнесенные в тексты поздние явления на разных языковых уровнях. Разумеется, за приблизительно 100 лет существования и использования литературного языка, принятого за официальный в несколько иной языковой среде – не на территории проживания солунских славян, а на восточноболгарских (Преславский центр) или западноболгарских, или болгаро-македонских (Охридский центр) землях – данный литературный идиом подвергся изменениям. Старославянские памятники – это памятники конца X и XI вв., которые создавались преимущественно на территории распространения болгаро-македонских говоров. Древнейшие глаголические памятники, как и вообще развитие глаголической письменности, связаны с Охридским книжным центром. Древнейшие

² Самый ранний из сохранившихся памятников, написанных на пергамене, – Киевские листки – создан на территории Моравии, где продолжает теплиться славянская книжность. Но абсолютное большинство памятников, которые есть в распоряжении науки, для изучения старославянского языка, создаются в рамках Охридского и Преславского книжных центров.

Евангелия связаны с Охридским книжным центром – это Зографское и Марииинское евангелия, а кириллические памятники преимущественно происходят из Преславского книжного центра. По своему составу древнейшие глаголические евангелия представляют собой евангелия-«тетры», иначе четвероевангелия. Это такой тип евангельского текста, в котором события описаны в четырех книгах в изложении четырех евангелистов: Матфея, Марка, Луки, Иоанна. Соответственно все главы в них расположены по порядку. Евангелие-«апракос» – это служебное евангелие, которое и нужно было первоначально для ведения славянского богослужения. Большинство ученых (за редким исключением) сходятся во мнении, что Константин Философ первым делом сделал перевод именно Евангелия-апракоса, служебного евангелия, потому что оно содержит не все главы из тетра, и эти главы расположены в том порядке, в котором они используются в богослужении, то есть по датам: в какой день церковного года отрывок читается, в таком месте служебного евангелия он и размещен. Итак, два глаголических Евангелия, – Зографское и Марииинское евангелия, наиболее полно сохранившиеся, – это евангелия-тетры. Глаголическое Евангелие, несколько хуже сохранившееся – Ассеманиево Евангелие, – это евангелие-апракос. Древнейшее кириллическое евангелие, – Саввина книга – это тоже евангелие-апракос.

Второй тип памятников – Псалтырь, которая тоже может быть разных типов: служебной или полной. Классическим старославянским памятником является Синайская псалтырь. Вообще топоним «синайский» очень часто встречается в наименовании классических старославянских памятников, потому что в монастыре святой Екатерины на Синае, на территории современного Египта сохраняется и по сей день значительное число славянских рукописных книг.

Есть среди древнейших славянских памятников и Апостол. Он также может быть служебным. Памятник начала XI в. – Енинский (Энинский) апостол – это самый поздний крупный памятник, который стал известен в науке, а именно в 1960 году, когда был случайно обнаружен при реставрации храма святой Параскевы в селе Енина на территории Болгарии, недалеко от города Казанлык. Енинский апостол является служебным апостолом.

Еще один классический старославянский памятник – Супрасльская рукопись – по содержанию представляет собой «mineю» на месяц март. Mineя – это жития и проповеди, расположенные по месяцам, по датам, например, когда почитается тот или иной святой. Супрасльская рукопись – это самый крупный кириллический памятник

преславского происхождения. По содержанию это минея на месяц март. Похож по содержанию на минею и памятник, называемый в научной традиции Сборник Клоца. Сборники, однако, имеют не столь устойчивый состав. Синайский евхологий (или требник), также обнаруженный в монастыре св. Екатерины на Синае, представляет собой сборник молитвословий. К древнейшим старославянским памятникам также могут быть отнесены и некоторые надписи на камне (на плитах, стенах, колоннах). Все эти надписи X в., их включают в состав древнейших памятников как наиболее ранние фиксации языка.

Последний очень важный для изучения древнейших памятников письменности термин, который следует упомянуть, – это «палимпсест». Так называется смытый, вытертый, счищенный текст, более древний, в более позднем кодексе. Пергамен – дорогой материал, поэтому при переходе на другую азбуку (а переход был именно с глаголицы на кириллицу) для создания каких-то новых редакций или переводов часто брались старые глаголические или греческие кодексы, с них счищался старый текст и поверх писался новый. Среди древнейших старославянских памятников можно найти Боянский палимпсест, смытый, трудно читаемый текст евангелия-апракоса в среднеболгарском кодексе XII в. – Боянском евангелии.

Итак, часть классических старославянских памятников глаголические, а часть – кириллические, однако в научных и учебных целях чаще используются транслитерированные (переданные кириллицей) глаголические тексты.

На иллюстрациях мы видим самый красивый иллюстрированный памятник глаголической письменности – Зографское евангелие-тетр, начала XI века (рис. 2). Можно заметить вставки, написанные на кириллице. Такие позднейшие вставки могут быть одним из аргументов для исследователей в пользу того, что именно глаголица была первоначальной азбукой, созданной Константином. Справа фрагмент из Саввиной книги – кириллического памятника, также довольно раннего, датируемого началом XI в., по содержанию евангелие-апракос. На третьей иллюстрации, взятой из учебника Хабургаева (см. список литературы), показано соотношение двух древнейших славянских азбук с названиями букв, а также греческая азбука, с которой связана кириллица (рис. 3).

В современной научной традиции общепризнанным считается тот факт, что глаголица – это первая славянская азбука, именно глаголица создана Константином (Кириллом), но называлась она в первые годы своего существования кириллицей, или «кирилловицей».

Это одна из причин, почему на заре славистики признавалась первичность кириллицы. Глаголица, будучи созданной одним человеком, представляет собой творческий акт, произведение искусства. Конечно, при ее создании использовались и символы из других алфавитов. Здесь можно найти буквы, напоминающие греческие буквы, но не из унциального, а минускульного письма. Например, буква «**глаголи**», обозначающая звук [г], происходит из скорописной греческой буквы «**гамма**», славянская буква «**добро**» из скорописной буквы «**дельта**», что представляется естественным, учитывая, что азбуку создавал человек, владеющий двумя языками, и славянским, и греческим, и прекрасно образованный в лучших византийских традициях. Однако, как справедливо отмечает древнеболгарский автор Черноризец Храбр, греческая азбука не приспособлена для передачи ряда специфических славянских звуков, например, [ж] и [дз], [ц], [ч] – в греческой азбуке таких звуков не было и нет, соответственно и буквы для их передачи Константину Философу нужно было либо придумать, либо позаимствовать из других азбук, что он и делает. Например, буква, которую он придумывает для звука [ш], соотносится с арамейской «шин», **ци** [ц] – с арамейской буквой «саде».

О Кирилле известно, что он, несомненно, владел многими языками и письменностью разных народов, а также был знаком с разными системами письма. С другой стороны, изобретая азбуку, Константин (Кирилл) проявил филологический подход: например, для обозначения назальности (носового призвука) придуман особый элемент, ср. «э носовой» (юс малый – **Ѧ**, звук [ɛ]). При добавлении к тому же элементу буквы «**онъ**», получаем «о носовое» (буква юс большой **Ѧ**, звук [ɔ]). Буквы **ръ** (**ѣ**), **рь** (**ѡ**) обозначены подобными символами, и звуки, которые они обозначают, действительно, различаются исключительно по ряду, являясь особыми сверхкраткими гласными: **ѡ** – переднего ряда, **ѣ** – непреднего ряда. Или звук [ы] обозначался буквой «**ры**», содержащей значок для [ѣ] и для [и], и, действительно, если фонетически сопоставить звук [ѣ], сохранившийся, например, в болгарском литературном языке, со звуком [ы], то можно обнаружить в них много общего в артикуляции. Глаголица использовалась на территории Моравии и Паннонии, а после изгнания учеников из Моравии, на территории Хорватии в церковной и монастырской традиции она просуществовала до XVI в. (или даже XVII в.). На территории Болгарии она продолжила свое существование

в Охридском книжном центре, но позднее произошел отказ от глаголицы, что было связано с созданием кириллицы.

В Болгарии еще ранее, по ряду свидетельств, например, согласно Черноризцу Храбру и по некоторым историческим и археологическим данным, использовались греческие буквы для передачи славянской речи. Таким образом, традиция письма греческим унциалом на территории Болгарии существовала и была развита до этого. Единственное, что пришлось сделать и для чего была использована глаголица, – это добавить те буквы, которых не хватает в греческом алфавите, потому что соответствующие звуки отсутствуют в греческом языке. Например, буква **Ш** («ша») просто взята из глаголицы, буква **Щ** («шта») – это преобразованный глаголический символ **Ш** (кружок заменен черточкой, так как буквы стилизовались под греческий унциал). Происхождение «юсов» также связано с глаголическими символами, ведь кириллический «юс малый» **Ѧ** – это фактически глаголическая буква **Є**, перевернутая на девяносто градусов и заостренная. Для йотации в кириллице была введена черточка, которую мы сейчас знаем из буквы **Ю**. Юс большой в кириллице **Ѯ** таким же образом получился из соответствующей глаголической буквы.

Какова же диалектная основа старославянского языка, на основе каких диалектов, говоров был создан этот литературный язык? В XIX в. была широко распространена так называемая «паннонская» теория. Далее же было доказано, что диалектной основой для создания литературного старославянского языка послужили южные славянские говоры, болгаро-македонские, и в науке возобладали «болгаро-македонская» теория диалектной основы. Какие аргументы приводились в пользу одной или другой теории? Вот основные из них:

- территориально-исторический;
- судьба сильных **ѣ** и **ѥ**;
- носовые гласные;
- **шт**, **жд** на месте сочетаний *tj, *dj;
- рефлекс гласного «ять» **ѣ**.

Разумеется, сопоставление велось лишь с известными на тот момент говорами на территории Болгарии и Македонии. Главными аргументами создателей и приверженников «паннонской теории» были отрицательные доводы: отсутствие в говорах преобразования сильных сверхкратких **ѣ** и **ѥ** так, как в классических старославянских известных памятниках, отсутствие носовых гласных и их остатков, при этом

строились предположения о наличии назальных звуков в говорах паннонцев, предков словенцев, исходя из заимствований в венгерском языке. Тот же аргумент используется и в отношении звуков [шт], [жд], а именно что на территориях, где проживали паннонские славяне, были обнаружены заимствования с данными звуками на месте рефлексов праславянских сочетаний *tj и *dj. Рефлекс гласного «ять» (буква ѣ) на этих территориях также был узким [е], как в русском языке. «Паннонская» теория преобладала долго, во многом за счет того, что маститые ученые, в частности Ф. Миклошич, отстаивали и поддерживали её. Интересно, что опровержению данной теории диалектной основы старославянского языка послужили полевые исследования. Словенский филолог В. Облак отправился в солунскую область и исследовал живые говоры тех носителей славянских языков, которые населяют эти земли. Естественно, Облак полных записей не оставил, но эти говоры сохраняются и по сей день, а дальнейшее развитие болгарской диалектологии (уже во второй половине XX века) позволило зафиксировать живую речь на территории греческой Македонии. Обратимся к двум фрагментам: первый из них – запись говора села Висока Солунской области, области Фессалоник (болг. *Солунско, село Висока*) в котором мы увидим то, что в свое время увидел Облак – остатки носовых гласных (рис. 4).

Обратимся к следующим примерам слов, корни которых содержали носовые гласные:

▲ *наринди* – ср. рус. *ряд*, ст.-сл. *рѣдѣ*; ж *рънката* – ср. рус. *рука*, стсл. *рѣка*. В литературном болгарском языке первому слову соответствует форма *нареди*, с «е» – то есть действительно без носового, что значит *приказал*. Слово связано с русским словом *ряд*, постарославянски оно содержало носовой гласный. В примере *рънката*, вероятно, назальный элемент развился до согласного полного образования *н*, а гласный элемент подвергся преобразованию.

Рассмотрим второй фрагмент, записанный также в Солунской области, в селе Сухо (рис. 5).

Кроме носовых в этом тексте можно увидеть, какие гласные используются на месте старого ѣ. Действительно, в западно-болгарских, македонских говорах узкий рефлекс «ять», то есть он звучит как [е] (как и в современном русском языке). Но в говоре села Сухо мы находим слово *място* – то есть *место*, старославянское *мѣсто*. Кроме этого, можно обратить внимание на два наречия: *сетн'а* и *нетр'а*, литературное болг. *сетне* и *вътре*, что значит *позже* и *внутри*. Эти

наречия в старославянском языке заканчивались на гласный «ять». В безударной позиции это еще важнее, потому что в литературном болгарском языке в безударной слабой позиции рефлекс **ѣ** будет узким, а не широким, как в диалектной записи.

В этом же тексте мы можем увидеть сочетания [шт], [жд] на месте праславянских *tj и *dj. Ни в македонских, ни в юго-западных и западных болгарских диалектах, ни в словенских (ср. доводы создателей «паннонской» теории) этих рефлексов нет. Они есть в литературном языке, а также в восточно-болгарских говорах, наблюдаются они и в селе Сухо. Первое слово – *фащами*, болгарское литературное *хващаме* можно сравнить с рус. *хватать*. Здесь [шт] возникло из *tj, второй звук – это часть суффикса имперфективации *-ja-*: *хват-* + суффикс *-ja-*, что дало новый согласный. Слитный звук [жд] находим в слове *звждами*, литературное болг. *извждаме*, можно сопоставить с рус. *привáдить* – это тот же самый корень с суф. *-ja* и с преобразованием *dj в [жд].

Пройдя по пути Облака через сто лет, диалектологи обнаружили примерно то же самое. Те же важные фонетические особенности, которые отличали старославянский язык и говоры, на основе которых он был создан, наблюдаются на этих территориях и по сей день. Хотя, как можно оценить при внимательном взгляде на морфологические явления, текст написан на новоболгарском говоре, проявляющем, как и болгарский язык в целом, весьма значительный аналитизм: использован артикль (постпозитивный), практически нет падежных форм, и тем не менее, на уровне фонетики мы видим значительную архаичность.

Возвращаясь к классическим старославянским текстам, следует сказать, что для изучения фонетической системы IX в. по текстам, написанным в XI в. исследователям приходится прибегать к методам реконструкции. За два века фонетическая система преобразовалась весьма значительно, можно даже сказать, катастрофически. Произошло так называемое «падение сверхкратких гласных», тех самых **ѣ** и **ѣ**. В слабой позиции эти гласные звуки перестали произноситься, а в сильной позиции превратились в полноценные гласные («гласные полного образования»), при этом зачастую поменяв свои качества. В результате этого изменения перестал действовать один из основных фонетических законов: закон восходящей звучности, в соответствии с которым звуки в слого располагались от наименее звучного (фрикативные глухие, потом глухие взрывные и т.д. вплоть до гласного). Закон открытого слога – это частный случай закона восходящей звучности: слог оканчивался гласным или слоговым плавным. В результате прекращения действия этих законов возникли

закрытые слоги, которых ранее не было, и множество других фонетических изменений в этих живых говорах. А старославянские памятники, с одной стороны, должны были соответствовать литературной норме и передавать эти слова в изначальной орфографии, с другой стороны, книжники могли находиться под влиянием собственного живого языка и допускать какие-то ошибки, а иногда сознательно вносить изменения в орфографию. Рассмотрим пример с передачей сверхкратких (можно встретить термин редуцированных) гласных. Сверхкраткие гласные – это особые гласные среднего подъема, произносившиеся короче всех прочих. В определенных позициях, в первом слоге под ударением и перед слабым соответствующим гласным они как бы усиливались, удлинялись, становились более ясными – это называется сильная позиция. На конце слова же или перед гласными полного образования и сверхкраткими в сильной позиции они, наоборот, ослаблялись, что привело в дальнейшем к падению редуцированных и их полному исчезновению. Написание еров на конце слова лишь по традиции сохранилось в русской орфографии вплоть до начала XX века, а у болгар до середины XX века. Но какая же фонетическая система отражена в классических старославянских памятниках: старая, до падения редуцированных, или новая, после падения? Рассмотрим некоторые примеры с исконными сверхкраткими гласными в двух старославянских памятниках: глаголическом Зографском евангелии (приводится в транслитерации) и кириллической Саввиной книге (рис. 6). Обратимся к слову **дньхъ**, например, соответствующему рус. форме *днях*. Именно так это слово должно было писаться в соответствии с исконной нормой, отражающей фонетические особенности речи солунских славян эпохи Кирилла и Мефодия. В обоих памятниках мы не находим такого написания. В написании из Зографского евангелия мы видим прояснение сильного «еря» в гласный *е*: **дънехъ**, а в Саввиной книге пропуск гласного в первом слоге, вызванного утратой данного звука: **дньхъ**. И именно благодаря этим ошибкам, допущенным писцами, ученым и удалось выяснить как характер первоначального звучания данных звуков, а также особенности структуры слога, так и характер позднейших процессов в фонетической системе. Таким образом, несомненно, стараясь писать «правильно», писцы допускали ошибки, вызванные реальным произношением слов и словоформ, в результате чего в наших памятниках не отражено последовательно ни одно, ни другое произношение, а следовательно ни фонетическая система IX века, ни фонетическая система XI века. Используя филологические методы,

исследователи языка классических старославянских памятников реконструируют обе эти фонетические системы.

Итак, вопрос о старославянском языке и живых славянских говорах, лежащих в его основе, был актуален на протяжении всего времени развития славистики (вспомним некогда дискуссионный вопрос о диалектной основе) и остается актуальным для любого, кто берется изучать дошедшие до нас тексты старославянской письменности, а также фонетические и морфологические явления этого языка, в силу постоянной необходимости отделять явления исконного языка, отражающего живые явления IX века, от позднейших преобразований, вызванных особенностями живой речи несколько иной (не солунской, а собственно болгарской) территории и иного периода, а именно XI в.

Литература

- Хабургаев Г.А.* Старославянский язык. М.: Просвещение, 1974.
Флоря Б.Н. Сказания о начале славянской письменности. СПб.: Алетей, 2017.
Бернштейн С.Б. Константин-Философ и Мефодий. М.: Издательство Московского университета, 1984.
Ремнёва М.Л. Старославянский язык. М.: Академический проект, 2004.

Вопросы

1. На каких славянских землях и в каких средневековых государствах использовалась старославянская письменная традиция?
2. В каких жанрах созданы дошедшие до нас памятники старославянской письменности? Чем отличаются Евангелие-тетр от апракоса, и какие древнейшие памятники этих жанров вы знаете?
3. Где родились и провели ранние роды братья Константин Философ и Мефодий?
4. Что называется в славистике «паннонской» теорией?
5. На основе каких живых славянских говоров создавался первый литературный язык славян?
6. Какие собственно языковые критерии позволяют судить о диалектной основе старославянского языка?

Задание

Рассмотрите два изображения (рис. 7). Что вы можете сказать об этих текстах? В какой графике они написаны? Каково их содержание? Попробуйте прочитать фрагменты из этих текстов.

Этимология и история культуры и общества

Этимология как лингвистическая дисциплина тесно связана с историей культуры и общества. Цель этимологии – это выяснение происхождения слова, в котором заключен опыт, накопленный человечеством. Лексика языка – это отражение мира, который окружает представителей того или иного этноса в определенный исторический период. Слова обозначают существенные для носителей языка понятия, сохраняющие наследие предков. Таким образом, лексика является важнейшим средством членения и структуризации внеязыковой действительности и формирует уникальную картину мира каждого народа. Сравнивая два языка, мы обнаруживаем несовпадение точных лексических значений: мы знаем о многообразии относительных синонимов, обозначающих различные явления в каждом языке. Например, известно множество названий ветров в северных говорах русского языка, что существенно для рыбного промысла в этих районах. С другой стороны, на севере Америки в языках индейцев представлено до сотни обозначений типов снежного покрова, что имеет важное значение для оленеводства, остающегося важнейшей составляющей жизни данного этноса.

Слово как знак обладает формой и значением. Наверное, каждый человек когда-нибудь задумывался, почему тот или иной предмет так называется. Вопросом о связи означаемого и означающего задавались уже античные философы: заключается ли в слове сущность предмета? является ли название предмета результатом соглашения людей или присущим ему от природы свойством? Следовательно, становится крайне важным установить, по какому принципу назван тот или иной предмет. Таким образом, возникает главный вопрос для этимологии – это поиск так называемой первичной мотивации слова. Именно первичная мотивация различает языки в обозначении различных предметов. Например, русскому слову *столовая*, образованному от существительного *стол*, соответствует чешское *jidelna*, производное от глагола *есть*. Русскому *сад*, используемому для наименования места, где искусственно *посадили* плодовые или декоративные растения, противопоставлена чешская *zahrada* – обозначение какого-либо огороженного участка. Когда мы выясняем основы первичной мотивации для целых лексико-семантических полей, то есть для целых групп слов (например, названий болезней; таких чувств, как счастье или

гнев; движений типа «бросать», «идти», «находить» и прочих), мы находим действенное средство для реконструкции картины мира этноса, что становится одной из важнейших задач, стоящих перед этимологией.

Сведения о древней культуре, о древнем обществе мы можем получить из исторических документов и археологических находок. Однако И.А. Бунин, например, в стихотворении «Слово» сказал достаточно ярко:

*Молчат гробницы, мумии и кости, –
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.*

Действительно, слово хранит информацию о давно ушедших поколениях, сформировавших наш язык, об их восприятии мира и самого человека, об их материальной и духовной культуре. Иногда о происхождении и мотивации современного слова догадаться нетрудно. Каждому может прийти в голову сопоставление слов *окно* или *очки* с существительным *око*. Однако придёт ли в голову сопоставить прилагательное *коварный* с глаголом *ковать*? Или, наоборот, усомниться в связи названия холодного метательного оружия *стрела* и слова *стрелка*, обозначающего встречу криминальных элементов? Подобные вопросы решает этимология, опираясь на данные по истории языка.

Этимология, можно сказать, является вершиной исторического языкознания: эта лингвистическая дисциплина должна принимать во внимание всё, что происходит со словом в течение его жизни с момента его возникновения до современности. По этой причине этимология учитывает исторические изменения звуков, словообразовательных моделей и значений, что достигается методами сравнительно-исторического языкознания.

Хорошим примером, насколько важны знания о фонетике, словообразовании и семантике, служит слово *коварный*. Этимологическая наука подтверждает его связь с глаголом *ковать* на основе словообразовательного анализа: образовано оно от существительного *коварь*, используемого для обозначения кузнеца, которое, в свою очередь, произведено от глагола *ковать* [ЭССЯ 12: 9].

Слово *стрелка*, обозначающее место собрания, о котором речь шла выше, не связано с существительным *стрела*: оно восходит к корню, представленному в древнерусском глаголе *обръсти*, который значит 'находить' [СДРЯ 5: 541] и *сьръсти* 'встречать' [СДРЯ 13: 104].

Этот корень представлен в названии христианского праздника *Сретение Господне*, то есть ‘встреча Господа’, а также в слове *встреча*, где развился эпентетический [т]. В древнерусском глаголе *сърѣсти* также мог появляться вставной согласный: в результате, появилось слово *сърѣсти*, от которого образовалась *стрелка* в значении ‘сборище, собрание’.

Другая задача этимологии – восстановление древнего словарного состава языка. Древнейший уровень, на котором сейчас работает славянская этимология, – это праславянский язык, предок всех славянских языков. Для индоевропейских языков всей группы таковым признается праиндоевропейский язык; некоторые ученые даже предлагали реконструировать так называемый ностратический праязык [Иллич-Свитыч 1967].

«Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд» ориентирован на реконструкцию праславянского лексического состава, что оказывается весьма полезно для решения разного рода научных проблем, например, вопроса о прародине славян. Не вызывает сомнений праславянская древность названий деревьев русск. *берёза* и *липа* [ЭССЯ 1: 202; ЭССЯ 15: 114–115]. Это значит, что предки славян жили на территории, где произрастали эти растения. Известны споры о так называемом «Буковом аргументе» (нем. Buchenargument): дело в том, что слово *бук* для славян не является исконным: оно было заимствовано из германских языков [ЭССЯ 3: 90]. Следовательно, славянским народам это растение знакомо не было. Таким образом, можно определять территорию праславянской прародины, ориентируясь на ареал произрастания бука: его восточная граница проходит по оси Калининград – Одесса. Это наблюдение позволяет предположить, что славяне жили восточнее данной территории [Филин 1962: 21–22]. Таким образом, данные этимологии становятся важным аргументом в рамках решения вопроса об этногенезе славян.

К праславянскому лексическому фонду относятся парные названия мужских особей животных: *бык* и *вол*, *боров* и *кнорос*, хотя различие характеристик этих животных сохранилось не во всех языках [ЭССЯ 3: 147–148; ЭССЯ 2: 214–215]. Оказывается, за этим стоят – и этимология вскрывает это различие – очень существенные для реконструкции праславянского скотоводства характеристики: *вол* и *боров* – это кастрированные животные. Следовательно, праславяне знали так называемое продуктивное скотоводство, когда значительная часть полученного потомства мужского пола кастрировалась, поскольку

для разведения скота было достаточно небольшое количество самцов-производителей. С другой стороны, в славянских языках представлено единое название *теля* применительно к молодняку всех копытных животных. Это обобщенное наименование восходит еще к охотничьему промыслу, которое предшествовало скотоводству. Охотнику важно было отличить молодое животное от половозрелого, поскольку не имело смысла убивать молодняк, который впоследствии мог дать больше мяса для племени [Трубачев 1960: 44].

Сравнительное изучение лексики разных древних языков остается важным для установления древних социальных отношений. Например, индоевропейский корень **dō-*, к которому восходит славянский глагол *дати*, в хеттском и тохарском языках имел значение не 'дать', а 'брать' [ЭССЯ 4: 195–196]. Этимологическая наука видит в этом отражение специфики первичной формы торговли, то есть товарообмена, когда передача одного предмета сопровождалась получением другого.

Реконструкция древнейшего словарного фонда дает нам сведения также о том, как древние славяне осваивали зерновые культуры. Так, например, общеславянским названием зерна является слово *пшено*, от которого образовано наименование растения *пшеница*. Это значит, что пшеница была освоена славянами позднее, нежели просо, и воспринималась носителями праславянского языка как зерно, подобное пшену. Происхождение самого слова *пшено* тоже интересно: образовано оно от глагола *пихать* (др.рус. *пъхати*), который имел значение не только 'толкнуть (кого-то)', как в современном русском языке, но и 'толочь, обмолачивать' [Фасмер III: 269–270; СДРЯ 6: 405]. Следовательно, пшено было освоено как продукт обработки проса. Это становится важным доказательством, что для славян было очень существенным различие растения и получаемого из него продукта.

Важным остается вопрос этимологии слов, которые дают новые возможности для выяснения некоторых аспектов жизни праславянских племен. К такому относятся так называемые термины родства. Современному человеку совершенно очевидно, что слова *род* образовано от глагола *родить* [Фасмер III: 491]. Следовательно, род как форма социальной организации базируется на кровных узах. Менее очевидны обнаруживаемые этимологией связи слов *племя* и *плод*: *племя* – это некоторая «общность плодов», поэтому можно сделать вывод, что в основе этой социальной группы также лежит кровное родство [Фасмер III: 278].

Этимология слова *стоит* также свидетельствует о социально значимых понятиях: этот глагол связан со *стоять*, и объясняется это тем, что в древности стоимость определялась *сопоставлением* разных товаров [Фасмер III: 769–770].

Интересны социальные и исторические основы слова *счастье*. А.Г. Битов в одном из своих романов писал:

«Кажется, совсем недавно под «счастьем» и понимался только миг (сей-час, счас, счастье... настаиваю на этимологии!), мотыльковый век счастья никого не смущал, подразумевалось, что счастье – только есть (или нет), но не продолжается, не экстраполируется, не будет [Андрей Битов. Записки голя (1971)]

Однако большинство носителей языка вряд ли согласится с тем, что счастье – это сиюминутное состояние. Этимология, в свою очередь, обнаруживает связь существительного *счастье* не с наречием *сейчас*, а со словом *часть*. Счастье – это часть материальных благ рода или племени, например, военной добычи или урожая, племенного скота, которую может получить человек [Фасмер III: 816]. Следовательно, счастье каждого конкретного человека полностью зависит от благополучия его племени. Это очень глубокая истина, которая лежит, очевидно, в основе существования славянского общества.

Этимологический анализ позволяет представить, как древние славяне понимали различные черты характера и особенности поведения человека. Так, например, возникает вопрос, почему прилагательное *коварный*, используемое для обозначения способности вредить, образовано от существительного *коварь* ‘кузнец’. Дело в том, что кузнечное ремесло связано с тремя важнейшими стихиями – водой, огнем и металлом. Следовательно, человек, который подчиняет себе силы природы и получает с их помощью орудия труда, утварь, оружие, украшения, обладает огромной мощью. Отсюда вытекают его разные характеристики. С одной стороны, в древнерусском языке глагол *ковать* имел также значение ‘замышлять что-то’: это говорит о том, что кузнец мог творить зло [СДРЯ 4: 232]. Таково же значение серб. диал. *зликовау*. С другой стороны, человек, который изготавливает оружие или предметы обихода, может быть искусным ремесленником, о чем свидетельствует сохранившееся в русских северных говорах прилагательное *коварный* в значении ‘искусный’ и даже ‘красивый’ (по отношению к некоторым предметам) [СРНГ 14: 27].

Древнейшие представления славян о человеческой красоте также восходят к материальным основам. Например, древнерусское прилагательное *лепый* ‘красивый’, откуда возникло современное

русское *нелепый* ‘несколько нескладный, чему-то несоответствующий’, восходит к *лепиту*, важнейшему глаголу славянского гончарного производства. *Лепым* называли предмет, который был хорошо *слеπлен*. Таким образом воспринимался и человек: *лепый* – это тот, кто соответствует представлениям об идеальной форме. Такие представления о прекрасном сохранились во многих славянских языках: как показал анализ материала в диссертации «Сербская и хорватская лексика: семантика и география», защищенной Е.И. Якушкиной в 2021 г., в сербских говорах и фольклоре сохранилось представление о том, что в словах *лепота* и *лепый* заложена идея соответствия нашим представлениям о хорошей форме [Якушкина 2021: 70–71]. Такова же мотивация и слова *краса*, от которого образовано прилагательное *красивый*. Слово *краса* связано с глаголом *кресать* ‘высекать огонь ударами кресала по кремнию’, однако первичным его значением было ‘рубить’ [ЭССЯ 12: 124–125]. Совершенно очевидно, что обработка дерева предшествовала работе с камнем. В польских говорах сохранилось слово *krasaki* – это обрубки определенной формы, соответствующей размеру очага. Очевидно, *краса* – это то, что сделано из дерева и соответствует потребностям человека [ЭССЯ 12: 96–97].

Впрочем, понятие красоты осмыслялось славянами также и через поведение животных. Всем известен глагол *хорохориться*, который часто используется для описания поведения петуха перед курами, тетеревов на токовище, обозначая в этих ситуациях распускание перьев. Образован этот глагол именно от слова *хорохоры*, имеющего значение ‘перья, тряпки, хлопья’ [Даль 4: 1222]. Однако употребление глагола *хорохориться* человек перенес и на поведение молодых людей, которые, как и птицы, красуются перед девушками и хвастаются силой перед соперниками. Родственно глаголу *хорохориться* прилагательное *хороший* [ЭССЯ 8: 80]: его первичное значение – ‘красивый’ – сохранено краткой формой, см. «*хорош* собою Ленский» (А.С. Пушкин «Евгений Онегин»), в то время как семантика ‘обладающий высокими моральными качествами’ является вторичной.

Знание древнейших фонетических изменений, семантических связей, словообразовательных отношений необходимо для восстановления первичной мотивации не только древнейшей лексики, восходящей к праславянскому фонду. Слова, возникшие в более позднее время, например, в древнерусский период и даже позднее, тоже нуждаются в этимологическом анализе. Например, из древнерусских памятников известен глагол *погренути* ‘отменить, забыть, простить (долг)’ [СДРЯ 6: 490], который ранние русские этимологи и писатели,

в частности Н.М. Карамзин, толковали как образование от глагола *грести* (родственного словам *погребать*, *гроб*). Этимология обратилась к историческим фактам, а именно к данным новгородских раскопок о том, что в Древней Руси существовали продолговатые дощечки, на которые наносились резы, обозначающие количество товаров, купленных, но не оплаченных, взятых в долг и подлежащих оплате или возврату. Эти резы выскребались при выплате долга, что и обозначалось словом *погрентуть*, поэтому действительно можно сделать вывод о его родстве с глаголом *грести* [Якобссон 1965: 23–24].

Глагол *грести* интересен еще и в другом отношении: его соответствия в других индоевропейских языках нигде не означают 'совершать регулярные отталкивающие движения веслом', как у славян. В других языках это слово связано с идеей соскабливания или разгребания: следовательно, передвижение по воде не было существенно для ведения хозяйства и жизнедеятельности древних индоевропейцев.

Рассмотренные выше решения показывают, насколько важны для этимологии данные других наук. Сведения археологии и истории позволили разрешить задачу о происхождении глагола *погрентуть*. Существенны также данные этнографии, сведения о древних ремеслах, обычаях и занятиях наших народов. Например, рассуждая о происхождении слова *белка*, ученые недоумевали: явная производность названия этого животного от прилагательного *белый* никак не объясняется цветом ее шкурки – коричнево-рыжей летом и серо-голубой зимой. Оказалось, данные народных говоров, отражающих практику традиционных промыслов, свидетельствуют о том, что для торговцев мехами был важен цвет мездры (обратной стороны) беличьей шкурки: ценились лишь шкурки с белой мездрой – вымороженной, снятой с перезимовавшей белки [Полынская 1987: 138].

В русских говорах слово *ухарь*, которое употребляется и в русской литературе, в русских народных песнях («*ухарь-молодец*»), характеризует молодого человека несколько асоциального поведения: он буйный, смелый, отчаянный – «ухарь купец, удалой молодец». Обычно этимологические словари толковали это слово как производное от глагола *ухать*. Возможно, *ухарь* связано с существительным *ухорез*, которое фиксируется в русских говорах. *Ухорез*, как и слово *ноздря*, употреблялось для обозначения людей, побывавших на каторге. Известно, что на Руси долгое время сохранялась практика клеймения каторжников: им разрывали ноздри, отрезали уши или наносили другие увечья. Сохранялось представление об их дерзости, неповиновении,

возможной агрессии, что и отмечалось напоминанием об их каторжном прошлом – названиями *ухорез*, *ноздря*. Свидетельства тому есть у А.С. Пушкина в «Капитанской дочке» – один из ближайших соратников Пугачева описан как человек со рваными ноздрями:

«Я взглянул наискось на наперсников самозванца. Один из них, тщедушный и сгорбленный старичок с седою бородкою, не имел в себе ничего замечательного, кроме голубой ленты, надетой через плечо по серому армяку. Но ввек не забуду его товарища. Он был высокого росту, дороден и широкоплеч, и показался мне лет сорока пяти. Густая рыжая борода, серые сверкающие глаза, нос без ноздрей и красноватые пятна на лбу и на щеках придавали его рябому широкому лицу выражение неизъяснимое».

Подобные люди, возвращаясь с каторги, очевидно, плохо вписывались в соответствующую социальную среду и вызывали опасения. Возможно, фамилия *Ноздрев* в «Мертвых душах» была выбрана Н.В. Гоголем с отсылкой к слову *ноздря*, выражающему описанное выше значение: во всяком случае, в поведении этого героя явно прослеживается и дерзость, и неуправляемость, и даже агрессия.

Вернемся к названию дерева *бук*. Как было сказано выше, данные ботаники, описывающие современные экосистемы, показывают, что в настоящее время бук произрастает только западнее линии Калининград – Одесса. Для некоторых лингвистов эти сведения стали основанием для важного вывода: праславяне жили на востоке от этой границы. Однако некоторые исследователи обратили внимание на данные палеоботаники, позволяющей судить о состоянии растительного мира на европейской территории на протяжении последних двух тысяч лет. В результате было установлено, что ранее восточной границей ареала произрастания бука являлась река Эльба. Следовательно, славяне жили значительно западнее – вплоть до Эльбы, что подтверждается и другими данными лингвистики, в частности, топонимикой. Известно, что немецкое *Leipzig* восходит к славянскому **lipьskъ*, то есть «липовый, находящийся в районе произрастания липы» [Поспелов 2002: 239].

Очень существенно знание народных традиций и обычаев древнего общества для этимологических исследований. Например, долгое время было неизвестно происхождение индоевропейского названия огня. Последние исследования показали, что название это отражает весьма существенное для древних индоевропейцев свойство: огонь использовался как средство борьбы с гниением. Это связано с обычаем кремации умерших, характерным для индоевропейцев, а затем и для славян. Кремация, безусловно, осмыслялась как

вознесение духа человека к божествам, но практической основой для этого обряда стала борьба с разложением останков: климат прародины древних индоевропейцев способствовал быстрому гниению захоронений и распространению инфекций. Кремация же становилась способом предотвращения подобных процессов, и огонь – средством. Следовательно, название *огня* через несколько этапов возводится к праиндоевропейскому *n*-неслоговому, которое означает отрицание ‘не’, и корню *gni-* ‘гнить’ [ЭССЯ 32: 30–33].

Интерес представляет более позднее слово – *измываться*, зафиксированное впервые в русских источниках XVII в. [СлРЯ XI–XVII 6: 183]. Связь его с глаголом *мыть* лежит на поверхности, однако его мотивация совсем не очевидна. Объяснение находится в обычаях, которые зафиксированы древнерусскими церковными сочинениями против язычества. Церковь боролась со следами дохристианских славянских обрядов, например, с *бабами-смывалями*, которые использовали воду в магических целях. Вода эта добывалась особым образом, насколько нам известно из более поздних фольклорных источников: как правило, набирали ее на перекрестке дорог, помолвившись, не умывшись, ничего не пив и не ев, ни с кем не говоря по дороге, чтобы не оскверниться. Именно такая вода считалась целебной: ею можно было умыть больного или окропить скот. Отголоски этой древней языческой практики мы находим и в нашем быту: до сих пор нередко во время мытья ребенка ополаскивают с приговором: «Как с гуся вода, с Ванечки худоба». Таким образом с человека смывалась болезнь. Однако вода могла использоваться и во вред. Грязная вода, оставшаяся после мытья пола в избе или хлеву, как считали, приносила зло, если ее выливали под забор во владение соседа. Это было уже, бесспорно, обращение к силам зла. Следовательно, отсюда возник глагол *измываться*, то есть ‘приносить зло человеку’. Таким образом, знание народных обычаев и истории оказывается крайне важным для установления происхождения слов. С другой стороны, достижения этимологической науки могут использоваться в качестве подтверждения смысла определенных обрядов [Варбот 1971: 73].

Крупнейший славист и этимолог В.Н. Топоров писал, что интерес к этимологии – явление отнюдь не редкое. Обратной стороной подобного интереса является так называемая народная этимология. Осмысляя слово, человек мог решиться прояснить его происхождение, сблизив его с другими лексемами. Иногда народная этимология провоцируется формальным сходством слов, не являющихся родственными. Например, носители языка на основании фонетической

близости могут связать *улизнуть* с глаголом *лизать*. В действительности, эти слова не являются родственными: *улизнуть* – это следствие довольно поздних фонетических изменений. Дело в том, что в этом глаголе представлен тот же корень, что и в слове *лезть*. Приставка *у-* в этом случае синонимична приставке *вы-*, поэтому можно утверждать, что *улизнуть* значило ‘вылезть’. Гласный *и* в корне возник из-за того, что в русском литературном языке было усвоено среднерусское и южнорусское произношение – иканье [Фасмер IV: 159]. Именно отсюда возникло ощущение связи с *лизать*, не имеющее никакого отношения к реальному происхождению слова.

Когда происходит преобразование слова вследствие сближения с какой-то другой лексемой, происходит изменение его мотивации. Один из древнейших подобных случаев – это русское *крыло*. Почти во всех славянских языках сохранились свидетельства первичной формы этого слова: польское *skrzydło* и чешское *křídlo*. Слово это образовано с помощью суффикса *-dlo* от несохранившегося глагола **skriti*, родственного литовскому *skrieti*, что значит ‘кружить, носиться кругами, летать, парить’. Возможно, этот корень обозначал не только махание крылом, но любое другое подобное движение: например, в некоторых южнославянских языках *крыло* значит ‘рыбий плавник’. Таким образом, первичной формой было *крыло*. Однако крыло, видимо, могло восприниматься как нечто покрывающее тело, вызывая ассоциацию с глаголом *крыть*. Например, подобное представление о крыле отразилось в стихотворении М.И. Цветаевой:

*Мы смежены блаженно и тепло,
Как правое и левое крыло.*

Следовательно, сближение с глаголом *крыть* вызвало изменение *крыло* > *крыло* [ЭССЯ 12: 153].

Все мы слышали, как люди старшего поколения говорят, что для похода в поликлинику им необходимо иметь при себе *страховой полюс*. Подобное произношение возникло из-за того, что заимствование *полис* отождествляется с более знакомым словом – *полюс*. Подобные процессы особенно характерны для заимствованной лексики, однако преобразуются таким образом и исконные слова: в просторечии известно *скупидом* вместо *скопидом* [СРНГ 38: 79]. В практике хозяйственного использования лошадей известно преобразование *удила* в *уздила* вследствие сближения со словом *узда* [СРНГ 47: 17].

Иногда преобразование создает новую убедительную мотивацию: например, в русских говорах очень часто слово *бурелом* переосмысливается как *боролом*. Переосмысление, например, коснулось

известного названия мужской рубашки *толстовка*. Ее название было образовано от фамилии известного русского писателя Л.Н. Толстого, который во время сельскохозяйственных работ носил довольно грубую, простого покроя рубаху. Однако в настоящее время *толстовкой* стали называть верхнюю одежду простого кроя с длинными рукавами из теплой и плотной ткани, воспринимая это слово как производное от прилагательного *толстый*.

Слово *орава*, бесспорно, у многих ассоциируется с глаголом *орать* ‘громко кричать’. Однако происхождение этого слова совсем иное. В говорах, например, встречается словосочетание *орава муравьев*. В действительности *орава* связана с омонимичным глаголом *орать* ‘пахать’, от которого также образовано славянское *рало* – название сохи, а затем и плуга. Следовательно, *орава* – это толпа, занятая пахотой. Близкое значение сохранилось в кашубско-славинском языке: в нем *орава* обозначает собрание людей для коллективной помощи в какой-то хозяйственной работе. Такое явление было распространено и на Руси: называлось оно словом *помочь*. Созывалась *помочь*, например, если нужно было срочно вспахать землю, чтобы предотвратить ее пересыхание. В таких случаях и собиралась *орава*. В настоящее время народная этимология переосмыслила слово, связав его с глаголом *орать* ‘кричать’ [ЭССЯ 32: 106–109].

В современном русском языке глагол *усугубить* понимается через ассоциацию с глаголом *губить* ‘ухудшать’. Например, в речи журналистов можно услышать контексты «ситуация усугубляется», «дороги усугубляются». Однако подобные употребления не соответствуют происхождению слова: в действительности, *усугубить* производно от прилагательного *сугубый*. Оно редко употребляется в современном русском языке, фиксируясь, как правило, в контекстах с претензией на несколько архаичный слог. Образовано прилагательное *сугубый* от глагола *губить* в его первичном значении ‘сгибать’ (родственного глаголам *гнуть* и *гнуть*), поэтому *сугубый* первично имеет значение ‘согнутой’ и отсюда ‘двойной’. Иными словами, *сугубая ошибка* значит ‘двойная ошибка’. Интересно, что в церковных сочинениях XII века (в Ефремовской кормчей) встречается выражение *сугубый монастырь* – монастырь, в котором разрешалось совместно проживать и монахам, и монахиням [СлРЯ XI–XVII 28: 242]. В этом источнике речь идёт о запрете на *сугубое житье* в этих монастырях, то есть о невозможности сосуществования там монахов и монахинь, что является доказательством наличия значения ‘двойной’ у слова *сугубый*. Следовательно, *усугубляться* (т.е. усиливаться) может только какое-то

качество или количество. Например, усугубляться может болезнь, пожар или неприятности. В свою очередь, использование глагола *усугубляться* применительно к словам *ситуация* или *дорога* некорректно. Однако язык меняется, поэтому народная этимология, связавшая *усугубляться* с лексемой *губить*, возобладает, и в дальнейшем для этого глагола будет фиксироваться только значение ‘ухудшаться’.

Народная этимология имеет и другие последствия. Например, она может влиять даже на народные обычаи. В свое время Н.И. Толстой и С.М. Толстая в одном из докладов описали такую ситуацию: в некоторых южнославянских языках праздник святого Варфоломея в соответствии с народным произношением получил название «Вратолом», «праздник Вратолома». Однако слово *врат* в этих языках имеет значение ‘шея’, в результате возникло народное представление о том, что в это время нельзя разрешать детям баловаться, поскольку это грозит переломом шеи [Толстая 2005: 10].

Народная этимология повлияла на возникновение еще одного интересного южнославянского обычая: для того, чтобы лошади и дети были *сыты* и здоровы в течение всего года, первое полученное зерно урожая насыпали в *сито* и давали коням, а первый испеченный хлеб ребенку предлагали именно в этой утвари. Связано это с тем, что в южнославянских языках совпали звуки [и] и [ы], поэтому прилагательное *сыт* получило форму *сит*, начав произноситься так же, как и название бытового предмета *сито*. В результате возникло представление о связи *сита* с сытостью – благополучием дома и семьи.

Такое влияние мы можем предположить и для древнерусского свадебного обычая *собирать кунное* – приданое. Происхождение этого выражения толковалось различным образом. Разумеется, ближайшей является ассоциация с *куницей*, однако сохранилось диалектное существительное *кунка* как обозначение женского полового органа – слово индоевропейского происхождения. Наиболее вероятно, что именно с этим словом и связано обозначение приданого как женской составляющей свадебного обряда.

Древние представления отразились в словах *невеста* и *отрок*. Для славян, как для всякого первобытно-общинного общества, была крайне существенна принадлежность человека к роду и племени, поскольку за ними стояли духи, их защищавшие. Духи покровительствовали человеку в разные периоды его жизни. Например, на русском севере сохранился обычай накрывать голову невесты черным платом, хотя этот цвет является символом похорон. Здесь же черный символизировал переход невесты из рода отца в род мужа. Этот был

период, опасный для жизни девушки, когда она теряла покровительство старых духов, но еще не оказывалась под защитой новых. Именно по этой причине она и получала название *невеста*, т.е. *неведомая*, неизвестная. Следовательно, девушку, лишенную собственного имени, не могли опознать силы зла в этот опасный период [ЭССЯ 25: 70–77].

Подобная мотивация определила и образование слова *отрок*, обозначающего подростка, не достигшего совершеннолетия. Общепризнано, что слово это образовано от глагола *речи* ‘говорить’ (праславянское **rekti*), и существует версия, что *отрок* назван так потому, что он был лишен *речи*, т.е. права слова, еще не являясь полноправным членом своего племени. Однако, возможно, здесь имеет место другая мотивация – того же плана, что и для слова *невеста*. Первичное значение глагола *речи* (**rekti*) – ‘устраивать’. Следовательно, возможно, что отрок *отречен*, то есть условно отделен, отторгнут от племени, поэтому его не могут опознать злые духи [ЭССЯ 38: 126–127].

Описанные выше случаи показывают, что этимология – это наука не доказательная. Это наука описательная и объяснительная, которая строится на гипотезах. Гипотезы – это достижения определенного уровня научного знания. С течением времени пополняются наши знания в области языкознания, истории общества и культуры, что позволяет решить сложные этимологические проблемы. Однако до сих пор не прекращаются споры по многим важным научным направлениям, в том числе по этимологии. Например, остаются очень спорными гипотезы о происхождении слова *тризна* и названия *Русь*. В обоих случаях существуют разные версии, которые не выдвигаются беспочвенно – у каждой из них есть свои основания. Однако против них выдвигаются возражения. Следовательно, остаются возможности подтверждения или опровержения гипотез благодаря новейшим достижениям различных отраслей науки. В этом и заключается движение науки и ее интерес, интерес этимологии как важнейшей отрасли языкознания.

Словари и другие источники

Даль – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка / Под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. Т. IV. С–V. СПб.; М., 1909.

Поспелов 2002 – *Поспелов Е.М.* Географические названия мира. Топонимический словарь. М., 2002.

СДРЯ – Словарь древнерусского языка XI–XVI в. Вып. 1–13. М., 1988–

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–52. М.–Л., 1965–

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–32. М., 1975–

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1–42. М., 1974–

Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О.Н. Трубачева. Т. 1–4. М., 1986.

Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru), по состоянию на 01.09.2025.

Литература

Варбот Ж. Ж. Заметки по славянской этимологии (укр. *кочубей*, русск. *настырный, измываться*) // Этимология. 1968. М.: 1971. С. 68–77.

Иллич-Свитыч В. М. Материалы к сравнительному словарю нестратических языков (индоевропейский, алтайский, уральский, дравидский, картвельский, семитохамитский) // Этимология. 1965. М., 1967. С. 321–371.

Польнская М. Я. Белка – векша – веверица // Русская речь. 1987. №1. С. 137–139.

Толстая С. М. Полесский народный календарь. М.: Индрик, 2005. 599 с.

Трубачев О. Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 116 с.

Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. 296 с.

Якобссон Г. Этимология и семантика на примере нескольких древнерусских слов // Этимология. Принципы реконструкции и методика исследования. М., 1965. С. 13–26.

Якушкина Е.И. Сербская и хорватская лексика: семантика и география: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2021. (на правах рукописи).

Хорватский фольклор

Слово «фольклор» обычно используется как общее наименование традиционных форм словесного творчества, музыки, танцев, драматического и изобразительного искусства. Хорватия – небольшая страна, но очень богатая фольклорными традициями, она входит в пятёрку стран мира с самым разнообразным фольклорным наследием с учетом площади страны. Разнообразие его измеряется количеством охраняемых объектов материального или нематериального культурного наследия.

О Хорватии

Территория Хорватии имеет особую, очень сложную форму. По сравнению с Россией, площадь Хорватии в 308 раз меньше, но причудливая территории позволила ей, несмотря на маленькую территорию, стать страной с богатой культурной традицией. Следует отметить, что на хорватскую культуру и традиции значительно повлияли соседние страны.

До обретения независимости Хорватия входила в состав Югославии. Сегодня в Хорватии четыре фольклорные зоны, а в бывшем государстве их было шесть, что показывает, насколько богатую традицию унаследовала Хорватия. Сегодня в Хорватии охраняются как нематериальное культурное наследие ЮНЕСКО следующие элементы народного творчества:

- **«ойкание»** – особый способ пения слогов «хой», «вой» и «ой»;
- **двуголосие узких интервалов**, распространенное в Истрии и Приморье – особый тип фольклорного пения с участием двух исполнителей;
- **«бечарац»** – вокально-инструментальная композиция из Восточной Хорватии, часто содержащая шутки и остроты на любовные темы;
- **«меджимурская попевка»** – традиционная форма пения в северо-западной Хорватии;
- **«клапское» пение** – искусство многоголосого пения без инструментального сопровождения;
- **«немое коло»** – традиционный танец без музыкального сопровождения;

- «**Синьска алка**» – рыцарский турнир в городе Сить;
- «**леле**» – ежегодное весеннее шествие девушек с саблями в руках (обход деревни): согласно легенде, их мужья ушли на войну против турок и не возвращались с поля боя, и когда женщины увидели идущую на них турецкую армию, они нарядились в особую (нехарактерную) народную одежду, чтобы напугать турецкое войско, что, по преданию, и случилось;
- **кружевоплетение**;
- **изготовление традиционных деревянных игрушек.**

Рисунки к лекции расположены по QR-коду:

Фольклорные зоны

С помощью карты легче понять распределение фольклорных зон (рис. 1). Красным цветом на карте обозначена Паннонская фольклорная зона, синим – Альпийская, зелёным – Динарская, а фиолетовым – Адриатическая фольклорная зона. Каждая из этих зон получила своё название по географическому расположению. Паннонская – потому что в древние времена здесь находилось Паннонское море, Альпийская – из-за горного хребта Альпы, Динарская – из-за горного массива Динариды, и Адриатическая – в честь Адриатического моря. Там, где границы соприкасаются, наблюдается смешение черт двух зон, которые нельзя четко разделить.

Чтобы лучше понять, насколько разнообразна хорватская фольклорная традиция, достаточно взглянуть на карту **Паннонской зоны**, которая состоит из нескольких микрзон. Они значительно отличаются друг от друга с точки зрения формы танца, народного костюма и музыки. Обычаи в них очень похожи, но различается способ исполнения определённого обряда. Посмотрев на карту микрзоны Бродского Посавья, можно заметить её деление на ещё более мелкие зоны, где западная часть отличается от более восточной, а самая

восточная – от остальных. Это деление основано уже не на различиях в танцах и песнях, хотя и они имеют некоторые особенности, но преимущественно на различиях в народном костюме. В нем отражается экономика определённой зоны и ее природно-географические черты (рис. 2).

Адриатическую зону характеризует то, что различия в ней прослеживаются от севера к югу. Причина этого – крупные миграции населения в ходе истории. Северная часть подвергалась большому влиянию Венеции, а на южную часть влияло Средиземноморье. Для этой зоны важно влияние на народную одежду городского стиля и появление разнообразных городских костюмов под влиянием Италии и Средиземноморья. Костюмы этой зоны довольно простые, как и танцы. В танце представлено немного движений, но при этом они очень грациозные и спокойные и напоминают ход морских судов. Специфическим музыкальным инструментом Адриатической зоны является мандолина.

Динарская зона соседствует с Адриатической. Динарская зона расположена в горном массиве Динариды, и поэтому взаимовлияние этих зон было очень незначительным. Особенностью данной зоны является то, что народные костюмы здесь очень тяжелые, некоторые из них весят до семи килограммов. Причина этого в том, что в горах холоднее, условия там суровые, и для изготовления одежды нужны именно такие тяжелые материалы. Народные инструменты в этой зоне встречаются нечасто, иногда используется мех – музыкальный инструмент, сделанный из овечьего пузыря и издающий специфические звуки. В этой зоне широко распространен танец «тихий круг» (коло). Инструментального сопровождения в этом танце не было, танцующие создавали музыку, стуча ногами по полу и используя собственные голоса. В силу образа жизни особенным для этой зоны является и особый способ музыкальной коммуникации и пения – **ойканье**.

Альпийская зона расположена на севере Хорватии, где она граничит со Словенией. Для альпийской зоны характерны танцы в парах. Народная одежда украшена вышивкой. Представлены струнные и духовые инструменты. Это зона, в которой фольклор отличается веселым, задорным духом. Наиболее интересно в этой зоне Меджимурье, самая северная область Хорватии. На протяжении всей истории Меджимурье принадлежало то Хорватии, то Венгрии. В период венгерского правления танцевальная традиция здесь утратилась. Остались напевы, тексты и мелодии. Около ста лет назад, по инициативе загребских фольклористов, были заново придуманы

меджимурские танцы под уже существующие мелодии. Поэтому сегодня мы можем говорить всего лишь о столетней традиции меджимурского танца, тогда как в других зонах существует многовековая традиция.

Паннонская зона – крупнейшая в Хорватии, поэтому она делится на различные микрзоны. Из-за территориального положения она испытывала влияние со всех сторон. На юг и восток паннонской зоны повлияла османская культура, на север – венгерская, а на запад – соседние микрзоны. Паннонская зона – самая богатая не только с точки зрения экономики, но и благодаря разнообразию традиционных костюмов, песен, танцев, инструментов, обычаев. В паннонской зоне можно выделить следующие микрзоны: Цвельферия, Воеводина, Баранья, Джаковштина, Винковацкий край, Бродско-Посавле, Пожегский край, Нашицкий край, Подравина, Мославина, Посавина, Билогора, Новлянский край. В русском фольклоре сейчас наблюдается тенденция к единообразию – такой вывод можно сделать на основании выступлений русских ансамблей, представляющих танцы и песни в одинаковых костюмах. В Хорватии же все еще сохраняется большое разнообразие национальной одежды, причем не только в различных зонах, но и внутри одной паннонской зоны, где микрзоны сильно отличаются друг от друга, и формы культуры варьируются от села к селу. Порой можно найти небольшие отличия и в пределах одного села. Стоит упомянуть, что сейчас многие люди хранят у себя традиционные народные костюмы, что свидетельствует о внимании к сохранению культурного наследия. В прошлом женщины творчески подходили к изготовлению народных костюмов, богато украшали их, используя разнообразные мотивы. Одна могла традиционной вышивкой изобразить один мотив, а другая должна была придумать иной или вышить его другим цветом, чтобы не походить на первую. Большое развитие получило в народе мастерство выполнения причесок. Женщины часами создавали традиционную прическу, которая была очень сложной и выглядела богато и торжественно. Некогда паннонская зона была житницей и кормилицей страны, так как изобиловала пшеничными полями, богатой и плодородной землей, что отражалось не только в богатстве народных костюмов, в особенностях вышивки, но и в разнообразии цветов, в обилии украшений. Так, девушки в этой области носили на шее дукаты: чаще всего – по 99 дукатов, так как государство взимало налог в случае, если у человека в собственности находилось 100 дукатов, что было нежелательно. Говоря о танцевальных традициях паннонской зоны важно отметить так называемый «прогулочный

хоровод» (*šetano kolo*), хотя изредка он встречается и в альпийской зоне. Тексты «прогулочных хороводов» посвящены любви между юношей и девушкой, отношениям в семье и представляют собой своеобразные баллады.

Важный момент: в паннонской зоне преимущественно распространен штокавский диалект, в альпийской – кайкавский, в динарской и адриатических – чакавский.

Большой интерес представляют старинные хорватские детские игры, которые также имеют в каждой зоне свою специфику. Некогда дети очень творчески подходили к игре, они играли с тем, что находилось во дворе или с тем, что создавали сами, а также играли в придуманные ими простые игры без вспомогательных средств. Особенно интересны в детском фольклоре считалки. Вот одна из них: «*Adam, Eva, sito pi, Abel babel, Domini, hokus, pokus, pampalus, Abel Babel – bus!*». Были и обидные считалки: «*Ima jedan među nama, koji jede sa svinjama, jedan, dva, tri, to bi moglo biti ti!*» – «*Есть один между нами, кто ест со свиньями, раз, два, три – это мог бы быть и ты!*».

Вопросы

1. В чем отличия хорватской фольклорной традиции от русской?
2. Какие формы народной культуры лучше всего сохранились в Хорватии?
3. Как географическое положение культурных зон в Хорватии влияет на особенности народной традиции в них?

О чем говорят имена собственные?

Личные имена – обширная группа антропонимов (имен собственных, от др.-греч. ἄνθρωπος – человек и ὄνομα – имя), с которой мы встречаемся каждый раз, когда называем другого человека по имени, вспоминаем об историческом персонаже или герое литературного произведения. Как и все прочие антропонимы (фамилии, патронимы-отчества, прозвища и псевдонимы), личные имена призваны прежде всего идентифицировать своего носителя, выделять его из множества других людей, быть его индивидуальным отличительным знаком. В этом смысле стремление выбрать оригинальное, звучное, непохожее ни на какое другое имя – вполне естественное стремление каждого родителя, задумавшегося, как назвать своего ребенка.

Имя сопровождает нас всю жизнь, и поэтому так важна его звуковая сторона, благозвучность. При непосредственном контакте, в беседе обращение по имени скорее привлечет внимание собеседника, покажет расположение, создаст необходимую доверительную атмосферу. Не меньшее значение имеет и всегда имела также сторона значимая – смысл, заложенный в основу названия, или – позже – те устойчивые ассоциации (культурные, исторические, национальные, социальные), которые вызывает то или иное имя.

Древнейшие славянские имена

Имена – это одна из самых старых категорий антропонимов, они появляются уже в первых памятниках славянской письменности, как например, имена *Quatec (Kwiatek)* ‘Цветок’ и *Dobrenta (Dobrzęta)* от корня *добр-*), переданные средствами простой графики в латинском тексте одного из первых польских памятников Гнезненской буллы 1136 г., наряду с другими 410 именами и географическими названиями.

В разное время – помимо собственно названия, идентификации – личным именам приписывались и другие функции: они были призваны защитить ребенка, отпугнуть злые силы, как многие прозвищные имена. Имя могло выполнять также социальные функции, неслучайно известны сугубо королевские (*Zygmunt – Сигизмунд*) или княжеские имена (как *Игорь*, или двусоставные *Мстислав, Всеволод*), которые противопоставлялись именам простолюдинов (подробнее см.: [Литвина, Успенский 2006]).

Со временем личное имя стало своеобразным культурно-историческим кодом, в котором отражаются ценности и языковая картина мира конкретного народа. Неслучайно сами имена становятся нередко знаковыми для определенной культуры, вызывая устойчивые ассоциации с конкретной страной, как *Збигнев*, *Гжегож* или *Ванда* и *Барбара* для Польши или *Тарас*, *Богдан*, *Оксана* для Украины, *Иван* и *Марья* для России. Польские имена в литературных произведениях на русском языке нередко используются писателями, чтобы обозначить национальность персонажа, среди них есть и характерные имена: мужские: *Бронислав*, *Казимир*, *Кароль*, *Феликс*, *Ян*, *Януш* (В. Короленко), *Казимир Станиславович* (И.А. Бунин) *Рышард*, *Казимир*, *Хэнрык*, *Владек*, *Тадеуш* (Д. Рубина); а также женские: *Амалия*, *Эвелина*, *Розалия* (М.Ю. Лермонтов); в том числе уменьшительные: *Бася*, *Марыня*, *Аннуся* (В. Короленко), *Катажынка*, *Кася* (Д. Рубина) (об этом подробнее см.: [Ананьева 2017]).

Для тех, кто интересуется славистикой, личные имена являются также ценным материалом, который позволяет проследить развитие принципов номинации внутри отдельных языков и антропонимических систем, но также увидеть общие закономерности и параллели в их развитии, а также следы взаимных контактов. Не менее ценный материал дают антропонимы для изучения собственно лингвистических закономерностей и процессов, имеющих свои параллели в разных славянских языках.

Задание 1

Разделите украинские имена прозвищного типа на группы по принципу номинации:

Одинець, *Третьак*, *Осьмак*; *Брех*, *Мовчан*, *Шумило*; *Позняк*, *Вешняк*; *Голозуб*, *Ліваш*; *Губар*, *Некрас*; *Голиш*, *Гольтепа*; *Бажен*, *Нечай*; *Милюта* (ср. пол. *Kochan*, болг. *Любен*); *Баран*, *Засць*.

Имена-компози́ты: что они значат?

Другой древнейший пласт имен, имеющих в разных славянских языках, составляют двусоставные наименования, образованные в результате слияния двух основ, вторая часть которого (как *-мир* или *-слав*) превращается в своеобразный суффиксоид, специализирующийся на производстве однотипных имен: так, имен на *-мир* насчитывается более 300, примерно столько же на *-слав* [Толстая 2020]. В этом смысле примечательно имя *Mirosław* ср. *Мирослав*, которое известно также в «перевернутой» версии: *Slawomir* ср. *Славомир*. При этом первая часть

имени может быть именного, глагольного, наречного или местоименного происхождения: ср. пол. *Ludomir, Chwalimir, Wielislaw* и восточнославянские: *Святослав, Будимир, Вячеслав, Всеслав*. Такие имена могут создавать также своеобразные синонимические ряды, как, например, *Boleslaw, Więceslaw, Wielislaw*, в которых первая основа связана с наречием «много». Нередко варьируется также вторая часть, в то время как первая – как правило, вызывающая положительные коннотации и выполняющая функцию благопожелания – сохраняется: ср. *Богуслав* и *Богумил, Добромир, Добромирл* и *Доброслав; Радомир, Радослав* и (с другой соединительной гласной) *Радислав; Ратимир, Ратибор*. Большинство таких имен, как считается, к XVIII в. вышли из обихода как в польском, так и в восточнославянском круге культуры, однако некоторые – как *Stanislaw, Zbigniew, Wojciech, Kazimierz* или *Мирослав, Любомир* восстановили свою популярность уже в новейшее время (XIX–XX вв.), став характерными для национальных антропонимических систем. Отдельные имена были созданы в подражание старому образцу, как польское *Lechoslaw*, украинское *Зореслав* или женские имена *Дзвенимира, Дзвенислава, Квитослава, Любомила* (от именных основ с абстрактным значением).

Задание 2

2.1. Найдите восточнославянские соответствия для старопольских имен: *Racimir, Więceslaw*. От каких основ они образованы?

2.2. Является ли польским по происхождению широко распространенное в Польше имя *Władysław* (это имя носили, в частности, некоторые польские короли)? Влияние какого языка отражает рус. *Владимир*?

2.3. Чем объясняются различия в оформлении второй части польских имен типа *Ludomir, Radzimir*, но *Kazimierz, Włodzimierz* ср. *Любомир* и *Владимир*.

Свои и чужие в именнике

С христианизацией славянских земель в X–XI веках ситуация изменилась: церковные имена греческого, латинского и древнееврейского происхождения, а также многие другие заимствования (в том числе скандинавские) активно меняют облик антропонимических систем, создавая новые координаты для определения «своих» и «чужих». «Чужие» имена, поддержанные авторитетом церкви, быстро набирают популярность, детей называют «по святым» – особым списком имен, разрешенных церковью и связанных с церковным

календарем. Неслучайна популярность во всех славянских странах имени Иоанн и его соответствий (ср. пол. *Jan*, рус. *Иван*, укр. *Іван*) – ведь это имя встречалось в святцах чаще других (170 раз). Тем не менее многие исконные («свои») имена сохранялись, становясь вторым, домашним, неофициальным именем, используемым в быту, в том числе в элитах, княжеских семьях [Литвина, Успенский 2006]. Некоторые из них позднее вошли в официальный обиход и до сих пор популярны.

Христианские имена – как ветхозаветные, так и новозаветные, попадая в новое языковое окружение, в каждом из славянских языков претерпевали целый ряд фонетико-морфологических изменений, так что сегодня многие из этих имен представляют собой лингвистические мини-задачи, демонстрируя к тому же заметную вариативность. Так, например, в диалектной речи и у русских, и украинцев начальное *a* переходило нередко в *o*: укр. *Олександр*, *Олексій* (ср. польские уменьшительные формы имен *Oleś*, *Ola*), распространена была также форма *Ондрій*, но окончательно закрепляется форма с *a* в силу популярности соответствующего имени и святого. В *o* трансформировалось также начальное *e* перед слогом с гласным переднего ряда: укр. *Олена*, *Омелян*, *Овсій*. В этой же позиции возможны формы с *я*–: укр. *Явдоха*, *Ярмола*: считается, что такое своеобразное яканье не связано с ударением, переход *e* в *я* происходил перед слогом с гласным непреднего ряда. Целый ряд имен демонстрирует другие важные особенности украинской фонетики: в имени *Ілля* происходит характерное для многих нарицательных слов удвоение переднеязычного согласного перед *й* (ср. *весілля*), в имени *Гнат* фиксируется утрата начального *и* (ср. *гра* ‘игра’); в имени *Улас* отразилось совмещение начального *у* и *в* из-за их фонетической близости (ср. *Влас*); в именах *Семен*, *Євген*, *Артем* с одной стороны и *Антін*, *Федір* – с другой отразилась непоследовательность одного из самых характерных украинских фонетических преобразований в зависимости от исходного звука: так, *o* последовательно переходит в *i*, а с *e* таких преобразований в именах не происходит. Целый ряд имен отмечен характерными особенностями морфологического поведения: так, считается, что важность формы именительного падежа повлияла на отсутствие чередования с беглым гласным в косвенных падежах имени *Олег* – *Олега* (в русском аналогично), *Лев* – *Лева* (так же ведет себя и омонимичное украинское имя нарицательное). Довольно неустойчивой с точки зрения морфологической оформленности оказалась группа имен на *-ий*: особенно это касается польского языка, где часть имен перешла в мужское склонение на согласный, приняв

флексию *-sz* (ср. *Аркадий* – *Arkadij* – *Arkadiusz*, *Сергей* – *Sergij* – *Sergiusz*), в то время как другие после стяжения конечного *-j* перешли в атрибутивное склонение (ср. *Алексей* – *Oleksij* – *Oleksy*, *Антоний* – *Antonij*, но также *Антон*, *Антін* – в польском *Antoni*).

Задание 3

3.1. Подберите русские аналоги польских версий ветхозаветных имен: *Józef*, *Gabriel*, *Rafał*, *Judyta*, *Zuzanna*, а также новозаветных и имен христианских мучеников: мужских – *Tadeusz*, *Jan*, *Jakub*, *Andrzej*, *Grzegorz*, *Jerzy*, *Wawrzyniec*; и женских – *Elżbieta*, *Katarzyna*, *Agnieszka*, *Barbara*, *Małgorzata*, *Zofia*.

3.2. Сравните польские и украинские имена: *Michał* – *Михайло*, *Daniel* – *Данило*, *Gabriel* – *Гаврило*, *Piotr* – *Петро*. Какие вы видите различия?

3.3. Какая буква (и звук) была замещена в украинских (народных) формах имен: *Пилип*, *Хома*, *Текля*, *Векла*. Почему так произошло?

3.4. По какому типу будут склоняться польские имена *Konstanty* (ср. *Константин*) и *Metody* (ср. *Методий*): как существительные или как прилагательные?

Трудности перевода

Основным способом введения онима в иноязычный текст является практическая транскрипция, «которая, не выходя за пределы принятого для данного языка алфавита, но допуская некоторые отступления от общепринятой орфографии, должна сколь возможно адекватно передать информацию текста оригинала в отношении имен собственных» [Реформатский: 1972, 333]. Близкое родство языков, однако, вопреки ожиданиям, не облегчает, а нередко затрудняет эту задачу.

Причиной трансформаций имен на уровне фонетики и орфографии является несовпадение фонетико-произносительных характеристик звуков в разных языках. Так, польские специфические носовые гласные передаются в русском тексте при помощи различных сочетаний гласных и согласных или (что было бы ошибкой) заменяются соответствующими «чистыми» гласными: ср. варианты передачи имени одного из персонажей романа Г. Сенкевича «Огнем и мечом»: *Rzędzian* как *Жендзян* или *Редзян* или варианты написания фамилии футболиста: *Szczęsny* как *Щченсны(й)* или *Щесный*. Переводчики испытывают сомнения также при передаче сочетаний согласных с *y*: у поляков он не

смягчает предшествующий согласный, а по-русски имя *Zygmunt* может быть записано и как *Зигмунт*, и как *Зыгмунт*.

Больше всего трудностей вызывает передача в русском тексте характерных польских согласных, в том числе мягких среднеязычных: так, имя *Maciej* может выглядеть и как *Мацей*, и как *Мачей*, ср. в названиях: «*Maciek Fuła*» – «*Мацек Фула*» (А. Дыгасинский). В современных текстах отмечается тенденция к фонетизации, стремление передать характерное звучание исходного имени, поэтому *Maciej (Rybus)* будет записан как *Мачей (Рыбус)*.

Возможны варианты и при попытке передачи на письме других мягких согласных: в польском языке для этого используется специальный знак («креска») в позиции перед согласным или гласный *і* в позиции перед гласным. В русской записи, однако, мягкий знак перед согласным может отсутствовать, а *и*, наоборот, сохраняться, как в фамилии *Fabiański* – *Фабиян(ь)ский*. Такой принцип передачи польских имен и фамилий на письме создал новое звучание таких известных фамилий, как *Пиотровский* или *Циолковский* (по-польски в первом слого отсутствует *и*, он используется только для обозначений мягкости, ср. имя *Piotr*).

Объективные «трудности перевода» создает также морфологическая оформленность некоторых польских имен (тех самых, которые склоняются по типу прилагательных). Так возникают варианты в передаче имен заглавных персонажей произведений Ю. Словацкого: «*Fantazy*» по-русски известен как «*Фантазий*», а «*Szafary*» как «*Шанфары*», хотя в польском языке они относятся к одному типу.

Принципы передачи имен, как показывают польские имена в русских текстах, не остаются неизменными. В результате некоторые исторические персонажи или культурные деятели в русской традиции могут фигурировать под разными именами: ср. *Wincenty Kadłubek* – *Винцент* и *Винцентий* *Kadłubek*, *Marcin Bielski* – *Мартин* / *Марцин* / *Марчин* *Бельский*, *Jerzy Sebastian Lubomirski* – *Юрий* / *Ежи* *Себастьян Любомирский*, *Ignacy Krasicki* – *Игнатий* / *Игнацы* *Красицкий*, *Juliusz Słowacki* – *Юлий* / *Юлиуш* *Словацкий*, *Syprjan Norwid* – *Киприян* / *Циприан* *Норвид*; *Zygmunt Krasiński* – *Зигмунд* / *Сигизмунд* / *Зыгмунт* *Красинский* / *Красинский*. Чем ближе мы к современности, тем старательнее переводчики будут пытаться передать характерное звучание имени.

Специфика воспроизведения имен может приводить также к тому, что известные личности, важные сразу для нескольких культур, в том числе для русской и для польской, известны под несколькими именами,

что было характерно вплоть до середины XX в. Так, художник рубежа XIX в., в русской среде известный как *Генрих Ипполитович Семирадский*, для поляков *Henryk Hektor Siemiradzki*; выдающегося лингвиста *Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ* соотечественники знают под именем *Jan Ignacy Niecisław Baudouin de Courtenay*; всемирно известный танцовщик *Вацлав (Фомич) Нижинский* в Польше фигурирует как *Wacław Niżyński*, а во Франции как *Vaslav Nijinsky*.

Итак, мы увидели, что имена – это не просто опознавательный знак, лишенный содержания, они могут многое рассказать о культуре и языке конкретного народа. Похожие имена, имеющие общее происхождение, демонстрируют нередко важные языковые различия и могут служить источником для изучения истории славянских языков. Попадая в другой язык, имя приспосабливается к новым условиям – как гость, который учится местным обычаям, но при этом не теряет своей самобытности, будучи знаком другой, не менее важной и значимой, культуры.

Задание 4

Найдите русские соответствия для польских и украинских имен, в том числе имеющих культурные коннотации (имена литературных и мифологических персонажей):

Литература

Ананьева Н.Е. Польский интертекст в русской литературе XIX–XXI вв. // *Rex Latina, Rex Orthodoxa: Славистические исследования: История, культура, литература. В честь 80-летия со дня рождения А.В. Липатова.* М.: Институт Славяноведения РАН, 2017. С. 249–262.

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М.: «Индрик», 2006. 741 с.

Реформатский А.А. Перевод или транскрипция? // Восточнославянская ономастика. Материалы и исследования. М., 1972. Вып. 1. С. 311–333.

Роспюнд С. Структура и классификация древневосточнославянских антропонимов (имена) // Вопросы языкознания. 1965. № 3. С. 3–21.

Толстая С.М. К этимологии имени Владимир // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 1. С. 9–29.

Трійняк І.І. Словник українських імен. Київ: Довіра, 2005. 509 с.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праoslavянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–32), А. Ф. Журавлева (вып. 33–39), Ж. Ж. Варбот (вып. 40–). М. : Наука, 1974 –. Вып. 1–.

Shevelov G. A historical phonology of the Ukrainian language. Heidelberg, 1989.

Славянские языки и лексикостатистика

Роль хронологии в компаративистике в общем и в славистике в частности весьма велика. Хронология бывает относительной и абсолютной. Абсолютная – это когда мы можем по каким-либо сведениям датировать языковое изменение. Проще это делается в письменную эпоху, когда есть памятники, на которые можно опереться, но бывают попытки использовать и иные сведения. Бывает также хронология относительная. Например, если мы устанавливаем хронологию второй палатализации и монофтонгизации дифтонгов, то, естественно, мы скажем, что сначала произошла монофтонгизация дифтонгов, и только потом вторая палатализация, потому что вторую палатализацию вызвали именно дифтонги, появившиеся в результате монофтонгизации, а наоборот произойти не могло. Так же может быть датирован распад языков: мы знаем, что древнерусский язык распался на русский, украинский, белорусский после того, как праславянский язык распался на отдельные ветки.

Если с относительной хронологией все более или менее понятно, то каковы же методы восстановления абсолютной хронологии? Если не брать письменные памятники и говорить о дописьменной эпохе, то можно использовать следующие методы: информированная оценка, датирование по заимствованиям, археологические данные, лингвистическая палеонтология и глоттохронология.

Первый метод самый неточный и самый приблизительный. Дуглас Адамс его называет «методом информированной оценки», то есть, допустим, перед специалистом стоит вопрос, когда распался праиндоевропейский язык. Он не может дать точного ответа, но у него есть некоторые косвенные сведения на этот счет, и он пытается более или менее в соответствии со своими знаниями ответить на этот вопрос. Более точные сведения есть относительно распада праиндоевропейского языка: мы примерно знаем, когда отделились с прародины хетты. Но вот датировки распада прабалтославянского единства весьма приблизительны. Естественно, такое положение дел никого не устраивает, и все хотят более точных оценок.

Можно привлекать также датирование по заимствованиям. Например, зная, что славяне заимствовали много слов из готского языка и эти заимствования встречаются во всех славянских языках, можно сделать вывод, что на момент славяно-готских контактов праславянский

язык еще не распался. Археологические и исторические данные в свою очередь позволяют установить, когда происходили эти славяно-готские контакты.

Археологические сведения тоже помогают устанавливать хронологию распада праязыков, однако нельзя напрямую соотносить археологические культуры с языками, как этого хотелось бы. К сожалению, может быть такое, что носители одной и той же археологической культуры говорили на разных языках, или наоборот, носители одного языка довольно сильно отличались друг от друга в культурном плане. В этом контексте крайне важна лингвистическая палеонтология, поскольку, если есть сведения, что праиндоевропейцы знали слово *колесо*, то они знали и само колесо, а это позволяет отождествлять праиндоевропейцев с определенными археологическими культурами. Или, допустим, для праславянского языка восстанавливается слово **želězo* ‘железо’, что позволяет лучше представить себе, где жили праславяне путем соотнесения с археологическими культурами, которым было известно железо.

Так, лингвистическая палеонтология через язык восстанавливает культуру и быт пранарода. Само наличие слова *колесо* у праиндоевропейцев не дает датировки. Чтобы ее получить, нужно соотнести праиндоевропейцев с некой археологической культурой, которая знала колесо. В таких случаях археологи показывают, что некая археологическая культура жила на одном месте, а потом внезапно с огромной скоростью начала экспансию, а носители этой культуры знали колесницы, с помощью которых, вероятно, и осуществили ее. Тут возникает основание для гипотезы, не были ли носители этой культуры носителями праиндоевропейского языка, который *колесо* знал, возможно, в отличие от своих соседей. Тогда археологи при помощи радиоуглеродного метода датируют эту культуру, а лингвисты получают датировку праязыка.

Как известно, праславянские слова **kupiti* ‘купить’ и **velbōdъ* ‘верблюд’ заимствованы из готского. Если слово было заимствовано из готского в славянские языки, то, как правило, мы это слово встречаем на всей славянской территории или как минимум в большинстве славянских языков. А вот если наоборот, слово заимствовано из праславянского в готский, то дальше готского оно не ушло. Почему так? Это говорит нам о том, что прагерманский язык распался раньше праславянского. Получается, что когда происходили первые славяно-германские контакты, то единый еще праславянский язык контактировал

с уже отколовшимся от основного массива готским, и это важно для установления хронологии распада языков.

Наконец, перейдем к глоттохронологии, или лексикостатистике. Метод глоттохронологии был вдохновлен методом радиоуглеродного анализа. Долгое время археологи находились в довольно сложной ситуации с датированием. В одних случаях помогали монеты, в других – письменные памятники, но зачастую датировки, сделанные в XIX веке, особой точностью не отличались. Только в начале XX века на помощь археологам пришли физики, которые изобрели метод радиоуглеродного анализа. Известно, что стабильный изотоп углерода – это C-12, а есть радиоактивный изотоп углерода C-14, который образуется в атмосфере из азота. Когда животные и растения дышат и поглощают углерод из атмосферы, получается, что в их организме большая часть углерода – это C-12, но есть и небольшая доля пришедшего из атмосферы радиоактивного C-14. Если мы знаем, с какой скоростью распадается C-14, то мы можем установить, когда животное или растение умерло, потому что при жизни C-14 поглощается, но когда животное умирает, то C-14 перестает поступать. Дальше он только распадается, и его доля постепенно уменьшается. Затем необходимо замерить долю C-14 в найденных останках животного или растения и сравнить с известной скоростью распада.

Этот метод позволил археологам изучить и датировать огромное количество находок. Позже он стал применяться не только в археологии. Например, с его помощью было доказано, что знаменитая Туринская плащаница – это поздняя средневековая подделка. Американскому лингвисту Моррису Сводешу пришла мысль, что в лингвистике можно попробовать создать нечто, подобное радиоуглеродному методу, опираясь на скорость замен слов в языке.

Сводеш основывался на том, что словарный состав языка изменяется с разной скоростью. Например, есть культурная лексика, которая легко исчезает и легко заимствуется. Возьмем названия одежды. Современные названия одежды очень серьезно отличаются от тех, которые были в петровское время или в Древней Руси. Такого рода лексика быстро меняется вместе с изменением культуры, поэтому если мы хотим создать что-либо подобное радиоуглеродному методу на лингвистической почве, культурная лексика не подойдет, так как она слишком подвержена изменениям. В противовес ей существует лексика совершенно иного рода. По наблюдениям Сводеша, который много работал с языками американских индейцев, есть такая лексика, которая в родственных языках сохраняется очень хорошо. Например, когда

первые европейцы попали в Индию, они заметили, что санскрит очень похож на европейские языки, особенно, древние, вроде латыни и древнегреческого. Это стало понятно не по названиям еды или одежды, а по числительным, местоимениям, названиям частей тела и т.д. Такие слова сохраняются очень долго, зачастую тысячелетиями. Сводеш попытался эмпирически отобрать базисную лексику для подобного списка. Затем он предположил, что лексемы из этого списка изменяются со временем в более или менее одинаковом темпе, поэтому можно вычислить коэффициент сохраняемости. На самом деле, это предположение сильно критиковалось, но все-таки базисная лексика не может изменяться чересчур быстро, иначе сменяющиеся поколения не поймут друг друга. Из истории языков известно, что так не происходит. С другой стороны, базисная лексика не может не изменяться вовсе, потому что языки все же меняются, постепенно перестают быть похожими друг на друга, в том числе в плане лексики. Даже в таких важных элементах лексики, как части тела, все равно отмечаются лексические замены.

Еще один тезис Сводеша заключается в том, что коэффициент сохраняемости должен быть одинаков для всех языков мира вне зависимости от генетической принадлежности. Из этого следует, что если мы берем списки базисной лексики двух языков, сравниваем их друг с другом и вычисляем коэффициент совпадения, то тогда при помощи такой же математики, как и в случае с радиоуглеродным методом, можно посчитать, когда эти языки отделились от общего предка, то есть, когда распался общий для них праязык.

Теперь рассмотрим подробнее, что такое базисная лексика. Как было сказано ранее, базисная лексика противопоставлена культурной по двум основным принципам: во-первых, базисная лексика редко заимствуется, а во-вторых, она не должна зависеть от конкретной культуры, эпохи и географии. Поэтому в список базисной лексики, помимо культурной лексики, нельзя включать лексику, зависящую от географических условий, например, слово *снег*. Ведь очень много народов живут в условиях, где снега никогда не бывает. Однако даже наиболее часто используемый стословный список, составленный Сводешем, все равно не избежал некоторых неуниверсальных вещей. Как отмечают С.А. Бурлак и С.А. Старостин, в список базисной лексики было включено слово *рог*, исходя из того, что рогатые животные (коровы, носороги) известны всем. Но, как оказалось, на некоторых островах Полинезии первоначально не было рогатых животных,

а появились они там, когда туда пришли европейцы. Соответственно, носители этих языков не знали слова *рог* до прихода европейцев.

В состав базисной лексики не входят термины родства, потому что системы родства в разных языках могут очень серьезно отличаться друг от друга по принципам номинации. Например, в русском языке есть слова *брат* и *сестра*, а есть языки, в которых нет слова *брат*, но есть отдельные слова, которое обозначают старшего и младшего брата, аналогичным образом с сестрой. Подобную систему будет крайне проблематично соотнести с русской.

Перейдем к вопросу о составе стословного списка базисной лексики, который создал Сводеш, часто называемого просто «списком Сводеша». Изначально исследователь составил более пространственный список из 207 слов и в дальнейшем планировал его расширить, исходя из того, что чем больше слов мы сравниваем, тем точнее работает статистика. Теоретически это верно, но потом оказалось, что на практике с такими громоздкими списками работать крайне тяжело. По этой причине он пошел ровно в обратную сторону и сократил список до ста слов, что серьезно огрубляет подсчеты, но зато ускоряет скорость работы лингвиста с такими списками. Одна из сложностей – выбор слов, включаемых в список базисной лексики, поскольку люди живут в очень разнообразных условиях.

Рассмотрим это подробнее: в стословном списке много частей тела (*голова, грудь, живот, рука, нога, глаз, нос, ухо, волосы, кожа, кровь, кость, сердце, печень* и т.д.) как раз по той причине, что люди все же, в отличие от географии, одинаковы: у нас у всех две ноги, две руки, два уха и т.д. Далее видим местоимения (*я, ты, мы, этот, тот*). Здесь все не так просто, потому что есть языки, с двучленным противопоставлением указательных местоимений (*этот* и *тот*), а есть с трехчастным и еще более сложным. То же касается и личных местоимений. Есть языки, которые различают местоимение *мы*, включающее собеседника, и *мы*, не включающее его.

Животных в списке мало (*птица, собака, рыба, вошь*), исходя из того, что они живут в очень разных условиях. Казалось бы, *рыба* – это универсальное слово, но люди, которые живут в пустынях, могут рыбы в естественных условиях никогда и не видеть. Еще одно животное, которое Сводеш счел достаточно универсальным, чтобы включить в этот список, – это *вошь*. Действительно, сто лет назад вши были повсеместно распространены, и это слово очень устойчиво во многих языках, включая славянские: праславянское слово **въшь* очень хорошо сохранилось в славянских языках.

Как Сводеш подсчитал коэффициент сохранности? Он взял случаи, когда нам известен древний язык и какой-нибудь его потомок, и попытался вычислить степень сохранности, сравнивая соответствующие слова. Ученый привёл классические примеры: египетский, латынь, китайский, германские языки, греческий. Однако какие-то языки изменяются чуть быстрее, другие – медленнее. Тем не менее, хотя есть разброс, они укладываются в определенный интервал. Нет таких случаев, когда один язык вообще не изменился за тысячу лет, а другой поменялся на все сто процентов. Так, языки изменяются если не с единой скоростью, то хотя бы с сопоставимой. Далее Сводеш вычислил средний коэффициент на основании этих данных и ввел его в формулу. Соответственно, вычисляя время распада праязыка по этой формуле, необходимо закладывать в нее доверительный интервал. Сводеш же этого не сделал, что создало мнимую точность глоттохронологии.

Этот момент методологии Сводеша, разумеется, критиковали. Спустя несколько лет после публикации статьи Сводеша вышла важная статья Бергсланда и Фогта, где исследователи на материале разных языков, таких как скандинавские, армянский и эскимосские, тоже пытались вычислить коэффициент сохранности лексики. В случае германских языков у них местами получились довольно абсурдные данные: например, что современный исландский от древнескандинавского отделяет сто с лишним лет по двухсотсловному списку и всего 63 года по стословному. Конечно, это невозможно, и из истории известно, что это было не так. Эта статья во многом нанесла такой серьезный удар по репутации лексикостатистики, что на какое-то время об этом методе забыли. Многие лингвисты посчитали, что эта статья полностью уничтожает методологию Сводеша.

Однако в России в работах С.А. Старостина лексикостатистика получила вторую жизнь. Сергей Анатольевич учел все замечания и, понимая многие недостатки методологии Сводеша, в своих статьях предложил усовершенствовать этот метод. В первую очередь, он указал на то, что определенные искажения в подсчеты могут вносить заимствования. Действительно, заимствования – это тот случай, когда лексика естественным образом заменяется в связи с каким-то внешним контактом, поэтому учет заимствований как несовпадений при сравнении двух списков базисной лексики вносит некоторые искажения. Некоторые языки заимствуют больше базисной лексики, некоторые меньше – это зависит от интенсивности контактирования с другими языками. Старостин предложил исключать такие случаи из подсчета. Во-вторых, он улучшил саму математическую формулу расхождения

языков. И в-третьих, он пересчитал коэффициент сохранности по более качественно отобранным спискам и результат у него получился иным, чем у Сводеша. В этом случае скандинавские языки не представляли такой большой проблемы, как это было показано в статье Бергсланда и Фогта. Если между двумя списками совпадает 95 процентов, то у Сводеша эти языки разошлись 100 лет назад, но по формуле Старостина их будет отделять уже 700 лет, а это существенная разница. Если совпадает 90 процентов, то у Сводеша их разделяет 250 лет, а у Старостина уже 1000.

Теперь посмотрим, как лексикостатистику применяли к славянским языкам. После того, как появилась лексикостатистика, два чешских ученых Мирек Чейка и Арношт Лампрехт написали статью «К вопросу о возникновении и дифференциации славянских языков», где они попытались применить метод лексикостатистики к славянским языкам. Спустя девять лет Чейка уже самостоятельно написал еще одну статью, где попытался снова вернуться к этому материалу. Чешские ученые пришли к выводу, что в разных славянских языках совпадает от 70 до 95 процентов базисной лексики. Получилось, что наименее родственные языки – это те языки, которые относятся к разным группам, к разным ветвям, как, например, украинский и словенский или нижнелужицкий и болгарский и т.д. Самыми близкородственными оказались нижнелужицкий и верхнелужицкий, чешский и словацкий, украинский и белорусский, словацкий и верхнелужицкий.

Однако нужно понимать, что распад праязыка происходит не одномоментно. Когда нам говорят, что праславянский язык распался в такую-то эпоху, – это очень грубое приближение. Праславяне начали расселяться, постепенно утрачивая между собой контакты, вследствие чего между диалектами разных племен стали накапливаться расхождения, изменения. Тем не менее, взаимопонимание между ними сохранялось очень долго, и между многими оно в какой-то степени до сих пор сохраняется. Если вы знаете русский язык, то несколько слов, как минимум, в чешском, польском, словенском или любом другом славянском языке, вы узнаете. Проблема заключается в том, что невозможно сказать точно, в какой момент люди перестали друг друга понимать.

Не существует четкой датировки, когда существовал древнерусский язык, когда старорусский, а когда современный русский, – это все условности, которые в первую очередь должны помогать исследователю работать. Соответственно, пытаясь выделить такие периоды и сказать, когда распался праславянский язык, мы проводим

условные границы, потому что иначе нельзя. Конечно, возможно представить себе эти самые периоды как плавный континуум, но с ним будет крайне сложно работать, хотя в реальности это действительно был континуум без границ.

Распад произошел ступенчато в том плане, что праславянский распался сначала на несколько диалектов. Часто это представляют так, что он распался на восточную ветвь, западную и южную, но это было не так. Но все же попробуем представить себе, что праславянский сразу распался на три группы. Допустим, что какое-то время единство сохранялось в рамках каждой из этих групп. В случае с восточнославянскими языками это так и есть: восточные славяне выделились из праславянского континуума, и долгое время сохраняли древнерусское единство, которое потом распалось на то, что сейчас называется русским, украинским и белорусским языками. Если мы сейчас будем рисовать, то у нас получается, что сначала был праславянский, потом он распался на эти три ветви, а потом каждая ветвь еще распалась дополнительно.

Итак, что получил Чейка, когда свел все данные? Он получил следующую схему распада праславянского единства: по его данным, до VIII века было единство, потом в IX–X вв. произошло разделение между восточной и южной группами, при этом между восточной и западной, а также южной и западной сохранялось некоторое единство. Потом южная группа отделяется от западной. Происходит разделение на три группы, словенский из западной переходит в южную, но это отдельный вопрос о генетической принадлежности словенского. Потом снова происходит дробное разделение: в западной группе выделяется польский язык, южная делится на восточные (будущие болгарский и македонский) и западные, (будущий сербохорватский и словенский), и далее в XV–XVI вв. происходит деление, еще более близкое к современному состоянию.

Следующие работы, которые мы рассмотрим, тоже принадлежат чешским ученым, но уже более современным – Вацлаву Блажеку и Петре Новотной. В целом, Блажек пользуется методологией Старостина, но есть некоторые расхождения. Московская школа компаративистики, основанная Старостиным, очень строго относится к подбору синонимов. Блажек же не обращает на это особого внимания. По его схеме, распад праславянского языка произошел приблизительно в VI веке, первыми отделились восточнославянские языки, а западные и южные еще некоторое время сохраняли единство, после чего тоже распались. Позже южные разделились на западные и восточные, и еще более сложное деление представлено в рамках западнославянских языков.

Стоит отметить, что дело Старостина продолжает проект «Глобальная лексикостатистическая база данных», где собираются списки базисной лексики многих языков, в том числе, славянских. Проект отличается специфическим подходом к подбору синонимов, который почти исключает случаи, когда какому-то слову в одном языке соответствуют два или больше в другом, и позволяет отобрать из двух частичных синонимов тот, который нужен. На сайте Глобальной лексикостатистической базы данных можно подробнее прочитать о принципах такого отбора.

Следующая небезызвестная статья по лексикостатистике была опубликована в знаменитом журнале «Nature» и не могла не вызвать резонанс. Авторы Грей и Аткинсон представили общую схему индоевропейских языков, в которой восточнославянские языки оказываются подгруппой западнославянских. Связано это с низким качеством списков, которые использовали исследователи.

Позже была опубликована опровергающая статья, написанная А.В. Дыбо и А.С. Касьяном в соавторстве с генетиками. В их работе были использованы списки, отобранные согласно принципам проекта «Глобальная лексикостатистическая база данных», причем не только на основе литературных языков. Это важно, поскольку кодификация, введение нормы замедляют изменения языка, и инновации не осуществляются с такой скоростью, с какой они приходят в диалекты, поэтому логично ориентироваться преимущественно на них.

Нельзя не упомянуть, что не так давно мы с М.Е. Васильевым опубликовали статью, где на основе 25 диалектных списков славянских языков попытались усовершенствовать методологию лексикостатистики и попутно составить генеалогическое древо славянских языков. К сожалению, процесс наполнения Глобальной лексикостатистической базы данных славянскими списками далек от завершения. Нам удалось использовать множество словенских и сербохорватских списков, но мало восточнославянских: всего два русских, два белорусских, один украинский. В дальнейшем, если удастся пополнить базу, будет возможность получить более точные данные.

В итоге получилось древо, которое предоставило в наше распоряжение программа Starling, написанная Старостиним еще в 90-х годах. Она объединяет списки по принципу ближайших соседей и дает попарное сопоставление, как и в таблице Чейки и Лампрехта. Далее она сводит наиболее родственные языки в строго бинарное древо, которое в любом узле делится на две части и в очень редких случаях на три.

Конечно, мы понимаем, что это условность, и языки не могут делиться строго бинарно. Это артефакт нашей методологии.

В статье мы предложили серьезные улучшения этого момента. Мы не пытались датировать распад праславянского языка, так как лексикостатистику лучше применять именно для построения генеалогических деревьев. Мы пришли к выводу, что праславянский язык распался не на три ветви, а на пять. Первое разделение дает болгаро-македонскую группу, восточнославянскую, словенско-сербохорватскую, чешско-словацкую и лехитскую. Поскольку данные предварительные, возможно, если списков станет больше, то эти узлы все-таки укрупнятся. Тем не менее, такое древо тоже имеет право на жизнь, поскольку далеко не все ученые согласны, что западнославянские языки и южнославянские языки – это генетическая общность, то есть что был празападнославянский и праюжнославянский языки. Это вопрос очень спорный.

Литература

Adams, D., Mallory, J. The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and Indo-European World. Oxford: Oxford University Press, 2006. Pp. 92–103.

Swadesh M. Lexicostatistical dating of prehistoric ethnic contacts // Proceedings of the American Philosophical Society. Vol. 96. 1952. Pp. 452–463. Русский перевод: *Сводеш М.* Лексикостатистическое датирование доисторических этнических контактов // Новое в Лингвистике. Вып. 1. 1960. С. 23–52.

Swadesh M. Towards greater accuracy in lexicostatistic dating // International Journal of American Linguistics. 21. Pp. 121–137. Русский перевод: *Сводеш М.* К вопросу о повышении точности в лексикостатистическом датировании // Новое в лингвистике. Вып. 1. 1960. С. 53–87.

Gudschinsky S. The ABCs of lexicostatistics (glottochronology) // Word, vol. 12, 1956, pp. 612-623.

Бурлак С.А., Старостин С.А. Сравнительно-историческое языкознание. М.: Academia, 2005. 432 с.

Bergsland K., Vogt H. On the validity of glottochronology // Current anthropology. Vol. 3. No 2. 1962. Pp. 115–153.

Čejka M., Lamprecht A. K otázce vzniku a diferenciaci slovanských jazyků // Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university. 1963. A11. S. 1–20.

Čejka M. Lexicostatistic Dating and Slavonic Languages // Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university. 1972. A20. S. 39–52.

Novotná P., Blažek V. Glottochronologie a její aplikace pro slovanské jazyky // Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university. A53. 2005. S. 51–81.

Blažek V. Klasifikace slovanských jazyků. [CzechEncy - Nový encyklopedický slovník češtiny. URL: <https://www.czechency.org/slovník/KLASIFIKACESLOVANSKÝCHJAZYKŮ>

Gray R., Atkinson Q. Language tree divergence times support the Anatolian theory of Indo-European origin // Nature. 2003. 426. Pp. 435–439.

Kushniareich A. et al. Genetic Heritage of the Balto-Slavic Speaking Populations. A Synthesis of Autosomal, Mitochondrial and Y-Chromosomal Data [Plos ONE 10(9): e0135820] URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0135820>

Васильев М.Е., Саенко М.Н. Анализ топологии и оценка точности лексикостатистических классификаций (на примере славянских языков) // Вопросы языкового родства. № 18, 3–4. 2020. С. 130–157.

Задания

1. Составьте список из 10 слов, которые, по вашему мнению, должны входить в базисную лексику. Обоснуйте свой выбор.

2. Назовите 10 слов, которые могут оказаться неуниверсальными для народов, живущих в определённых географических условиях (например, в пустынях или в тундре).

3. Почему строго бинарное деление языков на генеалогическом древе, получаемом в программе Starling, – условность?

4. Назовите ряд других слов, кроме *колесо* и *железо*, наличие которых в языке помогло бы соотнести его с той или иной археологической культурой.

Славянские языки в контексте балканского, центральноевропейского и других языковых союзов

Интерпретация отношений славянских и неславянских языков Центральной Европы с позиций теории языковых союзов имеет давнюю историю. Само это понятие базируется на дефиниции, которую дал в статье «Вавилонская башня и смешение языков» Н.С. Трубецкой: «Случается, что несколько языков одной и той же географической и культурно-исторической области обнаруживают черты специального сходства, несмотря на то, что сходство это не обусловлено общим происхождением, а только продолжительным соседством и параллельным развитием». В качестве примера он указал на языки балканского региона (болгарский, румынский, албанский и новогреческий – македонский и арумынский языки в период написания статьи еще не выделялись): «принадлежат к совершенно разным ветвям индоевропейской семьи, они, тем не менее, объединяются друг с другом целым рядом общих черт и детальных совпадений в области грамматического строения» [Трубецкой 1923: 116]. Последующее изучение в данном аспекте названных и смежных с ними языков, прежде всего сербохорватского, который по ряду явлений объединяется с основными, так называемыми «ядерными» балканскими, позволило выявить следующие

ВАЖНЕЙШИЕ ПРИЗНАКИ БАЛКАНСКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЮЗА (далее БЯС):

- **фонетический (фонологический)** признак: гласный среднего ряда и среднего подъема, отображаемый в литературном болгарском языке графемой *ъ*, в румынском *ă*, в албанском *ê*;
- **морфологические и синтаксические признаки:**
 - 1) тенденция к сокращению количества падежей у имен (до двух в румынском, трех в новогреческом, четырех в албанском) до полного исчезновения падежной системы в болгарском и македонском; замена падежных форм предложными конструкциями;

2) развитие постпозитивного (в новогреческом препозитивного) определенного артикля из указательных местоимений: болг. *градът*, макед. *градом*, рум. *orașul*, алб. *qyteti*, новогреч. *η πόλη* ‘the town’;

3) сохранение системы семантически противопоставленных синтетических и аналитических форм прошедшего времени глаголов в «ядерных» балканских языках;

4) развитие аналитических форм будущего времени из конструкций с изменяемым вспомогательным глаголом или неизменяемым элементом, восходящим к глаголу ‘хотеть’: болг. *ще пиша*, *-еш...*, макед. *ќе пишам*, *-еш...* ≈ новогреч. *θα γράψω*, *-εις...*, алб. *do të shkruaj*, *-ash...* – но рум. *voi*, *vei*, *va scrie*, как в с.-х. *pisa(ti)ću*, *-ćeš...* ‘я буду, ты будешь... + писать’;

5) тенденция к замене инфинитива так наз. конъюнктивом с разными побудительными частицами при личных формах глагола: болг. *трябва да пиша* ≈ рум. *trebuie să scriu*, новогреч. *πρέπει να γράψω*, алб. *më duhet të shkruaj* ‘я должен писать’;

6) возникновение у глаголов грамматической категории пересказывательного – или несвидетельского – наклонения / презумптива / адмиратива;

7) так называемая местоименная реприза дополнения: макед. *ja* (= еѐ) *видов / имам видено таа девојка* ~ алб. *e pashë atë vajzë*, рум. *am văzut-o pe fata aceea*, новогреч. *to έχω δει αυτό το κορίτσι* ‘я видел эту девушку’ и др.

Черта 4) проявляется также в сербохорватском и румынском (однако арумынскому присуща «ядерная» балканская модель). Черта 5) имеет общеюжнославянский охват.

Задание 1. Определите языки и укажите, какие признаки БЯС проявляются в этих текстах.

Тексты для анализа

Пчелата на капата

Еднаш во едно село се украде улиштата. Стопанот на улиштата се чудел како да ги најде. Еден од селаните му рекал: “Јас ќе ти ги најдем!” Се собрале сите селани и овој викнал: “Ееее! Сега кој ќе каже кој ги украде улиштата? Јас го знам, туку нека си каже сам. Ено го на (и кажувa со раката)

Пчела на капи

Једном су у неком селу украдене кошинице. Власник кошиница се забринуо како да их нађе. Један од сељака му рече: “Ја ћу ти их наћи!” Скупили су се сви сељани, а овај им је повикао: “Е, сада нека каже ко је украо кошинице! Ја га знам, па зато нека се сам јави. Ено га, онај је (и показа руком)

што му стои пчелата на капата!" што му стоји пчела на капи!"
Еден од селаните ја кренал раката Један од селяка махну руком да ја
божем да ја истена и го фатиле. отера и тако се одаде.

ЦЕНТРАЛНОЕВРОПЕЙСКИЈ ЈАЗЫКОВОЈ СОЮЗ

Это понятие под таким его наименованием (далее ЦЕЯС), по всей видимости, было впервые введено только в работе [Skála 1991/92]. Круг вовлеченных в него языков на сей день максимально широко очерчен в наиболее обстоятельном его исследовании [Kurzová 1996]: из неславянских сюда входят индоевропейский немецкий и финно-угорский венгерский языки, из славянских же, с точки зрения автора, прежде всего чешский и словацкий, относящиеся к ядру данного союза, и периферийные для него словенский и польский (последний, вероятно, фигурирует в списке как репрезентант всей северо-западной подгруппы славянских языков, включающей также серболужицкий и западнолехитские кашубский и мертвый полабский). Как занимающие переходное положение между ЦЕЯС и БЯС названная исследовательница рассматривает хорватский и сербский языки. Далее мы увидим, что выдвинутый ею тезис о потенциальной открытости границ языкового ареала позволяет сблизить с ЦЕЯС на основе подобной же «переходности» (от восточнославянского типа) также по крайней мере западную часть украинского континуума.

Перечислим основные признаки ЦЕЯС, которые выделяют в качестве «союзообразующих» Г. Курцова и другие ученые, с дополнениями и комментариями о характере возникающих в связи с ними изоглосс. Ограничимся на данном этапе лишь явлениями, относящимися к двум языковым уровням.

Фонологические и акцентологические признаки:

1) Фиксированное динамическое ударение, на первом слоге слова или такта в ядерной зоне ЦЕЯС (в немецком языке – за исключением префиксальных образований с безударными, так наз. «неотделяемыми», приставками), из славянских языков, помимо чешского и словацкого, также в серболужицком, а до XV в. и в польском континууме (удерживается поныне в «гуральских» говорах Подгалья и в южной части кашубской области, тогда как в севернокашубских говорах сохраняются остатки свободного/подвижного динамического ударения).

Этот тип, как и парокситонический (ударение на предпоследнем слоге), который утвердился в течение XV в. в польском и распространился на северноморавский и восточнословацкий ареалы,

отчетливо противопоставлен свободному ударению в восточно-славянских и южнославянских языках (кроме македонского), какое в сербско-хорватско-словенском языковом пространстве сохраняет также политонический характер.

2) Наличие оппозиции гласных по долготе / краткости – черта, по которой ЦЕЯС открыт на запад; со славянской стороны ныне в целом характерна для чешского, словацкого, словенского, хорватского и сербского языков, в прошлом также для серболужицкого и польского с кашубским (до второй половины XV в.; более позднее сохранение долгот в кашубском спорно), а по крайней мере до периода утраты редуцированных и развития так называемой заместительной долготы (XI–XII вв.) и для «переходного» к ЦЕЯС юго-западного – украинского – ареала восточнославянского языкового пространства.

3) Типологически связанные с предыдущей чертой отсутствие, как в немецком, или ограниченность противопоставления согласных по твердости / мягкости, как в венгерском, чешском, словацком языках и в сербско-хорватско-словенском пространстве, причем немногие парные мягкие здесь отличаются от твердых местом образования (будучи не палатализованными, а средненебными, или палатальными). Северо-западные славянские языки, как и все восточнославянские (и восточная часть болгарского континуума), напротив, исторически относятся к «палатализирующим» [Якобсон 1985: 100], но и в этих ареалах, прежде всего в периферийных по отношению к ЦЕЯС или переходных от него зонах, ряд пар согласных, коррелирующих по твердости / мягкости, сужали процессы непозиционного отвердения согласных и в особенности так называемая ассибиляция. Не вызывает сомнений связь изменения $r' > r^{z/s}$ в чешской, польской (с последующей утратой дрожащего элемента) и серболужицкой области (здесь только после глухих взрывных, причем в нижнелужицком ареале этот процесс захватил и твердый r , ср. *pšěza* ‘пряжа’ и *pšawda* ‘правда’); аналогично представляются связанными древнечешская ассибиляция в случаях типа *dzycze* ‘дитя’, которая сохраняется в северноморавском, а также в западно- и восточнословацком ареалах, польская в *dziecię* (с заменой шипящих свистящими в кашубском, ср. *dzecuszko*), серболужицкая в в.-луж. *dźěco* (и с заменой аффрикат фрикативными в н.-луж. *žise*) и, далее, белорусская в *dziuĭ*. С учетом всех таких процессов, видимо, следует констатировать, что граница пространства, занимаемого языками, не знающими фонологической оппозиции согласных по твердости / мягкости или так или иначе «дефонологизирующими» ее, если рассматривать эту изоглоссу как центральноевропейскую, но открытую

на запад, на востоке может быть в строгом смысле проведена приблизительно по границе распространения русского языка.

Морфосинтаксические признаки:

4) Наличие системы падежей у имен – черта, по которой ЦЕЯС со стороны славянских языков открыт на восток, но отграничен от ядерных балканославянских языков (болгарского и македонского), со стороны же немецкого языка обособлен от западноевропейского типа. По мысли Г. Курцовой, если не учитывать участие немецкого языка в ЦЕЯС, трудно объяснить сохранение в нем падежного словоизменения [Kurzová 1996: 58]. При этом наблюдается поразительный параллелизм немецкой и венгерской систем из трех «синтаксических» падежей (номинатив – аккузатив – датив) при остаточном генитиве в немецком и 15 лексикализованных адвербиальных падежах в венгерском.

5) Наличие препозитивного определенного артикля, восходящего к указательному местоимению (нем. *der*, венг. *a / az*), а в относящихся к ЦЕЯС славянских языках, как ядерных, так и периферийных, тенденция к артиклизированному употреблению препозитивного указательного местоимения с корнем *t-*, в некоторых контекстах приближающемуся к обязательности (ср. чеш. *Vstupenky, i ty nejdražší, jdou dobře na odbyt*, польск. *Bilety, nawet te najdroższe, idą dobrze*, словен. *Vstopnice, celo te najdražje, gredo dobro v prodajo* ~ нем. *Die Eintrittskarten, selbst die teuersten, gehen gut weg* ‘Билеты, даже самые дорогие, хорошо расходятся’). По этой черте ЦЕЯС открыт на запад, со стороны же славянских языков резко отделен от ядерных балканских с постпозитивным артиклем и нерезко – от безартиклевых восточнославянских, допускающих, однако, употребление указательного местоимения в некоторых вторичных функциях.

6) Развитие аналитических форм будущего времени, образуемых при помощи вспомогательного глагола с первоначальным значением становления (нем. *werden*, венг. *fogni*; аналогичное «ингрессивное» значение Г. Курцова реконструирует для славянских форм с основой **bǫd-*) в сочетании с инфинитивом или – в польском (параллельно с инфинитивным типом) и в словенском языках – с *l*-причастием смыслового глагола. По этой черте ЦЕЯС со стороны славянских языков открыт на восток, но отделен от балканского ареала, который характеризуют формы будущего времени с элементом, восходящим к глаголу ‘хотеть’ (в сербско-хорватском пространстве сосуществуют функционально дифференцированные формы балканского и центральноевропейского типа), а со стороны немецкого отграничен от

западноевропейских языков, в которых аналитические формы будущего времени опираются на другие конструкции.

7) Отсутствие смысловой оппозиции синтетических и аналитических форм прошедшего времени (в немецком, а из славянских в серболужицком языке и в сербско-хорватском пространстве, где те и другие формы дифференцированы стилистически) или вообще наличие только одного типа претеритных форм, в славянских языках возникших на базе перфекта. Также по этой черте ЦЕЯС со стороны славянских языков открыт на восток, но отграничен от балканских, а со стороны немецкого – от западноевропейских языков с регулярным в том и другом ареале грамматическим противопоставлением синтетических и аналитических форм прошедшего времени.

8) Проникновение в первоначально инфинитивные конструкции отглагольных существительных, в том числе с предлогами, и обратные проявления смешения таких существительных с инфинитивом (нем. *etwas zu trinken* → диал. *zum Trinken*, чеш. *něco k pití*, польск. *coś do picia*, словац. *niečo na pitie*, словен. разг. с инфинитивом *nekaj za pit(i)* ‘что-нибудь попить’, венг. *szereitek énekelni* ‘люблю петь’ → *szereitem az énekelést*, букв. ‘люблю пение’). По этой черте ЦЕЯС вновь оказывается открыт на запад (фр. *quelque chose à boire* ‘что-нибудь попить’ и др.), а со славянской стороны нерезко обособлен от восточнославянских языков, в которых часто использование инфинитива (впрочем, допускающего субстантивацию, ср. рус. разг. *зарплаты хватает только на поест*). Одновременно с учетом альтернативной тенденции центральноевропейских языков к «развертыванию» инфинитивных конструкций в придаточные предложения с личными формами глагола (нем. *zwingen jemanden zu kommen* ‘заставить кого-либо прийти’ → *dass er kommt* ‘чтобы он пришел’, аналогично чеш. *donutit někoho přijít* → *aby přišel* и т. д.) следует заключить, что ЦЕЯС в этом отношении нерезко отделен также от славянских языков балканского ареала – даже ядерных, утративших инфинитив с заменой его конструкцией так наз. конъюнктива с компонентом *da*, соотносительной с придаточными предложениями цели в западнославянских языках (болг. *принудя някой да дойде* и т. п.).

9) Распространение в сфере выражения посессивных отношений конструкций:

а) с дативом при глаголе ‘быть’, как и в атрибутивном употреблении (в венгерском языке вслед за славянскими, не только входящими в ЦЕЯС, и в меньшей степени в немецком, при поразительно

точном параллелизме венг. *az apának a háza* ~ нем. диал. *dem Vater sein Haus* ‘дом отца’, букв. ‘отцу его дом’);

б) прямообъектных с глаголом ‘иметь’ в немецком языке, подобно всем западноевропейским, и почти во всех славянских языках, кроме русского (в украинском и белорусском – наряду с русского типа конструкцией ‘у кого-либо есть’).

Специфика развития в рамках ЦЕЯС заключается, во-первых, в переходе вовлеченных в него славянских языков от старых посессивных конструкций с глаголом ‘быть’ и именем в дативе к конструкциям с глаголом ‘иметь’ в том числе там, где последние не имели прямой опоры в немецком языке (ср. чеш. *je mi / mám padesát let* ‘мне пятьдесят лет’ и др.); во-вторых, в аналогичном переходе от первого ко второму типу в инфинитивных конструкциях с модальным значением долженствования, каким в немецком языке отвечают конструкции с глаголом *sollen*, но не *haben* (ср. чеш. *potok, jež tu jest přeskakovati* (К. Сареk) ‘ручей, через который он должен перепрыгнуть’ / *má přeskakovat* и т. д.); в-третьих, в становлении новых глагольных форм результата на базе конструкций глагола ‘иметь’ со страдательным причастием, сопоставимых с немецким перфектом (чеш. *mám zameteno*, польск. *mam zamieciono*, словен. *imam pometeno* ‘я подмёл / подмела’ или ‘у меня подметено’ ~ нем. *ich habe ausgekehrt* ‘я подмёл / подмела’). Периферийно в славянских языках, входящих в ЦЕЯС, последняя контактная черта может проявляться и в предельно германизованном виде (ср. в чешском изолированный пример *Mám to s ním včera již vyjednáno* (J. Našek) ‘Я с ним вчера об этом уже договорился’ и кашубский перфект *jô móm ju wiele widzóné* ‘я уже многое видел’ ~ нем. *ich habe schon viel gesehen*); с другой стороны, эта изоглосса захватывает западную часть украинского языкового массива в зоне его контакта с западнославянским (ср. из русинского языка в Словакии: *чим вещей мать автор „оджыте“* ‘... ‘чем больше автор прожил / автором прожито...’). Следует добавить, что эти конструкции, характерные для славянской части ЦЕЯС, находят типологическую параллель в балканославянских формах результата типа макед. *имам видено* ‘я видел’, *имам дојдено* ‘я пришёл’, имеющих соответствия и в неславянских языках балканского региона, о чем чешский лингвист Б. Гавранек писал: «в македонских диалектах налицо <...> просто романский перфект, распространенный также в албанском и новогреческом» [Наврáneк 1937: 77]. Можно сказать, что здесь имеет место тот случай, когда «языковые союзы подают друг другу руки».

10) Из собственно синтаксических особенностей ЦЕЯС следует отметить тенденции:

а) к выражению предикации личными глагольными формами (что, впрочем, присуще и западноевропейским, а также балканским языкам, тогда как в венгерском и в северо-западных славянских языках эта черта проявляется слабее, ср. предложения типа *Time is money* ‘Время – деньги’ ~ нем. *Zeit ist Geld*, чеш. *Čas jsou peníze*, хорв. *Vrijeme je novac*, болг. *Времето е напу*, но венг. *Az idő pénz*, польск. *Czas to pieniądz* и мн. др.);

б) к заполнению позиций объектных актантов предиката местоимениями, ср. нем. *Das sagt so niemand*, венг. *Ezt így nem mondja senki*, чеш. *Nikdo to tak neřekne* – но польск. *Nikt tak nie powie* ‘Так никто не скажет’ (характерно, что носителям ядерных центральноевропейских языков «недостает» местоимения как в англ. *Can you tell me?* в соотнесении с нем. *Kannst du mir das sagen?* или чеш. *Můžeš mi to říct?* ‘Ты можешь мне (это) сказать?’, так тем более в рус. *Кто взял стул? Просьба вернуть на место!* в соотнесении с нем. *Wer hat den Stuhl genommen? Bringen Sie ihn bitte zurück!* или чеш. *Kdo si odnesl židli? Vraťte ji prosím zpátky!*);

в) к прономинальному заполнению позиции субъекта в предложениях так наз. типа *es-Sätze*: нем. *Es zog mich nach Hause*, чеш. *Táhlo mě to domů* – но польск. *Ciągnęło mnie do domu*, рус. *Меня тнало домой*.

Задание 2. Определите языки и укажите, какие признаки ЦЕЯС проявляются в этих текстах.

Тексты для анализа	
<p><i>W Janšojcach su byli pjerwjej styri kališća... To jedno su pon zasypali. Tam jo ta gmejna natwarila gmejnsku špu za te chude luže. Tam jo była jedna familija. Tej nještej mělej žedne žiši a žeden dom. Tej stej te grunty dalej tej gmejnje, a pon jo za to ta gmejna špu natwarila, a tej stej do teje smjerći tam bydliłej. Potom jo było srjež jsy hyšći jedno kališćo... A při tom wjelikem kališću, což něnt hyšći jo, tam jo była droga mjazy. A na tej</i></p>	<p><i>In Jänschwalde gab es früher vier Teiche... Den einen davon hat man später zugeschüttet. Dort hat die Gemeinde ein Haus für die Armen bauen lassen. Da wohnten Leute, die keine Kinder und kein Haus hatten. Sie gaben der Gemeinde ihren Grund und Boden, dafür hat diese das Haus gebaut; die beiden haben dort bis zu ihrem Tode gelebt. Dann war in der Mitte des Dorfes noch ein Teich... Und bei dem großem Teich, der jetzt noch da</i></p>

<i>kališćowej droze su sykaŕnju twarili.</i>	<i>ist, ging ein Weg hindurch. Und auf diesem Teichweg haben sie das Spritzenhaus gebaut.</i>
--	---

ПРОБЛЕМА ВЫДЕЛЕНИЯ «МАЛЫХ» ЯЗЫКОВЫХ СОЮЗОВ ВНУТРИ БОЛЬШИХ

Ряд лингвистов ставит вопрос о вычленении, например, локального польско-белорусско-литовского языкового союза, какой мог сложиться на территории Речи Посполитой Двух Народов. Перечислим его признаки, называемые исследователями, с опорой на работу [Danylenko 2011], автор которой, правда, скептически относится к идее этого союза, как, впрочем, и к концепции ЦЕЯС:

- белорусское (а отчасти и литовское) цеканье-дзеканье;
- экспансия гласной *a*;
- утрата среднего рода;
- наличие уменьшительных образований с суффиксами *-ek*, *-uk*, *-ko* и др.;
- распространение в литовском языке глаголов с приставками, какие в славянских языках образуют глаголы совершенного вида;
- сосуществование конструкций с глаголом ‘иметь’ и конструкций типа ‘кому-л. / у кого-л. есть’;
- расширенное употребление причастий и др.

Задание 3. Какие гипотетические признаки обсуждаемого языкового союза проявляются в этом литовском тексте?

Текст для анализа

Ežiukas rādo pinigą. Tuõ laikù važiāvo prõ šālį põnas. Ežiukas pasižiūrėjo į põną ir sāko:

- *Kā āš turiù, põnas neturi!*
- *Kā gi jaù čià turi? – klāusia põnas.*

Ežiukas parodė pinigą. Põnas supýko ir àtėmė jį. Tadà ežiukas sāko:

- *Kàs sāvò turi, svétimo nèima.*
- *Põnas daĩ labiaũ supýko ir nùmetė pinigą žēmèn. Ežiukas sāko:*
- *Màt, išsigañdo manęs ir nùmetė!*

Põnas pamātė, kàd sù ežiù negālima susikalbėti (нельзя толковаться), ir piktas nuvažiāvo tolyñ.

Литература

Основы балканского языкознания: языки балканского региона / под ред. А. В. Десницкой и др. Ч. 1. Л-д, 1990. Ч. 2. Л-д, 1998.

Трубецкой Н.С. Вавилонская башня и смешение языков // Евразийский временник. Кн. 3. Берлин, 1923. С. 107–124.

Якобсон Р.О. О теории фонологических союзов между языками // Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985. С. 92–104.

Danylenko A. Linguistic and cultural border crossings in the Grand Duchy of Lithuania or, Can the Grand Duchy of Lithuania be defined as a *Sprachareal*? // *Langues baltiques, langues slaves* / éd. par D. Petit et C. Le Feuvre. Paris, 2011. P. 141–173.

Havránek B. Genera verbi v slovanských jazycích II. Praha, 1937.

Kurzová H. Mitteleuropa als Sprachareal // *Germanistica Pragensia* 13. Praha, 1996. S. 57–73.

Skála E. Deutsch und Tschechisch im mitteleuropäischen Sprachbund // *Brücken* (Neue Folge). 1991/92. S. 173–179.

2022 год

Сергей Александрович Борисов

Полевая славистика

С какими областями науки прежде всего ассоциируется работа в полевых условиях? На ум приходят науки о Земле, о растительном и животном мире: география, геология, почвоведение, ботаника, зоология. Однако в поля ездят также те, кто изучает человека и то, что связано с его деятельностью: например, антропологи, этнографы, культурологи и, разумеется, лингвисты. Термин «полевая славистика» в научном обиходе не используется, в данной лекции речь идет о полевой лингвистике, а именно об исследованиях в ареалах, где проживают представители славянских народов. Какие же области лингвистики требуют работы «в поле»? Прежде всего это диалектология, ареальная лингвистика, этнолингвистика, социолингвистика. Остановимся подробнее на последних двух.

Этнолингвистика (от греч. ἔθνος – народ, племя) как направление этнографии возникла в связи с развитием с конца XIX в. изучения языков и культур индейских племен Северной и Центральной Америки. Как лингвистическая дисциплина она сложилась в начале XX в. благодаря исследованиям Ф. Боаса (1858–1942), Э. Сепира (1884–1939), Б. Уорфа (1897–1941). Для них было важно, с помощью каких средств и в какой форме представления народа об окружающем мире и о месте человека в нем находят отражение в языке, а также какие формы и средства общения (в первую очередь, языкового общения) являются специфическими для данной этнической или социальной группы [Кузнецов 2017].

Есть и другой, более широкий, подход к этнолингвистике, характерный для Московской этнолингвистической школы (Н.И. Толстой, С.М. Толстая, В.Н. Топоров и их ученики). Речь идет об исследованиях на стыке лингвистики, фольклористики, антропологии. Н.И. Толстой понимал этнолингвистику как комплексную дисциплину, предметом изучения которой является «план содержания» культуры, народной психологии и мифологии независимо от средств и способов их формального воплощения. Он сформулировал идею о том, что парадигму «язык – диалект – языковые контакты» можно применять и в отношении народной культуры [Толстая 2002: 1–3].

Теперь перейдем к социолингвистике. Социолингвистика (социальная лингвистика) – дисциплина, находящаяся на стыке языкознания, социологии, социальной психологии и этнологии. Это научная дисциплина, изучающая проблемы, связанные с социальной природой языка, его общественными функциями, ролью, которую язык играет в жизни общества, механизмом воздействия социальных факторов на язык [БРЭ 2016].

Представим ситуацию: вы захотели стать социолингвистом и поехать «в поле». Возникает вопрос: как выбрать тему исследования? Как правило, идеи в голову исследователя приходят после изучения существующей литературы по ситуации в регионе, изучения переписей населения, в процессе научного общения с коллегами на конференциях. Так лично мне стало интересно, откуда взялись чехи в странах бывшей Югославии: Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговине. Из литературы я узнал, что к середине XIX в. в Чехии сложилась непростая социально-экономическая ситуация: бедным крестьянам не хватало земли, чтобы прокормить себя, поэтому многие из них откликнулись на призыв представителей австрийского двора и частных землевладельцев отправиться в качестве колонистов в отдаленные части империи. Историческая область Банат, которая сейчас разделена между Сербией, Румынией и Венгрией, была присоединена к Австрийской империи в середине XVIII в., однако вплоть до XIX в. оставалась малозаселенной. Чешских крестьян доставили в южную часть Баната и предоставили им земли на высоком берегу Дуная (на территории современного жудеца Караш-Северин в Румынии). Однако жизнь там оказалась для них непростой. Необходимо было самостоятельно вырубать лес, чтобы построить дом, возникали проблемы с питьевой водой, трудно было добраться до других населенных пунктов. Часть колонистов переселяется на противоположный берег реки Неры, которая сегодня является пограничной между Румынией и Сербией. Так начинается история чешского меньшинства в Сербии. Миграция в Славонию (территория современной Хорватии) происходила также с середины XIX в. Колонистов пригласил сначала частный землевладелец, позже заселение проходило при поддержке властей. В Боснию и Герцеговину чешские крестьяне переезжали не из самой Чехии, а из Российской империи. Речь идет о вторичной миграции из Вольни, где чехам помимо земли вначале была предоставлена значительная культурная и религиозная автономия. Их переселение в Боснию и Герцеговину, где также требовались колонисты, связано с отменой части предоставленных им в России привилегий.

Вернемся к подготовке нашей воображаемой социолингвистической экспедиции. Основная ее цель – описать языковую ситуацию, то есть выяснить, кто и в каких ситуациях общения на данной территории использует язык меньшинства, а также охарактеризовать местный идиом, то есть тот вариант языка, который сформировался в данных уникальных условиях. Для любого разговора нужна тема. О чем же мы обычно говорим с нашими информантами, чтобы было интересно всем участникам беседы? Мы спрашиваем о том, каким образом и почему тот или иной народ переселился в данный регион, уточняем, что об этом рассказывали родители, бабушки и дедушки. Другой обязательный блок вопросов – о том, какими языками владеет и пользуется информант, как он освоил каждый из них. Чаще всего миноритарный язык осваивается в процессе домашнего общения, он может также изучаться в школе. Язык страны, где живут информанты, как правило изучают в школе. Наконец, не стоит забывать об этнолингвистике, с которой мы начали. Даже если в экспедиции не участвуют коллеги этнолингвисты, мы всегда стараемся расспросить информантов о том, как в их семьях отмечали религиозные и семейные праздники, как выглядели различные обряды календарного и семейного цикла, какие приметы и верования бытовали в их сообществе. Хорошей основой для подготовки рабочего вопросника для конкретной экспедиции является книга А.А. Плотниковой «Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала», где помимо общей методологии представлены темы для бесед по народному календарю. Например: как проходила подготовка к Рождеству? Что делал хозяин дома рано утром в Сочельник? Есть и темы для бесед по семейной обрядности (что делали на свадьбу, как крестили ребенка, как хоронили усопшего родственника), мифологии и др. [Плотникова 2009].

В зависимости от целей исследования определяется стратегия проведения интервью. Если нужно установить большое количество конкретных лингвистических фактов, опросив как можно больше информантов (например, при составлении лингвистических атласов), целесообразно строго придерживаться вопросника. С другой стороны, если мы изучаем языковую ситуацию в регионе в целом, то в наших интересах минимизировать эффект присутствия исследователя, чтобы получить естественную, спонтанную речь собеседника на миноритарном языке. В этой связи говорят о теории неинвазивности, или невмешательства: исследователь старается не прерывать информанта, пока тот не исчерпает тему. Случаи, когда собеседник сам комментирует то, что он считает ошибочным в своей речи для нас не менее интересны –

комментарии такого рода мы называем метаязыковой рефлексией и анализируем отдельно.

Следующий вопрос при подготовке к полевой работе: как же найти информантов? Научные организации, в которых работают лингвисты, как правило, сотрудничают с институтами и университетами за рубежом. Поэтому необходимые контакты можно получить через официальный запрос. Однако большую роль играют личные контакты, которые устанавливаются между учеными во время общения, например, на различных конференциях. Так или иначе, необходимо заручиться помощью «проводника», который на месте поможет найти собеседников. Им может выступать руководитель культурного общества, учитель, священник или любое другое лицо, пользующееся уважением членов общины. В странах бывшей Югославии, например, существуют чешские культурные общества – чешские беседы. В них проводятся фольклорные мероприятия, организуются танцевальные, языковые, театральные кружки. Председатели чешских бесед помогали нам во время наших экспедиций.

Заключительный шаг при подготовке к экспедиции – снаряжение. Что мы берем с собой в «поле»? Поле снова в кавычках, и лично мне до сих пор ни разу не пришлось в экспедиции спать под открытым небом, так что палатка и спальный мешок нам скорее всего не понадобятся. Одеваемся по погоде. Совершенно необходимо взять с собой средство записи речи информантов – лучше всего отдельный диктофон, но можно записывать и на смартфон. Помимо записи интервью в экспедиции мы очень много фотографируем и снимаем видеоролики, поэтому стоит позаботиться об отдельном фотоаппарате, либо проверить, хватит ли объема памяти в телефоне и обеспечит ли он достаточное качество материалов. Мы фотографируем многоязычные таблички с названиями улиц и учреждений, снимаем различные выступления (например, любительского театра). По возвращении домой обнаруживается, что память смартфона забита фотографиями надгробных памятников, различных книг и, если очень повезет, рукописных тетрадей. Так, сотруднику Института славяноведения РАН Г.П. Пилипенко во время одной из экспедиций в Аргентину посчастливилось получить дневник переселенца из межвоенной Польши, который владел южновольнским диалектом и описывал бытовые события, происходившие в его семье. Этот дневник был впоследствии переведен на русский язык и опубликован с лингвистическими комментариями [Пилипенко 2021]. Наконец, стоит предусмотреть небольшие сувениры в благодарность

информантам, которые находят время и силы пообщаться с исследователями.

Литература

Социалингвистика // Большая российская энциклопедия. Том 31. М., 2016. С. 10.

Кузнецов А. М. Этнолингвистика // Большая российская энциклопедия. Том 35. М., 2017. С. 492.

Плотникова А. А. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала (Plotnikova A. A. Materijali za etnolingvističko proučavanje balkansko-slovenskog areala / Prevod M. Ilić). М., 2009.

Пилипенко Г. П. Южноволынский диалект украинского языка в Аргентине (Мисьонес): дневник переселенца из межвоенной Польши Кирилла Вознюка. М., 2021.

Толстая С. М. Московская школа этнолингвистики // Opera Slavica. 2002. XII (2). С. 1–9.

Задания для самостоятельной и групповой работы

Задание 1. Изучаем историю миграций одного из славянских народов

Какой из славянских языков интересен вам больше других? Проследите историю переселений его носителей.

1. Начать можно с простого поиска в интернете. Например, попробуйте запрос «поляки в мире» или «польская диаспора».

2. Отметьте на карте (бумажной или онлайн) ареалы проживания потомков переселенцев: страны, конкретные регионы и города.

3. Найдите научные источники об истории миграций данного народа в каждый из регионов, отметьте случаи вторичных миграций, постройте схемы переселений.

4. Используя научную литературу и данные переписей населения, выясните актуальное состояние меньшинств:

4.1. какова численность меньшинства в конкретной стране, в каких регионах его представители проживают компактно;

4.2. сколько человек считают язык данного меньшинства своим родным.

4.3. при наличии сведений, проанализируйте динамику изменения численности представителей меньшинства и носителей миноритарного языка с течением времени. Отметьте периоды наибольшей численности населения и носителей языка, периоды ее роста и спада.

Задание 2. Составляем социолингвистический опросник

1. Изучите работу А.А. Плотниковой «Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала».

2. Составьте вопросы для работы в интересующем вас ареале. Разделите их на тематические блоки (ниже приведены примерные тематические блоки, вы можете выделить свои):

2.1. обрядность календарного цикла (например, «Как ваши родители, дедушки, бабушки отмечали Рождество?»);

2.2. обрядность семейного цикла (например, «Как проходила свадьба? Кто руководил праздником? Какие еще особые роли были у родственников или гостей?»);

2.3. приметы, народная мифология (например, «Как определяли, что пора сеять пшеницу?»);

2.4. сферы использования миноритарного языка (например, «Где и когда вы используете польский язык?», «Какие языки вы знаете и где их выучили?»).

Задание 3. Собираем снаряжение для экспедиции

1. Составьте список вещей, которые вы возьмете с собой, объясняя, зачем каждая вещь нужна. Например, диктофон для записи интервью, фотоаппарат или смартфон с хорошей камерой для фотографий и т.д.

2. Обсудите с коллегами, какие предметы нужно брать для качественного документирования и почему.

Задание 4. Ролевая игра «Исследователь и информант»

Разделитесь на пары: один будет исполнять роль исследователя, другой – информанта (например, представителя чешского меньшинства в Сербии).

1.1. Исследователь задает вопросы, составленные в задании 2, а «информант» отвечает, представляя, что он – чешский переселенец в Сербии.

1.2. После завершения интервью «исследователь» делает краткий отчет о полученной информации.

Лужицкая мозаика: немного о культуре малого славянского народа

Лужичане, также иногда называемые серболужичанами или лужицкими сербами – один из западнославянских народов. В западнославянской группе языков помимо подгрупп лехитской (польский и кашубский) и чешско-словацкой выделяется особая лужицкая подгруппа, к которой относятся два современных литературных языка лужичан: верхнелужицкий и нижнелужицкий. Они различны на всех языковых уровнях. Более того, согласно одной из точек зрения, единого «пралужицкого» языка никогда не существовало [Трубачев 1963] (подробнее об истории развития лужицких языков см. [Schaarschmidt 1997]). Тем не менее люди, говорящие на верхнелужицком и нижнелужицком, считают себя единым народом, имеющим два различных языка и две близкие культуры.

Территория проживания лужичан – историческая область Лужица, расположенная на востоке современной Германии. Она условно делится на две части, соответствующие двум лужицким языкам. Верхняя Лужица находится в федеральной земле Саксония, а Нижняя Лужица – в федеральной земле Бранденбург. Хотя Лужица не является административной единицей Германии, на её территории (в так называемой Лужицкой поселенческой области) действуют особые законы, призванные защищать и развивать лужицкие языки и культуры. Сейчас насчитывается около 20 тысяч носителей верхнелужицкого языка и около 5 тысяч носителей нижнелужицкого языка. В некоторых районах Верхней Лужицы всё ещё сохраняется передача языка новым поколениям, в то время как в Нижней Лужице таких районов нет, большинство носителей принадлежит к старшему поколению.

Предки современных лужичан – славянские племена, предстателей которых обычно называют полабскими славянами (слово *полабский* происходит от славянского названия реки Эльбы, Лаба). Примерно в V веке н. э., в ходе Великого переселения народов, они заселили обширные территории от Балтийского моря на севере до Рудных гор на юге (современная граница Германии и Чехии). Полабских славян делят на три племенных союза: лютичи, бодричи (ободриты) и лужицкие сербы. XI–X века были временем борьбы между германскими и славянскими племенами. В результате германские государства смогли подчинить себе полабских славян, начался процесс их германизации.

Зарождение интереса к своей идентичности среди лужичан началось лишь в XVIII–XIX веках [Nowotny 1987]. Одной из первых значимых фигур этого движения стал священнослужитель и поэт Гандрий Зейлер (1804–1872). В студенческие годы он был активным участником лужицкого студенческого сообщества Сорабия. Зейлер начал издавать рукописный журнал “Serbska nowina” («Лужицкая новость»). Одно из его первых поэтических произведений, “Na serbsku Łužicu”, в сокращённом виде стало текстом гимна лужичан, который используется до сих пор:

Rjana Łužica,
Sprawna, přećelna,
Mojich serbskich wótcow kraj,
Mojich zbóžnych sonow raj,
Swjate su mi twoje hona!

Прекрасная Лужица¹,
Честная, дружелюбная,
Моих лужицких отцов страна,
Моих счастливых грёз рай,
Святы для меня твои поля!

Časo přichodny,
Zakčěj radostny!
Ow, zo bychu z twojeho
Klina wušli mužojo,
Hódni wěčnoh woropnjeća!

Грядущее время,
Цвети, радостное!
О, да выйдут из твоего
Лона мужи,
Достойные вечной памяти!

Другой видный деятель лужицкого национального возрождения, Ян Арношт Смолер (1816–1884), известен как создатель верхнелужицких грамматик и словарей. Также он предложил новые правила правописания верхнелужицкого языка, более близкие к польской и чешской орфографии, взамен старого правописания, бравшего за основу немецкое. Эти новые правила стали основой современной лужицкой орфографии. Вместе с Зейлером и другими Смолер основал научно-просветительское общество Maćica Serbska («Магица лужицкая»), которое долгое время выпускало одноимённый журнал.

Важнейшим лужицким поэтом после Зейлера стал Якуб Барт, взявший себе псевдоним Чишинский (1856–1909). Если поэзия Зейлера опиралась на лужицкие народные мотивы и формы, то Барт-Чишинский вводил в лужицкую поэзию новые жанры: так, он является автором большого количества сонетов. В своих произведениях он обращался скорее к той группе, к которой принадлежал сам – к образованным

¹ Здесь и далее перевод с лужицких мой – П.Д.

лужичанам, обеспокоенным сохранением своей идентичности. Так, в своём стихотворении «Моя лужицкая исповедь» Барт-Чишинский писал:

...wopak je,	...не должно
Hdyž so k ludej dele spisaćel	Быть так, что писатель только вниз
Jenož chila přec'; ně, nawopak,	Клонится к народу. Нет, напротив:
K sebi pozběhować spisaćel	Ведь писатель должен поднимать
Dyrbi lud, kaž k sebi wobroća a	Свой народ к себе, как солнце тянет,
Ćehnje slónco wšitko, štož na zemi	Обращает к себе цветы, и
Dycha, zeleni so, rosće, kće.	Стебли, и колосья на земле.

Эти и другие деятели, развивавшие в XIX веке лужицкую культуру, составляют своеобразный пантеон известных лужичан, к наследию которых часто обращается и современная культура Лужицы. В 2005 году лужицкое радио MDR провело опрос с целью выяснить, кого считают самым знаменитым лужичанином. Первое место в рейтинге занял Гандрий Зейлер, второе – Якуб Барт-Чишинский.

Как и лужицкий гимн, современный флаг, используемый лужичанами, появился в XIX веке. Он представляет собой горизонтальный триколор в общеславянских цветах: сверху вниз располагаются синий, красный и белый цвета. Этот флаг был представлен лужицкой делегацией на Первом славянском съезде в Праге в 1848 году и принят остальными делегациями.

С приходом к власти нацистов положение лужичан значительно ухудшилось. Лужицкие организации были запрещены, издание книг на лужицких языках прекратилось. Лужичан не признавали отдельным народом, считая их немцами. По итогам Второй мировой войны Лужица стала частью ГДР. Многие культурные организации возобновили свою деятельность, стала вновь развиваться литература. Были налажены культурные и научные связи между Лужицей и СССР.

Культурным центром Верхней Лужицы считается город Баутцен (другое название – Будишин, от верхнелужицкого Budyšin). Впервые он упоминается в хрониках за 1002 год. К XVI веку относится Будишинская присяга – присяга жителей города королю Богемии. Она считается самым древним дошедшим до нас письменным памятником лужицких языков. В настоящее время население города составляет около 38 тысяч человек. Здесь находятся многие важные лужицкие организации: в так называемом Лужицком доме располагается Домовина – основная организация, представляющая интересы лужичан, Фонд лужицкого народа – денежный фонд, из которого выделяются средства на реализацию проектов, связанных с лужицкими языками

и культурой. Кроме того, в Баутцене находится Лужицкий музей и Немецко-лужицкий народный театр.

Аналогичную роль культурного центра в Нижней Лужице играет город Котбус (Хочебуж, н.-луж. Chóšebuz). Все перечисленные выше организации имеют свои аналоги или подразделения, находящиеся в Котбусе.

Своеобразный культурный регион находится в центре лужицкой территории, вокруг границы Верхней и Нижней Лужицы. Здесь, в окрестностях деревни Шлайфе (Слепо), распространён особый лужицкий диалект. По лингвистическим характеристикам его обычно относят к нижнелужицкой зоне, однако некоторые черты сближают его с верхнелужицким языком. Другие аспекты культуры среднелужицкого региона – например, обычаи и народные костюмы – также имеют свои особенности.

В течение XX века лужицкий язык перестал использоваться на территории к востоку от современной Лужицы. Там было распространено особое восточнолужицкое наречие, имеющее ряд ранних письменных свидетельств – например, перевод Нового Завета, сделанный Миклаушем Якубицей в 1548 году [Jakubica]. В начале XX века полевыми исследованиями восточнолужицкого наречия занимался российский и советский лингвист Лев Владимирович Щерба (см. [Щерба 1915]).

В средней части Лужицы в настоящее время находится так называемый Лужицкий озёрный край – сеть искусственных водоёмов, появившихся в XX–XXI веках. Эти водоёмы представляют собой заполненные водой карьеры, в которых раньше велась добыча бурого угля. Активная промышленная деятельность не только сильно изменила природу региона, но и нанесла существенный урон сохранности местной лужицкой культуры и языка: ради создания карьеров было полностью уничтожено около 80 деревень (ещё около 30 деревень были уничтожены частично), их жители (около 27 тысяч) были переселены в другие места. Сейчас Лужицкий озёрный край является популярным местом отдыха и туризма.

Ещё один известный туристический регион, расположенный на территории проживания лужичан – Шпревальд в Нижней Лужице. Понижнелужицки Шпревальд называется Włota: слово włota означает ‘грязь’ и этимологически связано с русским словом “болото” [Schuster-Šewc]. Это низменная местность, в которой река Шпре (Спрева), приток Эльбы, разделяется на множество рукавов, некоторые из которых

соединены каналами. Важным средством передвижения в Шпревальде остаются лодки.

Часть верующих лужичан является католиками, другая часть – протестантами (лютеранами). В Верхней Лужице распространены обе конфессии, в Нижней Лужице – только лютеранство. Специфически лужицкой религиозной традицией является пасхальная кавалькада (*jutrowne jěchanje*), проходящая в католических районах Верхней Лужицы. Утром в день Пасхи мужчины, одетые в национальные костюмы, выезжают из своего селения на богато украшенных конях и едут по определённому маршруту в несколько близлежащих селений. Многие из всадников держат в руках хоругви и распятия (поверхнелужицки всадники, участвующие в пасхальной кавалькаде, называются словом *křižerjo*, от слова *kříž* ‘крест’). По пути всадники поют псалмы.

Ещё одна уникальная лужицкая традиция, птичья свадьба, практикуется по всей Лужице. Считается, что 25 января птицы играют свадьбу. Вечером предыдущего дня дети оставляют на окне тарелки, а утром в них «появляются» различные сладости – это считается благодарностью птиц за то, что дети подкармливали их зимой. Также 25 января в детских садах Лужицы проходят тематические утренники. Обычно разыгрывается сцена свадьбы грача и сороки.

В Нижней Лужице поддерживают особую традицию, которая называется *lapanje kokota* (дословно ‘хватание петуха’). Это праздник календарного цикла: после того, как урожай сжат, на расчищенном месте устанавливают ворота, украшенные дубовыми ветвями. К верхней перекладине ворот подвешивают тушку петуха. Далее происходит соревнование юношей: каждый стремится, проскакав на коне под воротами, оторвать сначала голову тушки, а затем крылья. Оторвавшего голову называют первым королём, оторвавших крылья – вторым и третьим королями. Наконец, начинаются всеобщие танцы, причём «короли» имеют приоритетное право избрать себе «королев».

Активно изучался в XIX веке и лужицкий фольклор. Лужицкие народные песни были записаны и опубликованы в 1841 году Яном Арноштом Смолером и Леопольдом Гауптом [Pjesnički 1841]. Чешский сорабист¹ Адольф Черный много занимался представлениями о сверхъестественных существах, распространёнными среди лужичан [Černý 1898]. Некоторые из этих существ широко известны и в современной лужицкой культуре.

¹ Сорабистика – научная дисциплина, изучающая языки и культуру лужичан.

Популярным персонажем является лужицкий водяной (*wódny muž*, *wodžan*, *wódnik*). Считалось, что свой водяной есть в каждом водоёме. Обычно он описывается как небольшой сероватый человек, часто одетый в красное (согласно Черному, красный цвет намекает на его демоническую природу). Лужицкий водяной умеет выходить из своего водоёма и показываться среди людей в обычной одежде. Такого водяного можно узнать либо по красной шапке, либо по мокрым краям одежды. В большинстве рассказов о водяном он ведёт себя враждебно – обманывает людей, заманивает в воду и топит их. В других рассказах водяной более нейтрален: он живёт своей жизнью, выходит на берег погреться, расчесать волосы, постирать или заплатать одежду, а при появлении людей возвращается в воду.

Полудница (в.-луж. *připoldnica*, н.-луж. *pšezpoldnica*) – ещё один известный фольклорный персонаж. Он имеет аналоги у других славянских народов, хотя лужицкая полудница обладает некоторыми отличительными чертами. Полудница – это демонический персонаж, появляющийся летом в самое жаркое время солнечного дня, около полудня, когда положено отдыхать от всех работ. Полудницу обычно представляют как крупную старую женщину, одетую в белое, её неизменный атрибут – серп. Она приходит к тем, кто работает в это время, и начинает задавать множество вопросов. Иногда говорят, что она может спросить о чём угодно, иногда – что она спрашивает о работе, за которой она застаёт человека, иногда – что её интересует только процесс заготовки льна. На её вопросы необходимо отвечать до тех пор, пока она не исчезнет. Если ответы не удовлетворяют полудницу, она наказывает провинившегося, иногда даже убивает его. В верхнелужицком языке есть устойчивые сочетания *prašeć so kaž připoldnica* ‘спрашивать как полудница’ (то есть много и назойливо), *wćipny kaž připoldnica*, ‘любопытный как полудница’.

В современной Германии лужичане официально признаны национальным меньшинством. Благодаря этому статусу Фонд лужицкого народа регулярно получает от государства средства для финансирования различных лужицких культурных и языковых проектов. Существуют детские сады, в которых воспитатели общаются с детьми исключительно по-лужицки, а также школы, в которых некоторые предметы преподаются по-лужицки, причём лужицкий является главным языком общения. В других школах Лужицы лужицкий язык преподаётся как иностранный. Тем не менее лужицкая идентичность и языки по-прежнему находятся под угрозой исчезновения и требуют особой защиты.

Литература

- Černý A. 1898. Mythiske bytosće Łužiskich Serbow. Budyšin, 1898.
- Das niedersorbische Testament des Miklawuš Jakubica 1548, herausgegeben und mit einer Einleitung und wissenschaftlichen Kommentaren versehen von H. Schuster-Šewc. Berlin: Akademie-Verlag, 1967.
- Nowotny P. Historical Survey of the Development of the Sorbian Literature until the Second World War // Language and Culture of the Lusatian Sorbs throughout their History. Berlin: Akademie-Verlag, 1987. Pp. 80–92.
- Hawpt L., Smoleń J. E. Pjesnički hornych a dělnych Łužiskich Serbow. Grimma, 1841
- Schaarschmidt G. A historical phonology of the upper and lower Sorbian languages. Heidelberg: Winter, 1997.
- Schuster-Šewc H. Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. Bautzen: Domowina-Verlag, 1978.
- Трубачев О.Н. О праславянских лексических диалектизмах сербо-лужицких языков // Серболужицкий лингвистический сборник. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. С. 154–172.
- Щерба Л. В. Восточнолужицкое нарѣчіе. Томъ 1. Петроградъ, 1915.

Задание

В истории нижнелужицкого языка звук [o] в ударном (первом) слоге в некоторых случаях переходил в звук, который записывается буквой ó (в некоторых диалектах это звук [ы], в других – [э]). Сравните нижнелужицкие слова, приведённые ниже, и опишите фонетические условия, при которых происходило это изменение:

Bog ‘Бог’, stojaś ‘стоять’, kólaso ‘колесо’, gowježina ‘скот’, kowaś ‘ковать’, soša ‘сестра’, mój ‘мой’, mokšy ‘мокрый’, bójaś se ‘бояться’, chochoł ‘хохолок’, chógu ‘больной’, wogėń ‘огонь’, wóda ‘вода’, gósc ‘гость’, rod ‘род’

Вставьте либо o, либо ó в следующие нижнелужицкие слова:
n...ga ‘нога’, W...žo ‘Боже’, ch...waś ‘прятать’, g...ra ‘гора’, n...s ‘нос’.

Примечание. Сочетание ch в нижнелужицком обозначает звук [x], буква j – звук [й].

Чешский и словацкий – почему они близки?

Как известно, славянские языки являются близкородственными, и их носители понимают отдельные слова и даже целые фразы без специальной подготовки. При этом среди славянских языков существуют такие, которые отличаются большей степенью близости и соответственно большей степенью взаимной понятности, что находит отражение и в классификации славянских языков. Так, например, особой близостью отличаются русский, украинский и белорусский языки, составляющие восточнославянскую группу, болгарский и македонский, относящиеся к восточнобалканским славянским языкам, сербский и хорватский, определяемые как западнобалканские славянские, а до недавнего времени их вообще рассматривали как единый сербохорватский язык.

Особая близость характеризует также чешский и словацкий языки, объединяемые в чешско-словацкую подгруппу западнославянских языков. Близость между этими языками достигает такой степени, что их носители практически без проблем контактируют друг с другом на родном языке. Этот феномен совсем недавно использовался и на государственном уровне во время существования единого государства чехов и словаков – Чехословакии (1918–1992), в котором оба языка являлись официальными на всей территории. В период между двумя мировыми войнами на государственном уровне утверждалось, что существует единый чехословацкий язык, который, однако, имеет два варианта на уровне литературных языков. Их существование объяснялось спецификой исторического и культурного развития чехов и словаков и подчеркивалось, что оно имеет временный характер.

После Второй мировой войны, однако, эта концепция была забыта, а взаимопонятность продолжала использоваться при коммуникации между чехами и словаками, в том числе и на официальном уровне. Кульминацией такого функционирования чешского и словацкого языков стало создание федерации (1 января 1969 года), просуществовавшей до разделения Чехословакии на два государства. Особенно ярко это проявлялось в аудиовизуальных

средствах массовой коммуникации, особенно федеральных, в которых было равное соотношение использования чешского и словацкого языков, естественно, без перевода.

В значительной степени ситуация продолжает сохраняться до настоящего времени, особенно в Чехии, где словацкий язык может использоваться во всех сферах коммуникации, кроме административного судопроизводства. В Словакии использование языков регулируется более строго, так как имеется закон о статусе словацкого языка как национального. Тем не менее существуют сферы, в которых возможно использование чешского языка:

- носителям чешского языка разрешено использовать чешский язык в государственных и административных органах;
- студенты в словацких вузах могут сдавать экзамены на чешском языке;
- документы на чешском языке принимаются словацкими органами власти без перевода на словацкий язык;
- чешские фильмы и телешоу могут показываться на словацком телевидении без субтитров или дубляжа;
- иностранные фильмы, дублированные на чешский язык до 2008 года, могут быть показаны по словацкому телевидению.

Для того чтобы представить степень взаимопонятности чешского и словацкого языков, достаточно сопоставить чешский и словацкий тексты одинакового содержания:

Třikrát nej o českých a slovenských horách

Nejvyšším vrcholem Vysokých Tater a současně nejvyšší horou Slovenska je Gerlachovský štít. Nejen to, je současně nejvyšším vrcholem Karpat v celé jejich délce tisíc pět set kilometrů. Je vysoký dva tisíce šest set pětapadesát metrů. Za nejkrásnější horu je shodně označován Velký Rozsutec (1600 m) v chráněné krajinné oblasti Malá Fatra, východně od Žiliny. Je pozoruhodný nejen divoce rozbrázděným povrchem s rozeklanými vrcholovými vápencovými útesy, ale i tím, že při pohledu z různých stran má zcela jiný tvar daný nepravidelností jeho masívu. Je jednou z nejfotografovanějších hor Slovenska. „Střechou Evropy“ lze nazvat vrch Klepáč (1138 m) ve skupině Králického Sněžníku na česko-polských hranicích na severní Moravě. Na jeho jižním úpatí je rozvodí tří moří: Nysa Klodzka vtéká do Odry a ta do Baltského moře, Tichá Orlice do Labe, to pak do moře Severního, Morava je přítokem Dunaje, který se vlévá do Černého moře.

Tri razy naj o českých a slovenských vrchoch

Najvyšším vrcholom Vysokých Tatier a súčasne najvyšším vrcholom Slovenska je Gerlachovský štít. Nielen to, je súčasne najvyšším vrcholom Karpát v celej ich dĺžke tisíc päťsto kilometrov. Je vysoký dvetisíc šesťsto päťdesiatpäť metrov. Za najkrajší vrch je zhodne označovaný Veľký Rozsutec (1600 m) v chránenej krajinskej oblasti Malá Fatra, východne od Žiliny. Je pozoruhodný nielen divoko rozbrázdzeným povrchom s rozoklanými vrcholovými vápencovými útesmi, ale aj tým, že pri pohľade z rozličných strán má celkom iný tvar daný nepravidelnosťou jeho masívu. Je jedným z najfotografovanejších vrchov Slovenska. „Strechou Európy“ možno nazvať vrch Klepáč (1138 m) v skupine Králického Snežníku na česko-poľských hraniciach na severnej Morave. Na jeho južnom úpätí je rozvodie troch morí: Nysa Klodzka vteká do Odry a tá do Baltského mora, Tichá Orlica do Labe, to potom do Severného mora, Morava je prítokom Dunaja, ktorý sa vlieva do Čierneho mora [Sokolová, Musilová, Slančová 2007: 14].

Курсивом выделены слова и их формы, отличающиеся в чешском и словацком языке. Несмотря на то, что выделенных слов довольно много, различия носят главным образом фонетический, морфологический и орфографический характер, что совершенно не препятствует пониманию текстов носителями другого языка. Такое сходство чешского и словацкого языков длительное время объяснялось тем, что словацкий язык является диалектом чешского языка. На практике многие словацкие общественные деятели считали иначе, поэтому стремились кодифицировать (описать в виде правил и рекомендаций) собственный литературный язык, в частности А. Бернолак (1787–1790) и Л. Штур (1844–1846), но большая часть славистов еще на рубеже XIX–XX вв. считала иначе. Разорвавшейся бомбой стала вторая часть монографии российского слависта Т.Д. Флоринского «Лекции по славянскому языкознанию», вышедшая в 1897 г. в Киеве и Санкт-Петербурге [Флоринский 1897]. В этой книге автор утверждал, что карпатско-дунайские славяне, или словаки, с древнейших времен на заре исторической жизни славян говорили на своем собственном языке, который отличался от языков соседних славянских народов: чехомораван, поляков, славянорусов. Более того, Т.Д. Флоринский подчеркивает, что словацкий язык занимает срединное положение между славянскими языками, поэтому в разных регионах Словакии обнаруживаются элементы чешского, польского, русского, сербского и других языков [Там же: 327], т.е. фактически он поднимает

вопрос о происхождении словацкого языка. Вывод Т.Д. Флоринского о самостоятельности словацкого языка подвергся острой критике со стороны многих известных славистов того времени.

В частности, профессор Университета Коменского в Братиславе В. Важный писал о том, что точку зрения о единстве чешского и словацкого языков разделяет большинство славистов, что они убедительно доказали в своих работах, однако учение Флоринского быстро нашло последователя в Словакии в лице С. Цамбела [Vážný 1934: 220], который в 1903 г. в монографии «Словаки и их язык» заявляет о том, что среднесловацкий диалект имеет южнославянское происхождение. «Тысячу лет назад наш язык должен был быть по своей сути ближе к южнославянским языкам, чем к языкам, которые нас в настоящее время окружают, и словаки должны быть первоначально в наибольшем кровном родстве с южными славянами...» [Czambel 1903: 84–85]. В качестве примеров ученый приводит следующие явления, имеющие общесловацкое распространение либо концентрирующиеся в среднесловацком диалекте: окончание -m в формах I лица ед. числа всех глаголов, наличие форм им.-вин. падежей ед. ч. прилагательных среднего рода типа *vel'kuo (oko)* и форм род. пад. мн. ч. со вставным гласным -á- типа *sestár* 'сестр', отсутствие характерного чешского вибранта ř, упрощение праславянского сочетания *dl* типа *šilo* 'седло' и др.

Впоследствии круг явлений незападнословацкого происхождения в словацком языке и прежде всего в среднесловацком диалекте был существенно расширен, что позволило выдвинуть несколько гипотез о происхождении словацкого языка. В Словакии в настоящее время наиболее распространенной является теория Р. Крайчовича о том, что территория Словакии была заселена двумя потоками генетически разнородных славянских племен: с севера и северо-востока в IV–V вв. н.э. на территорию Западной и Восточной Словакии пришли западнославянские племена, тогда как на пути их движения в Среднюю Словакию оказались Высокие Татры, находящиеся на севере региона. В связи с этим данная территория была заселена столетием позже с юго-востока, причем племенами незападнославянского происхождения. После этого происходит интеграция генетически разнородных племен, усилившаяся после миграции в Паннонию старомадьярских племен, которые нарушили их контакты с южными славянами [Krajčovič 1974]. Таким образом, изоглоссы целого ряда праславянских явлений, как ранних, так и поздних, проходят внутри словацкого языка, выделяя главным образом среднесловацкий диалект. Ср. примеры:

явление	чешский язык	западнорловацкий диалект	среднесловацкий диалект
*ort, *olt при нисходящей интонации	loket	lokec	laket'
ch по второй палатализации	Češi	Češi	Česi
упрощение сочетания dl	křídlo	křídlo	krielo
стяжение гласных и его отсутствие 1	dobré	dobré	dobruo
стяжение гласных и его отсутствие 2	ženou	ženú	ženou
изменение ъ в сильной позиции 1	mech	mech	mach / moch
изменение ъ в сильной позиции 1	děšt'	děšč	dážd'

Исходя из праславянских различий между чешским и среднесловацким диалектом, который лежит в основе словацкого литературного языка, невозможно объяснить взаимопонятность этих языков их генетической общностью. Напротив, значительный пласт незападнославянских явлений в словацком языке, скорее, предполагает обратное. И даже факт признания лингвистами того, что в период Средневековья словацкий язык развивался в тесном контакте с другими западнорславянскими языками (особенно западнорловацкий диалект с чешским языком, а восточнорловацкий с польским), это не меняет общего вывода.

Причина взаимопонятности чешского и словацкого языков кроется в специфике развития словацкого литературного языка. Хорошо известно, что чешский литературный язык проникает в среду словаков уже в XIV веке. В это время Чешское королевство переживает период своего расцвета, особенно во время правления Карла IV, который был одновременно и императором Священной Римской империи. Особую роль в распространении чешского языка сыграло основание Карлова

университета (основан в 1348 г.). В XV в. позиции чешского языка в Словакии еще больше укрепляются в связи с пребыванием там гуситов.

Чешский язык начинает распространяться за пределы Чехии, но только словаками он был воспринят как обработанная (литературная) форма родного языка. Литературный язык развивается главным образом путем взаимодействия с народной (диалектной) речью, поэтому понятно, что постепенно происходит размежевание древнечешского литературного языка в Чехии и Словакии, так как в Чехии он взаимодействует с чешским диалектами (прежде всего среднечешским), а в Словакии начинает взаимодействовать с западнословацким диалектом (прежде всего с юго-западными словацкими говорами).

В начале XVII в. в период активной рекализации словацкие евангелики возвращаются к чешскому литературному языку, точнее, принимают в качестве образца своего литературного языка язык чешской Кралицкой библии, тогда как католики продолжают использовать идиом, возникший в результате взаимодействия древнечешского языка с юго-западными словацкими говорами. В 1787–90 гг. последний был кодифицирован католиком А. Бернолаком, но не был принят евангеликами. В 1844–46 гг. евангелик Л. Штур кодифицировал новый литературный язык на среднесловацкой диалектной базе, который в реформированном виде через несколько лет был принят и католиками.

Принципы кодификации литературного языка самым непосредственным образом вытекали из философских взглядов Л. Штура. Будучи сторонником философии Г. Гегеля, он различал дух языка, определяющий его форму, и материю, являющуюся лишь его второстепенной оболочкой. Первый составляют фонетика и грамматика, а вторую – словарный состав [Pauliny 1971: 115]. Из этого следует, что кодифицировать в первую очередь необходимо звуки и формы, а лексемы для языка оказываются в значительной степени нерелевантными. Ср. его высказывание: «Слова и манеры говорения, служащие в разных говорах, в литературном языке могут свободно употребляться, так как все они составляют богатство словацкого языка, но необходимо строго придерживаться наиболее полных, наиболее определенных форм, которые представлены в его вышеупомянутой (среднесловацкой – *К.Л.*) разновидности» [Štúr 1957: 169–170]. На практике это означало существенную преемственность лексического фонда словацкого литературного языка и не являлось препятствием для новых заимствований из чешского.

Впервые вопрос о состоянии лексического состава нового словацкого литературного языка поднимает С. Цамбел: «Словарный состав словацкого языка представляет собой полный хаос. То огромное количество слов, которое накопили чехи за сотни лет и которые едва вмещаются в 5–6 толстых томов, на основе историзма обоснованно считается принадлежащим словацкому языку. Но словацким писателям и этого было мало. Годжа в “Ветине” на 117 странице написал: «Словацкому языку по праву принадлежит словарный состав всех славянских диалектов». Добавь к этому то, что словаки являются наследниками собственного этнографического образования и у них у самих есть по несколько слов, обозначающих один и тот же предмет или одно и то же понятие. К чему мы в результате придем?» [Czambel 1903: 218]. С. Цамбел отмечает, что лексический состав словацкого литературного языка отличается сильнейшей богемизацией, констатируя, что «словацкий язык стал словацким, к сожалению, только по форме, по содержанию же он не является словацким» [Czambel 1903: 222], и приводя большое количество примеров из грамматики Ф. Мраза, содержащих богемизмы (см. в [Лифанов 2015]). С. Цамбел подчеркивает, что им движет не ненависть к чешскому языку, речь идет о реализации принципа последовательной словакизации языка словацкой письменности, которая (словакизация) началась еще в средневековье. В связи с этим необходимо осуществить дебогемизацию словарного состава словацкого литературного языка, которая заключалась бы в замене всех слов и выражений, которые можно заменить. Те же слова, которые заменить невозможно, например абстрактные понятия церковного языка, должны обрести словацкую оболочку и остаться его достоянием.

Последующее развитие лексического состава словацкого литературного языка происходило именно таким образом, в результате чего множество общих с чешским языком лексем основного словарного состава оказалось за его пределами, хотя и продолжает реально употребляться как субстандартные в неформальной речи.

Замена генетически чешских слов словацкими затронула главным образом уровень бытовой лексики, но не всегда распространялась на их дериваты, относящиеся к «культурному слою». В результате произошел разрыв словообразовательных цепочек, сохранившихся в чешском языке, ср. чешск. *otázat se* ‘спросить’ – *otázka* ‘вопрос’, *otazník* ‘вопросительный знак’ (словацк. *opýtat’ sa* – *otázka*, *otáznik*); *dotázat se* ‘спросить, сделать запрос’ – *dotazník* ‘анкета’ (словацк. *dopýtat’ sa* – *dotazník*); *umět* ‘уметь’ – *umění* ‘искусство’ (словацк. *vedieť* – *umenie*);

poslouchat ‘слушать’ – *posluchač* ‘слушатель’, *posluchárna* ‘аудитория’ (словацк. *počúvať* – *posluchač*, *poslucháreň*); *sjet se* ‘собраться, съехаться’ – *sjezd* ‘съезд’ (словацк. *zísiť sa* – *zjazd*); *nalézt* ‘найти’ – *nález* ‘находка’, *nálezce* ‘нашедший’ (словацк. *nájsť* – *nález*, *nálezca*); *viko* ‘крышка’ – *vikýř* ‘слуховое окно’ (словацк. *vrchnák* – *vikier*); *bydlet* ‘жить’ – *bydliště* ‘место жительства’ (словацк. *bývať* – *bydlisko*) и т.д. В некоторых случаях лексемы, характерные только для словацкого литературного языка и общие для двух языков, различаются принадлежностью к разным сферам употребления. Так, первые характеризуют бытовую лексику, а вторые обладают терминологическим значением. Ср. чешск. *nizký strop* ‘низкий потолок’ – *mzdový strop* ‘потолок заработной платы’ (словацк. *nízka povala* – *mzdový strop*); *čistá podlaha* ‘чистый пол’ – *podlaží* ‘этаж’ (словацк. *čistá dlážka* – *podlažie*); *pozdni láska* ‘поздняя любовь’ – *pozdni devon* ‘поздний девон’ (словацк. *neskorá láska* / реже – *pozdná láska* – *pozdny devón*). Подобные пары слов в определенной степени являются аналогией соответствий в русском литературном языке типа *живот* – *брюшная (полость)*, *кормить молоком* – *млекопитающее*, когда одно из слов, их составляющих, восходит к русскому языку, а другое – к церковнославянскому.

Литература

Флоринский Т.Д. Лекции по славянскому языкознанию. Часть II. Киев–Санкт-Петербург, 1897. 703 с.

Лифанов К.В. Кодификация С. Цамбела как рубеж в развитии словацкого литературного языка // Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности. Книга II. М.: Рукописные памятники древней Руси, 2015. С. 338–353.

Czambel S. Slováci a ich reč. Budapešť: Tlačou C. a Kr. Dvornej káhihtlač. Viktora Hornyanského, 1903. 269 s.

Hodža M.M. Větín o slovenčině. Levoča: Werthmüller, 1848. 190 s.

Krajčovič R. Slovenčina a slovanské jazyky I. Praslovanská genéza slovenčiny. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1974. 328 s.

Pauliny E. Dejiny spisovnej slovenčiny. I. Od začiatkov až po Ludevíta Štúra. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1971. 136 s.

Sokolová M., Musilová K., Slančová D. Slovenčina a čeština. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave, 2007. 180 s.

Štúr L. Dielo v piatich zväzkoch. V. zväzok. Slovenčina naša. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry, 1957. 424 s.

Vážný V. Nářečí slovenská // Československá vlastivěda. III. Jazyk. Praha: Sfinx, 1934. S. 219–311.

Вопросы

1. Почему считается, что словацкие диалекты имеют разное происхождение?

2. Чем объясняется взаимопонятность чешского и словацкого языков?

3. На базе какого идиома возникает первоначальная словацкая письменная традиция и когда она достигает кульминации в своем развитии?

4. Как менялась письменная традиция в среде словацких евангеликов?

5. В чем специфика кодификации словацкого литературного языка Л. Штуром?

6. Почему Л. Штур уделял меньшее внимание лексическому составу словацкого литературного языка по сравнению с фонетикой и морфологией?

7. Какую проблему поднял в своих работах С. Цамбел?

8. Каким образом развивался лексический состав словацкого литературного языка в XX–XXI вв.?

Задание 1. Найдите фонетические различия в чешских и словацких словах.

Чешск. *držet, jehně, v neděli, slíbit, svátek, prosí, zdraví, vidím cizí ženu, kůň, dvůr, louka.*

Словацк. *držať, jahňa, v nedel'u, sľúbiť, sviatok, prosia, zdravie, vidím cudziu ženu, kôň, dvor, lúka.*

Задание 2. Перед вами стихотворение, написанное на чешском языке, но содержащие строчки на словацком. Найдите их.

Jaromír Nohavica

Vánoce v Bratislavě

Na Račianskom mýťe
v adventní době
zasmála ses neurčitě
já se tiskl k tobě
A Vlado Merta hrál nám blues

Měsíc plaval
okrajem tvých víček
zasněžená Bratislava
bola plná električiek
A Vlado Merta hrál nám blues
Na mokré dlažbě
jinovatka bílá
To tak vravíš každej?
Hlavu jsi zaklonila
A Vlado Merta hrál nám blues
Z prázdné láhve
ještě pár kapek jsem dolil
tvůj bůh měl jméno Jahve
a nic mi nedovolil
A Vlado Merta hrál nám blues
A byla zima
sníh od Dunaje fučel
A čo za ženu vezmeš si ma?
Já mlčel
A Vlado Merta hrál nám blues
Je mi to líto
navždy je to tak
žádná moc nevrátí to
pak mi jel vlak
domů
A Vlado Merta hrál nám blues

Задание 3. Сравните переводы на чешский и словацкий языки отрывка из романа «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова и выявите различие между чешским и словацким языками на разных языковых уровнях.

Она несла в руках отвратительные, тревожные желтые цветы. Черт их знает, как их зовут, но они первые почему-то появляются в Москве. И эти цветы очень отчетливо выделялись на черном ее весеннем пальто. Она несла желтые цветы! Нехороший цвет. Она повернула с Тверской в переулок и тут обернулась. Ну, Тверскую вы знаете? По Тверской шли тысячи людей, но я вам ручаюсь, что увидела она меня одного и поглядела не то что тревожно, а даже как будто болезненно. И меня поразила не столько ее красота, сколько

необыкновенное, никем не виданное одиночество в глазах! Повинуясь этому желтому знаку, я тоже свернул в переулок и пошел по ее следам. Мы шли по кривому, скучному переулку безмолвно, я по одной стороне, а она по другой. И не было, вообразите, в переулке ни души. Я мучился, потому что мне показалось, что с ней необходимо говорить, и тревожился, что я не вымолвлю ни одного слова, а она уйдет, и я никогда ее более не увижу. И, вообразите, внезапно заговорила она:

– Нравятся ли вам мои цветы?

Nesla v náručí odporné vyzývavě žluté květy. Čertví jak se jmenují, ale neznámo proč se první objevují na jaře v Moskvě. Výrazně se vyjímalý na černém jarním plášti. Ošklivá barva. Zabočila z Tverské do uličky a ohlédla se. Znáte Tverskou? Proudily tam davy, ale ručím vám za to, že ona viděla jenom mě. Vrhla na mě ani ne tak zneklidňující, jako spíš bolestný pohled. Víc než její krása mě upoutal zvláštní, nepostřehnutelný výraz osamělosti v očích. Podřídil jsem se žlutému znamení, zahrnul jsem taky a sledoval neznámou. Šli jsme křivolakou, nudnou uličkou a nikdo z nás nepromluvil. Považte, ulice byla liduprázdná. Trpěl jsem utkvělou představou, že ji musím oslovit, a přitom jsem se obával, že ze sebe nevypravím jediné slovo, zatímco ona zmizí a už ji nikdy neuvídím. Vtom prohodila:

«Líbí se vám moje květiny?»

Niesla v rukách odporné dráždivo žlté kvety. Čertvie, ako sa volajú, ale sú to vždy prvé kvety, čo sa zjavia v Moskve. A tie kvety sa veľmi zreteľne odrážali od jej čierneho jarníka. Niesla žlté kvety! Nepekná farba. Zabočila z Tverskej do priečnej uličky a tu sa obzrela. Poznáte Tverskú, však? Po Tverskej šli tisíce ľudí, ale ručím vám za to, že videla jedine mňa a pozrela na mňa niežeby vystrašene, ale až akosi chorobne. A mňa tak ani neohromila jej krása, ako neobyčajná, nevidaná osamelosť v jej očiach! Poslúchnuc to žlté znamenie, odbočil som tiež do uličky a kráčať jej v päťách. Šli sme mlčky křivou, nudnou uličkou, ja po jednej strane, ona po druhej. A predstavte si, nebolo tam živej duše. Trápil som sa, lebo sa mi zdalo, že s ňou nutne musím hovoriť, a bál som sa, že nevydám zo seba ani slova, a ona odíde a už ju nikdy neuvídím. A predstavte si, zrazu sa mi prihovorela:

«Páčia sa vám moje kvety?»

География славянских слов: как и зачем ее изучать

Карта распространения современных славянских языков, с которой мы хорошо знакомы, сложным образом соотносится, с одной стороны с границами языковых явлений в славянских языках, а с другой – с тем расселением славян, которое имело место в древности. Эти два предмета, то есть территориальное распространение языковых явлений в славянских диалектах и история формирования их современных границ с последующей реконструкцией древних межславянских контактов, представляют собой объект изучения отдельной дисциплины в рамках славянского языкознания – славянской лингвистической географии. Лингвогеография, или лингвистическая география, – это раздел лингвистики, изучающий вопросы территориального размещения языков и языковых явлений.

Лингвистическая география изучает распространение языковых явлений разных уровней, фонетического, морфологического, лексического, синтаксического. Есть много общеславянских явлений, которые представлены на всей территории распространения славянских языков. Примером может послужить обозначение у славян большого водного пространства словом *more* (*morje). Но велико и число варьируемых явлений, которые как раз и являются главным объектом лингвогеографии. Примером может послужить обозначение в разных славянских языках и диалектах леса (слово *лес*, кроме русского языка, представлено в белорусском, украинском, польском, чешском, верхнелужицком, тогда как в нижнелужицком лес обозначается словом *gola*, в болгарском – *gora*, в сербском и хорватском *šuma*, в словенском *gozd*).

Как ясно из самого названия «лингвогеография», основной метод, которым она пользуется, это картографирование. Можно обойтись и без него, но если мы наносим распространение слова на карту, то география становится наглядно представленной и очевидной. Поэтому основное направление развития лингвистической географии – это создание карт и атласов. Основной языковой атлас, которым располагает на данный момент славистика, это Общеславянский лингвистический атлас (ОЛА), создание которого было инициировано на четвертом международном съезде славистов в 1958 году. Между национальными комиссиями Славистического комитета на съезде были распределены задания по сбору материала на территории проживания каждого славянского

народа, и впоследствии, в 60-е и 70-е годы XX века был осуществлен сбор материала, он проводился в том числе величайшими славистами того времени. Обработка и издание этих материалов продолжается по сей день. С материалами атласа можно ознакомиться на его официальной странице, где представлено большинство выпусков, вышедших на данный момент, а также другие издания, в которых представлены исследования по славянской лингвогеографии (<https://www.slavatlas.org/publications.html>).

На данный момент существует десять лексико-словообразовательных выпусков Общеславянского лингвистического атласа и девять выпусков фонетико-морфологической серии. В лексической серии выпущены следующие издания: два выпуска «Животный мир», в котором картографированы основные названия животных (лиса, волк, медведь и т.д.), «Животноводство» (включает названия домашних животных), «Растительный мир», «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», «Сельское хозяйство», «Народные обычаи», «Человек», «Профессии и общественная жизнь», «Личные черты человека». Эти темы показывают, что объектом славянской лингвогеографии является обычно базовая лексика, которая как правило имеет древние средства выражения, хотя она и менялась со временем. Это лексика, без которой не может обойтись традиционное сельское крестьянское общество, представителями которого являются носители славянских диалектов. Карты Общеславянского лингвистического атласа еще досконально не изучены, они содержат колоссальный, богатейший материал, и тем, кто ищет тему для исследования, рекомендую им воспользоваться.

Созданию ОЛА и сбору материала для него предшествовало составление вопросника, по которому материал должен был быть собран. Лингвист, отправляющийся для сбора языкового материала в деревню, обычно имеет список вопросов, ответы на которые он должен получить от носителей диалекта. Для ОЛА был составлен обширный вопросник, изданный в 1965 году. Например, в теме «Человек» содержались следующие вопросы: как называется в данном говоре тело, голова, волосы и прочие части тела, как обозначаются действия «думать», «знать», «уметь», «понимать» и т.д. Этот раздел вопросника лег в основу выпуска, который так и называется – «Человек».

В сетке Общеславянского лингвистического атласа 850 пунктов. Это значит, что диалектологи из разных славянских стран посетили 850 деревень и проработали в них весь большой вопросник, в котором более 200 страниц. Заполненный вопросник поступал в архив той

организации, которая в данной стране занимается составлением Общеславянского лингвистического атласа. При подготовке очередного выпуска на основании многих вопросников составляется список ответов на каждый вопрос, и на основании такого сводного индекса специалисты составляют карты. В качестве примера рассмотрим карту, на которой обозначены славянские лексемы со значением ‘слово’, и познакомимся с основными терминами лингвогеографии и приемами картографирования (рис. 1).

Рисунки к лекции расположены по QR-коду:

Существует несколько лексем, которые в славянских диалектах выражают значение слова. Они нанесены на карту значками. Кроме значков, могут использоваться штриховка или заливка. Данная карта показывает нам, что лексема *слово* распространена во всех восточнославянских и западнославянских говорах. Но какие-то пункты со словом *слово* будут и вне восточнославянской и западнославянской территории. Территория распространения лексемы *слово* или других, отображенных на карте, а именно сербского слова *реч* или болгарского *дума*, называется *ареалом*.

Термин «ареал» пришел в лингвогеографию из естественных наук, в частности, из биологии, в которой ареал обозначает территорию распространения каких-то видов животных или растений. Ареалы бывают разных типов. На рассматриваемой карте мы имеем дело с обширным сплошным ареалом лексемы *слово*. Но ареал может быть и разорванным, и островным, и точечным. Например, на данной карте внутри ареала *слово* (эта лексема обозначена белым кружком), мы видим два черных прямоугольника, которые обозначают на польской территории использование слова *wyraz* (букв. «выражение»), в значении ‘слово’. Такого рода ареал можно назвать точечным. Наряду с понятием ареала, для лингвогеографии важно понятие *изоглоссы*. Изоглосса – это линия на карте, обозначающая границу распространения какого-либо языкового явления. Для обозначения границы лексического явления, то есть слова, используется также термин *изолекса*.

Почему разрушается некогда более-менее единый словарный состав славянских языков, почему возникают новые слова? Во-первых, новые названия возникают для вновь появившихся реалий. Например, у славян появились такие новые культуры, как кукуруза или картофель, и, соответственно, в народные говоры вошли новые лексемы, которых не было в древности. Второй двигатель развития лексики – это потребность языка в экспрессивности: название, как правило, должно быть понятным, ярким и образным. Например, вместо сербского слова *багрем* ‘акация’, которое исконно имеет уже не осознаваемую носителем языка внутреннюю форму *багровый*, то есть ‘красный’ (с красной корой), в сербских говорах начинает использоваться слово *драча*, то есть «что-то, что дерет кожу» – название, абсолютно прозрачное с точки зрения мотивации, яркое и образное. Насколько велико может быть разнообразие лексических форм для выражения одного значения, показывает, например, карта «Зрачок», на которой представлено несколько десятков названий (рис. 2). Выделение значений, которые в языке способны умножать свою форму выражения, представляет собой интересную лексическую задачу для сопоставительной славянской лексикологии (почему какие-то значения сохраняют единую общеславянскую лексическую форму, а какие-то дают дробную картину?). Еще один источник изменения лексического состава – проникновение в язык заимствований: например, огромное количество заимствований проникло в южнославянские говоры в эпоху турецкого ига и многие из них вытеснили полностью славянские слова. Обновлению словаря может способствовать и то, что исконное славянское слово может изменять значение. Так, слово *коса*, которое первоначально у славян обозначало заплетенные волосы, то есть особый вид прически, у южных славян обобщило свое значение и сейчас обозначает волосы, растущие на голове у человека.

Далее мы познакомимся с некоторыми закономерностями распространения слов в пространстве. Согласно «теории (языковых) волн» в каком-то эпицентре возникает новое языковое явление, инновация, которая затем волнообразно, кругами распространяется по говорам и постепенно затухает. Отсюда следует важнейший закон лингвогеографии, который был сформулирован для романских языков, но может быть применен и к славянскому материалу. Он заключается в том, что инновации обычно возникают в центре, а на периферии сохраняется архаика. Примером этого может послужить карта «Мука» (рис. 3), на которой мы видим, что волна распространения слова *брашно*, проходя из болгарских говоров через сербский до северо-

западных областей Хорватии не затрагивает окраинные говоры – хорватские чакавские, на островах и побережье Адриатического моря, и сербские черногорские, в которых сохраняется общеславянское **touka*.

Как происходит разрушение общеславянского ареала или другими словами, как новые лексемы вытесняют старые? Рассмотрим это на примере карты «Понимает» (рис. 4).

Древнеславянским обозначением понимания был глагол **orzuměti*, который некогда был общеславянским. Сейчас его ареал охватывает только западнославянские и западноюжнославянские языки. Общеславянский ареал этого слова оказался разрушенным за счет распространения у части восточных славян глагола *понимать*, восходящего к глаголу *яти* ‘взять’ и имеет внутреннюю форму «взять, поймать, схватить», так же, как и сербское слово *схватити* ‘понять’. Слово *понимать* в значении понимания распространяется в русском языке с XVII в., скорее всего, под влиянием иноязычных слов со значением понимания и с внутренней формой «схватить». В болгарских, македонских и южносербских говорах распространяется похожая метафора, но по-другому выраженная – «разбирать». На примере данной карты можно пронаблюдать и такое явление, как наложение двух ареалов, или *интерференция*: в белорусских и части украинских говоров употребляются и глагол *понимать*, и глагол *разуметь*. Интерференция имеет место, когда на некоторой территории употребляется два или более названия, относящихся к разным ареалам. Наложение ареалов друг на друга встречается очень часто: языковые явления редко имеют четкие границы – старое слово продолжает употребляться, но появляется и новое, и они используются параллельно.

Лексическую интерференцию демонстрирует также карта «Волосы» (рис. 5). Большинство славян для обозначения волосяного покрова головы используют лексему *волос* в соответствующей огласовке, свойственной тому или иному славянскому языку. Но есть исключение: у части южных и восточных славян волосы обозначаются словом *коса*. На южнославянской территории граница между распространением этих двух слов проходит по Боснии и Герцеговине, и именно на этой территории, центральной для южнославянского ареала, мы видим наложение ареалов двух лексем. Подобную ситуацию мы наблюдаем в некоторых украинских и белорусских говорах, в которых параллельно употребляются оба слова.

Соотношение (объединение или противопоставление) разных славянских языков по признаку использования того или иного слова может быть самым разным. Ареал лексемы может приблизительно

совпадать с границами языка, с границами группы славянских языков, может связывать группы славянских языков, а может связывать отдельные языки или их части. Иногда совпадения между языками наблюдаются только в отдельных пунктах. Рассмотрим это на примерах.

Карта «Глаза человека» (рис. 6) показывает, что слово *глаза* (русская лексическая инновация) характерно почти исключительно только для русских говоров и лишь немного выходит за границы России; в приграничных районах наблюдается интерференция, а на всей прочей славянской территории употребляется слово *очи*. Карта «Думает» (рис. 7) показывает резкое противопоставление восточных славян (*думать*) западным и южным (*мыслить*). Важно иметь в виду, что часто противопоставление, которое на карте выглядит абсолютным, на самом деле таковым не является, поскольку карта учитывает лишь отдельные пункты на данной территории. Слово *думать*, как свидетельствуют словари, существует и за пределами восточнославянских говоров, а в русском языке, как известно, сохраняется и слово *мыслить*. Чтобы убедиться в том, что слово *думать* не чисто восточнославянское, можно обратиться к «Этимологическому словарю славянских языков» к статье **dumati* [ЭССЯ 5: 154].

Карта «Палец» (рис. 8) показывает, что слово *палец* как обозначение любого пальца распространено у всех восточных славян, кроме некоторых украинских говоров, и большей части западных, тогда как часть западных и южные славяне употребляют слово *перст*. Слово *перст* в значении пальца более древнее (архаическое), чем *палец*, которое исконно обозначало только большой палец, и в этом значении сейчас активно употребляется у южных славян. О том, что некогда и в русских говорах использовалось слово *перст* свидетельствуют слова *наперсток* и *перстень*. На этой карте есть один хорватский пункт, в котором так же, как в русском, представлено слово *палец*, однако это говорит не о генетической близости данного хорватского говора с русскими, но о том, что в нем произошел семантический сдвиг, аналогичный русскому.

Карта «Чеснок» (рис. 9) показывает, что у всех славян сохраняются дериваты корня *чеснок*, кроме большей части южнославянских говоров, а именно части болгарских, македонских, большинства сербских и части хорватских, в которых для названия чеснока используется слово *лук* и словосочетания с ним.

На карте «Режет хлеб» (рис. 10) можно наблюдать, что у западных славян это действие обозначается глаголом *кромить*. У восточных и большей части южных используется глагол *резать*,

в котором в силу единства южных и восточных славян можно видеть наиболее старое обозначение. В центральной части южнославянского реала возникает инновация – глагол *сечь*.

Рассматривая карты, мы сталкивались с тем, что новые слова вытесняют старые, но лексическое разнообразие в славянских языках может быть связано не только с процессом обновления лексики, но и с сохранением древнего праславянского лексического многообразия. Примером древнего противопоставления славянских слов может послужить карта «Петух» [ОЛА 2000], отражающая конкуренцию названий **kokotъ* – **pětylъ* ‘петух’ (и других дериватов глагола **pěti*).

Далее мы рассмотрим вопрос, как современные границы слов должны нам помочь определить, каковы были границы расселения славян в прошлом.

О.Н. Трубачев писал: «Триумфом исследования праславянского словаря следует считать выявление в словаре следов группировок и связей, предшествующих последующей конвергенции и консолидации в существующие славянские языки» [Трубачев 1963: 168]. Современное деление на восточных, западных и южных славян – это результат позднейшего объединения, слияния, взаимодействия. Что же предшествовало этому состоянию? Как территорию славянской прародины в Центральной и Восточной Европе соотнести с современной картой распространения славянских языков? На V Съезде славистов О.Н. Трубачев предложил такую схему [Трубачев 1963: 195]:

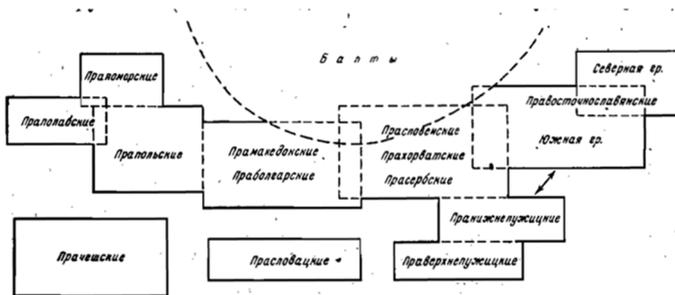

Рис. 1. Схема праславянского членения начала н. э.

Мы видим, что согласно этой схеме празападноюжнославянские говоры контактировали с пралужицкими и с правосточнославянскими, а празападнославянские говоры были связаны с правосточноюжнославянскими, прамакедонскими и праболгарскими.

Приведем примеры, которые могут служить отражением былых связей разных славянских диалектов, которые сейчас уже не контактируют.

Название грибки у южных славян восходит к праславянской форме **krišьka*, однако в хорватском чакавском говоре (согласно ОЛА) зафиксировано *krušva* (из **kruši* – **krišьve*), родственное в.-луж. *krušej* [ЭССЯ 13: 50]. В некоторых говорах на хорватской территории, в том числе также в чакавских, в качестве обозначения жирного фиксируется название *tust*, восходящее к праславянскому **tьlst*, ср. рус. *толстый*. Ту же лексему мы обнаруживаем в болгарских и в западнославянских говорах, тогда как в сербских говорах, большинстве хорватских, словенских, словацких, части болгарских и украинских говоров фиксируется лексема **mazьльнь* (ср. рус. *мазать*) (ОЛА).

Славянские названия дороги показывают, что западные южнославянские говоры в древности были тесно связаны с западнославянским ареалом, в котором в этом значении распространяется слово *cesta* (букв. «расчищенная»), потом проникшее в словенские и хорватские говоры, вытесняя оттуда слова, родственные рус. *путь*. Таким же образом в западной части южнославянской территории распространилось слово **tьjьдьнь* (пол. *tydzień*, чеш. *týden*, словен. *teden*, хорв. *tjedan*) как название недели (ср. рус. *неделя*, серб. *недеља*).

С помощью карт ОЛА можно изучать также историю языковых контактов славян на месте их нынешнего расселения с другими народами. Например, карта «Бумага» (рис. 12) показывает, что в западнославянских говорах и части южнославянских названия бумаги заимствованы из немецкого, в русском из итальянского, а в сербском частично из греческого.

Литература

ОЛА – Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 2. Животноводство. Warszawa, 2000; Вып. 4. Сельское хозяйство. Братислава, 2012; Вып. 6. Домашнее хозяйство и приготовление пищи. М., 2007; Вып. 8. Профессии и общественная жизнь. Warszawa, 2003; Вып. 9. Человек. Kraków, 2009.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1974–. Вып. 1–.

Трубачев О.Н. О составе праславянского словаря (Проблемы и задачи) // Славянское языкознание. V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963). Доклады советской делегации. М., 1963. С. 159–196.

Задания

1. Изучите карту «Лоб» в выпуске «Человек» Общеславянского лингвистического атласа.

1.1. Какие лексемы конкурируют у славян для выражения этого значения? Какой они занимают ареал?

1.2. С помощью «Этимологического словаря славянских языков» определите, насколько древними являются обе лексемы. Что нам говорит о праславянском языке наличие в современных говорах разных обозначений лба?

2. Изучите карту «Пустой, ненаполненный» в выпуске «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» Общеславянского лингвистического атласа.

2.1. Опишите изоглоссы названий данного признака. Какие крупные ареалы выделяются на основании этих названий? Как можно объяснить единство чешского и словацкого языков с южнославянскими?

2.2. На основании значений, которые лексемы *porožnij*, *пустой* и *полюй* и родственные им выражают в русском языке (см. также данные «Словаря русских народных говоров» и «Словаря древнерусского языка 11–17 вв.»), попробуйте предположить, были ли эти слова точными синонимами в праславянском или их значения чем-то отличались.

2023 год

Анна Васильевна Грасько

Из истории русско-чешских музыкальных контактов с XVIII века до наших дней

Чехия – музыкальная страна, не случайно сами чехи говорят о себе – «Что ни чех, то музыкант» (*Co Čech, to muzikant*), а первый классик чешской музыки Бедржих Сметана, закладывая краеугольный камень в фундамент Национального театра в Праге в 1868 г. объявил: «В музыке – жизнь чехов» (*V hudbě život Čechů*). Однако не всем известно, что чешская музыкальность повлияла и на развитие русской музыки, а чешско-русские музыкальные контакты стали живой связующей нитью между культурой России и Чехии. Постараемся восстановить этот музыкальный сюжет отношений двух стран.

На протяжении столетий чешская музыкальная традиция развивалась в тесном соприкосновении с традицией западноевропейской, поскольку Чешское королевство сначала входило в состав Священной Римской империи (начиная с рубежа XII-XIII вв.)¹, дальнейшая история Чехии с 1526 г. (вплоть до образования в 1918 г. независимой Чехословацкой республики) оказалась связана с владениями Австрийского дома («монархия Габсбургов»), преобразованными в 1804 г. в Австрийскую империю, а в 1867 г. – в Австро-Венгерскую монархию². Чешские музыканты, органично сочетавшие национальную и австро-немецкую музыкальную традицию, ценились в Европе как мастера камерной, а затем и симфонической музыки. Именно в качестве музыкантов-профессионалов чехов, начиная с XVIII в., стали приглашать в Россию, где после «европейских» реформ Петра I вошла в моду европейская музыка, создавались придворные и частные дворянские оркестры и капеллы. Для чешских музыкантов такое приглашение выглядело весьма привлекательным: во-первых, оно сулило большие возможности, а во-вторых, Россия была страной, к которой в Чехии испытывали симпатию как к единственному

¹ Чешский король с 1356 г. был членом коллегии курфюрстов (князей-выборщиков), следовательно избирал императора Священной Римской империи.

² См. подробнее: *Зуптан А.* Тысяча лет соседства австрийцев и чехов: взгляд из Австрии / пер. с нем. А.А. Ждановской; отв. ред. Н.Н. Станков, О.В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2021.

независимому славянскому государству. На протяжении XVIII–XIX вв. в России побывали или постоянно жили сотни чешских музыкантов, которые служили при дворе, в дворянских усадьбах, давали частные уроки и, безусловно, внесли большой вклад в развитие русской музыкальной культуры. Далеко не все имена сегодня можно восстановить, однако некоторые чехи прочно вошли в историю русской музыки, а их имена остались в различных свидетельствах.

Так, настоящей легендой стал **Ян Мареш (1719–1789)** – талантливый чешский музыкант, который обучал в Берлине игре на валторне молодого графа А.А. Бестужева, сына вице-канцлера. Именно вице-канцлер А.П. Бестужев в 1748 г. пригласил Мареша в Петербург на службу в придворный оркестр императрицы Елизаветы. Вероятно, Мареш так и остался бы придворным валторнистом, если бы не Семен Кириллович Нарышкин, егермейстер и директор театров, который однажды пригласил его в свое загородное имение на Чёрной речке под Петербургом, чтобы настроить охотничьи рога. Будучи ценителем музыки, Нарышкин также обратился к Марешу с предложением научить егерей игре на валторне, чтобы они могли исполнять несложные музыкальные номера. Однако на это нужны были годы, и Мареш предложил создать оркестр из прямых охотничьих рогов, где каждый музыкант выдувает одну ноту, а весь оркестр звучит как живой орган. Эту выдумку Нарышкин не поддержал, она казалась ему несбыточной и безрассудной, но Мареш все же начал тайно заниматься с крепостными музыкантами.

Процесс был нелегким и занял несколько месяцев. Из одного рога можно было извлечь только один звук определенной высоты и тембра, и задача Мареша состояла в том, чтобы из звуков разной высоты, которые издавали разные по величине рога, составить музыкальные фразы и аккорды. Марешу также пришлось придумать специальную партитуру и «партиции» (партии) для каждого музыканта, при этом в партиях были не ноты, а цифры и специальные значки для отсчета пауз. Когда чешский музыкант представил созданный им невиданный оркестр, Нарышкин и весь двор были восхищены, о чем свидетельствует И.Х. Гиррикс, историк-искусствовед, автор трактата о роговой музыке и друг самого Мареша: «Зашла опять речь о прежнем предмете и Его Превосходительство [Нарышкин – А.Г.] жаловался чрезвычайно на Марешову нерачность. Пошли тут многие на тот счёт насмешки. Один остряк сказал между прочим, что Мареш хочет выдумать особливую для диких зверей музыку. Мареш, шутя тут с прочими совокупно и не трогаясь нимало колкими насмешками, сказал наконец

важным и утвердительным видом: “Что вы скажете тогда, если сия музыка не имеет ни мало такой грубости, какую вы себе воображаете?”. Возродилось во всех чрезвычайное любопытство, а особливо, когда узнали, что люди собраны уже в большой манеж и готовы сыграть разные штучки. Всяк, вскоча из-за стола, спешил как можно скорее на место своего ожидания. Все поражены были чрезвычайным удивлением. Гофмаршал был тому столь обрадован, что, обнявши Мареша, не знал, как ему изъявить своё удовольствие»¹. В 1755 г. императрица Елизавета, услышав на охоте роговой оркестр, приказала устроить такой же при своем дворе, а самому Марешу назначила пожизненную пенсию. С тех пор все знатные дома в России старались иметь роговой оркестр – к концу XVIII в. только в Петербурге, кроме двух «Императорских Егерских хоров», их насчитывалось ещё девять. Роговыми оркестрами исполнялись произведения европейской классики (увертюры Гайдна, Моцарта, Глюка, торжественные фуги и кантаты), народные песни, гимны. Пожалуй, самое знаменитое выступление рогового оркестра (численностью в 300 человек) состоялось в 1791 г. в Таврическом дворце по случаю взятия Измаила на так называемом «Потемкинском празднике». Тогда впервые прозвучал полонез композитора Осипа Козловского «Гром победы, раздавайся!» (на слова Гавриила Державина), ставший неофициальным русским национальным гимном конца XVIII – начала XIX вв.

Таким образом, роговая музыка², созданная в качестве эксперимента чешским музыкантом, не только прижилась в России, но и надолго стала настоящим русским «брендом», о чем свидетельствуют восторженные отзывы о ней европейских гостей и русских деятелей культуры. Так, например, французский путешественник М. Форсия де Пилес, находившийся в Петербурге в начале 1790-х гг., писал о «волшебстве» роговой музыки, о том, что «на некотором расстоянии невозможно вообразить, что составляет такой причудливый оркестр», а

¹ *Гинрихс И.Х.* Начало, успехи и нынешнее состояние роговой музыки / Сочинено на немецком языке Иоганном Христианом Гинрихсом. - Во граде св. Петра: Печатано иждивением издателя: Тип. И.К. Шнора, 1796.

² См. подробнее об истории роговой музыки: Русская роговая музыка: история и современность / Научно-исследовательский институт образовательного регионоведения; [сост. и гл. ред. В. В. Яковлев]. Санкт-Петербург: Скрипторий, 2018; *Егоров О.Н.* Роговые сигналы в России // Охота. 2011. № 7. С. 12–13; *Финдейзен Н.Ф.* Русская роговая музыка // Очерки по истории музыки в России. Том 2, вып. 4. – М.–Л.: Государственное издательство, 1928. С. 76–92; *Штакельберг К.К.* Краткий исторический очерк роговой музыки в России. СПб., 1896. См. также инф. на сайте «Русской роговой капеллы»: [Электронный ресурс.] URL: <https://hornmusic.ru/> (дата обращения: 01.10.2025).

также о «точности музыкантов», которые «могут исполнять всякий род музыки, даже весьма сложно составленной, и испытанное ухо не распознает ни малейшей ошибки в исполнении»¹. Он также сообщал, что в оркестре Екатерины II, для составления которого требовалось три года, насчитывалось более ста рогов. При этом характерно, что слаженность, умение стать частью большого механизма, необходимые для игры на рогах получили в устах европейца иронический оттенок: «...более того, надобно то, что можно только в России найти, то есть русских, ибо мы не думаем, что где-нибудь ещё можно встретить людей, желающих в продолжение тридцати лет издавать только “до” или “ре”, и которые дошли бы до такого уровня точности, для коего, мы думаем, больше машины потребны, но не люди»². В России упоминания о роговом оркестре находим у М.В. Ломоносова, Г.Р. Державина, А.С. Пушкина, П.А. Вяземского, А.А. Дельвига. В подтверждение приведем отрывок из оды Ломоносова «На изобретение роговой музыки»:

Что было грубости в охотничьих рогах,
Нарышкин умягчил при наших берегах
Чего и дикие животны убегали,
В том слухи нежные приятности сыскали³.

Оркестр лесных рогов в том виде, в каком его создал Мареш, со значительными временными перерывами действовал до конца XIX в. – его можно было услышать еще на коронации Александра III (1883) и Николая II (1896). Однако в XX в. о роговой музыке почти забыли, а секреты игры были, казалось, безвозвратно утеряны. Только 1990-х гг. дирижер сценического оркестра Мариинского театра **Г.И. Страутман** решился возродить уникальную традицию и озвучить музейные рога, однако первая попытка воссоздать роговую музыку оказалась скорее неудачной, так как старые инструменты звучали плохо, и к тому же музей требовал вернуть их обратно. Несмотря на это, идею подхватил и продолжил валторнист **С.Н. Песчанский**⁴, который сам освоил

¹ *Форсия де Пулес М.* Прогулки по Петербургу Екатерины Великой. Записки французского путешественника. СПб., 2014. С. 298–299.

² Там же.

³ См. полный текст стихотворения в сборнике: *Ломоносов М.В.* Разные стихотворения / Сост., подгот. текста, вступ. статья и примеч. Е. Н. Лебедева. М.: Сов. Россия, 1984.

⁴ См. подробнее о С.Н. Песчанском: [Электронный ресурс.]

URL: <https://old.herzen.spb.ru/main/structure/others/russian-horn-chapel/1583498262> (дата обращения: 01.10.2025).

технологии производства музыкальных рогов и создал «Русскую Роговую Капеллу»¹. Коллектив насчитывал 15 человек, при этом каждый музыкант играл примерно на 2–5 рогах. Впоследствии были созданы и другие ансамбли – «Российский роговой оркестр» под управлением С. Поляничко и «Петербургские фанфары» под управлением В. Головешко, С.А. Ежова. Таким образом, уникальная традиция, заложенная чешским музыкантом Яном Марешем, продолжает жить и развиваться в современной русской музыкальной культуре. (Для прослушивания роговой музыки см. QR-коды или ссылки под номером 1 в конце текста).

Отдельного упоминания заслуживает история **Арношта Ванжуры (или Ванчуры, ок. 1750–1802)** – композитора, пианиста и скрипача, автора одной из первых в России опер и первых симфоний². В 1778 г. Ванжура занял пост музыкального руководителя в театре в г. Шклове (совр. Белоруссия).

Театр принадлежал графу Семену Зоричу, который одно время был фаворитом Екатерины II. Вероятно, не без ее участия Ванжура был приглашен в Петербург, где получил место придворного музыканта, а впоследствии также работал в театре при Воспитательном доме в Москве. Ванжуре принадлежит первый или, во всяком случае, один из первых³ опытов оперной музыки в России – волшебная опера в 5 действиях «Храбрый и смелый витязь Архидеич» (или «Иван-царевич») (см. QR-код или ссылку 2 в конце текста), написанная на либретто Екатерины II (в соавторстве с А.В. Храповицким).

¹ См. подробнее: [Электронный ресурс.] URL: <https://hornmusic.ru/> (дата обращения: 01.10.2025).

² Вопрос первенства всегда является спорным и неоднозначным, во всяком случае, Ванжура стоит у истоков русской придворной музыки.

³ Первой русской оперой считается опера «Цефал и Прокрис», написанная в 1755 г. композитором из Италии Франческо Доменико Арайей (который около 20 лет служил в Санкт-Петербурге придворным капельмейстером) на либретто А. Сумарокова, написанного им по мотивам эпизода из «Метаморфоз» Овидия.

Первая постановка оперы состоялась в Эрмитажном театре в 1787 г. Как отмечает А. Максимова, «сказка об Иване Царевиче, по всей видимости, была избрана императрицей не случайно и адресована ее внукам – наследникам престола»¹.

Согласно сюжету, Иван-царевич отправляется за своими похищенными сестрами, а в конце благополучно возвращается и женится на Царь-девице. Стиль либретто, по словам Максимовой, можно назвать эклектичным: «В тексте Екатерины встречаются как тяжеловесные обороты, так и живые разговорные выражения. Стихотворные разделы, составленные Храповицким, явно неоднородны: что-то он сочинил сам, а что-то взял из народных песен и стихотворений других авторов»². Можно сказать, что эклектичной была и музыка, написанная Ванжурой: «Русские песенные и танцевальные мелодии, гармонизованные средствами классической функциональной гармонии, чередуются с темами, опирающимися на европейские жанровые образцы»³. Значительное место в опере было отведено балетным сценам. При этом, как отмечают специалисты, балетные сцены, которые в XVIII в. использовались композиторами лишь в качестве развлекательных интермедий, здесь продолжали сюжет и были вовлечены в музыкальную драматургию оперы.

Особый синтетический композиторский стиль Ванжуры, который умело объединил европейскую и русскую музыкальные культуры, воплотился и в его «Русской симфонии» (1790) (см. QR-код или ссылку 3 в конце текста), где песенные мотивы пронизывают все три части. В первой части появляется песня «Что во городе было во Казани», которая послужила образцом для более поздней «Камаринской». Вторая часть основана на мелодии песни «Как у нашего широкого двора»: композитор несколько раз повторяет этот мотив. В третьей части можно услышать «Земляничка ягодка», «Белолица круглолица», «За святыми воротами» и «У речки птичье стадо». В финале симфонии обращает на себя внимание партия барабана (*tambour*), который вместе с тарелками и треугольником использовался для имитации «варварской» музыки. Как отмечают сегодня музыковеды, «музыка симфонии несколько простодушна, но

¹ Максимова А. «Ахриденч» – опера-сказка Эрнеста Ванжуры на либретто Екатерины II. // OPERA MUSICOLOGICA. № 4 (14). 2012. С. 34.

² Там же.

³ Там же: с. 41.

подкупает искренностью и остроумием»¹. Отметим, что ценность опыта Ванжуры состоит еще и в том, что в 1798 г. переработанная им «Русская симфония», напечатанная вместе с двумя другими его сочинениями, стала первой публикацией в симфоническом жанре в России². Сегодня музыка Ванжуры не забыта, к ней обращается, например, московский оркестр исторической музыки Pratum Integrum³.

Знаменательный след в истории русской музыки оставил также **Иван (Ян Богумир) Прач** (середина XVIII в. – 1818)⁴, подготовивший совместно с Н. Львовым «Сборник русских народных песен для голоса и фортепиано» (1790), известный многим по программе музыкальной школы. Мелодии песен, вошедшие в сборник, были не раз использованы русскими композиторами: они звучат в операх М. Мусоргского, Н. Римского-Корсакова, М. Глинки. Кроме того, как утверждают музыковеды, благодаря этому сборнику русские народные музыкальные темы начали появляться и в творчестве европейских композиторов: у Россини – в финале оперы «Севильский цирюльник», в кантате «Аврора»; у Бетховена – в квартетах, соч. 59 № 1 и 2, посвященных Разумовскому.

В XIX в. русско-чешские музыкальные контакты продолжали расширяться, достигнув своего пика в 1860–1890-е гг. В это время они уже носили в полной мере двусторонний характер: не только чешские музыканты приезжали в Россию, но и русская музыка стала звучать в Чехии. Так, например, с Чехией связаны первые европейские премьеры опер М.И. Глинки «Жизнь за царя» и «Руслан и Людмила» которые прошли в Праге в 1866 и 1867 гг. под руководством М.А. Балакирева. Обе оперы были приняты восторженно, вырезки из пражских газет Балакирев посылал известному музыкальному критику В.В. Стасову, который на их основе освещал в петербургской прессе это значимое событие. Отметим, что интерес к музыке Глинки был обусловлен также чешским национальным подъемом: в русском

¹ Демченко А.И. «Некошенный луг» русской музыки XVIII века // Манускрипт. №12. 2021. [Электронный ресурс.] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekoshenny-lug-russkoj-muzyki-xviii-veka> (дата обращения: 03.09.2025).

² См. [Электронный ресурс.] <https://pratum.ru/xviii/wanczura.html> (дата обращения: 01.10.2025).

³ См. подробнее об оркестре: [Электронный ресурс.] <https://pratum.ru/events/index.html> (дата обращения: 01.10.2025).

⁴ См. подробнее: *Сербин П.Г.* Смирнов А.В. Композитор Иван Прач и его инструментальная музыка. [Электронный ресурс.] URL: https://nv.mosconsrv.ru/sites/default/files/pdf/2022_1_Serbin_Smirnov_116-149.pdf (дата обращения: 05.09.2025).

композиторе видели выдающегося представителя славянской музыкальной культуры. Как писал В.В. Стасов в статье «Чехи и русская опера», «представление русских опер на чешской сцене казалось многим патриотам чешским даже чем-то вроде политического события, началом тесного единения славянских племен...»¹. Характерно, что даже и после отъезда Балакирева музыка Глинки продолжала звучать в Чехии. В 1871 г. состоялась пражская премьера «Арагонской хоты» под управлением **Бедржиха Сметаны**, в 1870-х годах он дирижировал также музыкой к «Князю Холмскому» и «Камаринской».

Русским ответом на чешское гостеприимство стала постановка оперы Б. Сметаны «Проданная невеста» на сцене Мариинского театра в 1871 г. (под управлением Э. Направника). Для чешского композитора, которого называли «чешским Глинкой», это также была первая зарубежная постановка его оперы. При этом общественный прием, оказанный «Проданной невесте», был очень горячим, о чем свидетельствует телеграмма, посланная Сметане в тот же вечер Йозефом Палечком, участвовавшим в спектакле: «Огромный успех “Невесты”. Увертюра – каждая часть встречена аплодисментами. Полька повторялась... цены поднялись, переполнено, мой бенефис, венки, в пятницу – повторение. Слава Вам...»². Сам Сметана писал об этой постановке как о «неожиданном счастье», и, в свою очередь, не раз исполнял в Чехии произведения русских композиторов.

Любопытный эпизод чешско-русских музыкальных контактов связан со Славянским съездом 1867 г., прошедшим в Петербурге. В рамках съезда 12 мая в зале Городской Думы состоялся концерт, получивший название «Всеславянского». Его главным организатором выступил **М.А. Балакирев**, который в числе других сочинений представил увертюру на чешские темы «В Чехии» (см. QR-код или ссылку 4 в конце текста), законченную им после возвращения из Праги. В ее основу были положены мелодии моравских свадебных песен. Сочинение произвело впечатление на современников, так, например, А.П. Бородин писал: «Благодарю Вас, голубчик Милей Алексеевич, за весточку. Я так было увлекся вашей чешской темой, что захотел писать Вам по-чешски, меня остановило только незнание чешской грамоты. Зато увлечение мое этою темою выразилось в другой форме:

¹ Стасов В.В. Чехи и русская опера // В. Стасов. Избранные статьи о музыке. Л.-М., 1949. С. 157.

² Цит. по: [Электронный ресурс.] URL: <https://www.bol-theatre.su/recs/id97/>(дата обращения: 05.09.2025).

я предпринял ряд вариаций (на присланную тему) [...] Посылаю Вам для образца одну из 60 вариаций, наиболее блестящую и, по моему убеждению, наилучшим образом передающую характер чешской музыки. От души желаю, чтобы моя чешская вариация преследовала вас повсюду так, как меня преследует ваша тема»¹. Среди чешских делегатов на концерте присутствовали Йозеф Манес и Карел Эрбен, которые на память о пражской постановке «Руслана и Людмила» подарили Балакиреву дирижерскую палочку слоновой кости. На ней были вырезаны имена Пушкина и Глинки. Позднее сочинение Балакирева было издано в Германии на чешском языке. Интересно, также, что чешский ежемесячник «Přokroková revue» намного позднее в 1906 г. отмечал по этому поводу, что публикация Балакирева стала исключением, поскольку до этого все чешские композиторы издавались на немецком или французском: «Балакирев так превзошел Дворжака и всех современных композиторов, издающих свои произведения в Германии [...] Он нам добыл право использовать в публикациях чешских произведений в Германии чешский язык, и не только на обложке, но и в заголовках. Что удалось в Германии ему, русскому, удастся, конечно, и чешским творцам, если приложить добрую волю и немного национальной осознанности во славу чешского языка»².

В 1888 г. в Праге произошло знакомство двух великих славянских композиторов – **П.И. Чайковского** и **А. Дворжака**. Чехи уже хорошо знали музыку Чайковского – в июне 1882 года в Праге была осуществлена постановка его оперы «Орлеанская дева», ставшая зарубежной премьерой, были известны и многие симфонические произведения Чайковского. Не удивительно, что в Праге композитору приготовили самый теплый прием, о котором Чайковский писал в своем дневнике: «На вокзале масса людей, депутаций, дети с букетами, две речи: одна на русском, другая, длинная, по-чешски; я отвечал. Шел к коляске среди двух стен публики и криков “слава!”»³. По

¹ Психология музыкального искусства в портретах / [Бриль И.М. и др.; науч. ред. Н.Л. Нагибина]. Москва: Изд-во ИДР, 2010. Ч. 2. 2010. С. 33–34.

² Přokroková revue: měsíčník pro politiku, národohospodářství a život kulturní. Rok vydání 1905-1906. Č. 12. Datum vydání 27.9.1906. S. 769–770. [Электронный ресурс.] URL: <https://kramerius5.nkp.cz/view/uuid:a454a358-1625-497b-ae26-7a70e518fb2c?page=uuid:39e955a0-1dc7-11e7-8006-005056822549&fulltext=Co%20podařilo%20se%20v%20Německu%20jemu.%20Rusovi> (дата обращения 04.09.2025).

³ См.: Репина О. Я рад и счастлив, что приобрел вашу драгоценную дружбу. Петр Ильич Чайковский и Антонин Дворжак [Электронный ресурс.] URL:

приглашению общества «Умнелецка беседа» (Umělecká beseda) Чайковский должен был дирижировать в двух концертах, составленных из его собственных сочинений. За неделю до первого концерта в Национальном театре русскому композитору был представлен Антонин Дворжак. В дневнике 14 февраля Чайковский пишет: «Обед у Дворжака. Жена его простая, симпатичная женщина и отличная хозяйка. [...] В Умнелецкой беседе. Слава Богу, без речей обошлось. Играли [...] квинтет Дворжака. Последний со мной очень мил, и квинтет его мне очень нравится»¹. На концерте 19 февраля Чайковский дирижировал увертюрой-фантазией «Ромео и Джульетта», «Первым концертом для фортепиано с оркестром» (солировал русский пианист А. Зилоти), «Концертом для скрипки с оркестром» (солист – чешский скрипач К. Галирж) и увертюрой «1812 год». На следующий день была исполнена «Струнная серенада», звучали фортепианные пьесы и показан второй акт балета «Лебединое озеро». В дневнике Чайковский отмечает, что концерты имели огромный успех и принесли ему «минуту абсолютного счастья». После концерта 19 февраля был устроен торжественный банкет, на котором Чайковский произнес речь на чешском языке: не зная чешского, но, желая сделать приятное своим почитателям, Чайковский прочитал речь, записанную русскими буквами. Чайковский был необыкновенно тронут радушием пражан, но из скромности приписывал интерес и любовь к своей музыке не собственному композиторскому таланту, а добрым чувствам чехов к России: «После оперы ужин в гостинице. Вчера утром посещение Дворжака, который сидел у меня два часа; поездка по городу и осмотр некоторых достопримечательностей [...]. Очевидно, мое пребывание здесь имеет не тот смысл, что я хороший композитор вообще, а что я „русский“ композитор»². И очень похожая мысль в дневнике: «Я очень полубил этих добрых чехов. Да и есть за что!!! Господи! Сколько было восторгу, и все это не мне, а голубушке России»³. Второй приезд Чайковского в Прагу для дирижирования премьерой оперы «Евгений Онегин» состоялся в ноябре 1888 г. Несмотря на то, что Чайковский отмечал ряд неточностей, допущенных при постановке (например, Татьяна и Ольга выходят не из русского помещичьего дома, а из роскошного палатца в стиле возрождения), постановка была удачной,

<https://ruslo.cz/index.php/nauka/item/662-ya-rad-i-schastliv-cto-priobrel-vashu-dragotsennuyu-druzhbu-petr-ilich-chajkovskij-i-antonin-dvorzhak> (дата обращения 04.09.2025).

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

и сам композитор особенно отметил исполнительницу партии Татьяны – Берту Ферстер-Лаутерер (жена чешского композитора Йозефа Богуслава Ферстера). В письме Ю.П. Шпажинской (от 26 ноября/8 декабря 1888 г.) он пишет: «Третьего дня дали “Онегина”. Исполнение было мало того, что хорошее, но в некоторых отношениях просто превосходное. О такой Татьяне, как пражская, я никогда и мечтать не мог. Овациям не было конца»¹. В письме к великому князю Константину Константиновичу (от 1/13 декабря 1888 г.) находим ту же мысль: «Что касается пения и игры, то безусловно лучше всех была Татьяна. Я даже могу смело и решительно сказать, что подобной исполнительницы этой партии никогда не было ни в Петербурге, ни в Москве. Она точно создана для Татьяны...»².

В благодарность Чайковский взял на себя организацию ответного визита Антонина Дворжака в Россию. Выступления Дворжака состоялись в 1890 г. в Москве и Санкт-Петербурге. В московском концерте прозвучали: «Пятая симфония», Adagio из «Серенады для духовых инструментов», «Скерцо-капричиозо», «1-я Славянская рапсодия» и «Симфонические вариации». После концерта земляки композитора, жившие в Москве, чествовали его в «Славянском базаре». Поездка Дворжака в Петербург также была очень успешной, музыкальная общественность Петербурга отметила «талантливость и оригинальность» чешского композитора, и Россию Дворжак покидал с титулом «самого выдающегося из славянских композиторов Запада»³.

В 1869 г. в состав профессуры Московской консерватории вошел чешский скрипач **Фердинанд Лаубе (1832–1875)**, которого приветствовал П.И. Чайковский. Вслед за ним профессором Московской консерватории стал чешский скрипач и педагог **Ян Гржимали (1844–1915)**, который считается одним из создателей российской скрипичной школы. Гржимали оставался профессором консерватории в течение 40 лет и воспитал немало русских музыкантов, у него учился, например, Р.М. Глиэр. Упоминание о чешском музыканте мы находим и в поэме А. Белого «Первое свидание»:

Мои мистические дали
Смычком взвивались заливым,
Смычком плаксивым и родным –
Смычком профессора Гржимали⁴.

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ См. полный текст поэмы: *Белый А.* Первое свидание. поэма. Алконост. Петербург. 1921.

С именами чешских дирижеров и композиторов также тесно связана история главных русских театров – Большого и Мариинского. В качестве дирижера Большого театра долго и плодотворно работал **Вячеслав Сук (1861–1933)**. История Мариинского театра связана с именем чешского композитора и дирижера **Эдуарда Направника (1839–1916)**, который приехал в Россию 1861 г., и служил в качестве капельмейстера домашнего оркестра у известного мецената князя Н.Б. Юсупова. Дирижером главного императорского театра он стал по воле случая, который описывает в своей статье, посвященной биографии музыканта, искусствовед Е. Ключникова: «Направник присутствовал в качестве зрителя на спектакле «Руслан и Людмила» в сезоне 1862/1863 годов, однако опера не начиналась, так как отсутствовал исполнитель фортепианной партии. Концертмейстер оркестра И. Х. Пиккель, с которым Направник до этого музицировал в домашних салонах, увидев Направника и зная его как прекрасного пианиста, указал на него растерявшемуся дирижеру К.Н. Лядову. Направник сел в оркестр и с листа исполнил фортепианную партию. Это и послужило поводом для приглашения его в Мариинский театр в 1863 г.»¹ Направник общался со всеми самыми известными музыкантами своего времени – от П.И. Чайковского до Ф.И. Шаляпина, при его содействии были включены в репертуар «Князь Игорь» Бородин и «Борис Годунов» Мусоргского. Он поднял планку качества в исполнительском искусстве и воспитал не только музыкантов, но и публику, внушив ей новые критерии оценки. Можно сказать, что он был одним из тех, кто создавал такой мировой бренд, как «русская исполнительская школа», утвердившийся к концу XIX века. Князь С. М. Волконский, бывший директором Императорских театров с 1899 по 1901 гг., сказал про него: «Направник – это семь дней творения», подчеркивая тем самым, что из хаоса он создал прекрасную оперную труппу². Вскоре после смерти маэстро журнал «Музыкальный современник» писал: «Только благодаря властному воспитательному воздействию той школы, сквозь которую Направник провел всю оперную организацию Мариинского театра, мы имеем право говорить о нашей сцене как об одной из первых в Европе»³.

Отметим, что Направник был не только талантливым дирижером, организатором и музыкантом, но и композитором, использовавшим

¹ Ключникова Е. Генерал Мариинки. К 180-летию со дня рождения дирижера, композитора и общественного деятеля Эдуарда Францевича Направника. [Электронный ресурс.] URL: <https://muzlifemagazine.ru/general-mariinki> (дата обращения: 04.09.2025).

² Там же.

³ Там же.

русские темы. Первую оперу «Нижегородцы» он написал, воссоздавая национально-патриотическую модель оперы Глинки «Жизнь за царя». А последующие – под влиянием кумира эпохи – Чайковского (опера «Дубровский» и др.) Помимо пяти опер он написал большое количество музыки в разных жанрах: трио, квартеты, колыбельные, романсы (особенно много на стихи Пушкина и Лермонтова), торжественная «Кантата для хора и оркестра по случаю 25-летия царствования государя Императора Александра II», «Русская фантазия для фортепиано и оркестра», «Кадриль на русские песни», кантата «Москва»¹.

Отметим также, что большую роль чешские музыканты играли в интернациональном русском городе Одессе, где, например, с 1840 г. жил и работал известный чешский пианист **Игнац Амадей Тедеску (1815–1882)**, который стал педагогом Розалии Кауфман (1868–1939), талантливой пианистки и матери Б. Пастернака.

В XX в. русско-чешские культурные контакты переживали различные этапы, их качество и количество во многом зависело от менявшихся политических обстоятельств, однако музыкальные связи никогда не прерывались. В 1910-х гг. Сергей Танеев гастролировал по ряду стран Европы вместе с Богемским квинтетом и посвящал ему свои произведения («Квинтет соль минор», «Четвертый квартет ля минор»). В 1912 г. в Праге состоялся «Большой русский концерт», где в первый день была исполнена картина из второй части оперы Танеева «Орестея» и «Концертная фантазия для фортепиано с оркестром» Чайковского, а на другой день – «Симфония до минор» и «Прометей» из хорового цикла Танеева на стихи Якова Полонского, исполненный хором общества пражских учителей. Интересным фактом является и то, что во время этих гастролей хоровое общество пражских учителей попросило Танеева написать для своих концертов новое сочинение. В результате в 1913 г. появились 16 хоров а capella для мужского хора на стихи К. Бальмонта, Op. 35. (№ 1. «Тишина»; № 2. «Призраки»; № 3. «Сфинкс»; № 4. «Заря»; № 5. «Молитва»; № 6. «В пространствах эфира»; № 7. «И сон и смерть»; № 8. «Небесная роса»; № 9. «Мертвые корабли»; № 10. «Звуки прибора»; № 11. «Морское дно»; № 12. «Морская песня»; № 13. «Тишина»; № 14. «Гибель»; № 15. «Белый лебедь»; № 16. «Лебедь»).

С Россией был также связан легендарный чешский композитор, классик первой трети XX в. – **Леош Яначек (1854–1928)**. В 1896–1915 гг. он руководил «Русским кружком» (1896–1915) в г. Брно,

¹ Там же.

в 1896 и 1902 гг. сам приезжал в Россию. Как и М.П. Мусоргский, Яначек стремился с помощью речевых интонаций раскрыть в своих музыкальных сочинениях душевный мир, характер человека, считая, что «ни один артист ни на одном инструменте не сможет так правдиво раскрыть свою душу, как человек музыкой своей речи»¹. Сопrotивляясь влиянию позднего немецкого романтизма на чешскую музыку, Яначек во многом опирался на русское искусство и, кроме того, положил начало широкому обращению чешских композиторов к русской литературе: ему принадлежит симфоническая рапсодия «Тарас Бульба» (1918); опера «Катя Кабанова» по драме А.Н. Островского «Гроза» (1921); опера «Из мёртвого дома» по мотивам повести Ф.М. Достоевского (1928); «Фортепианное трио» (1909) и «Струнный квартет» (1923), навеянные «Крейцеровой сонатой» Л.Н. Толстого, которого Яначек называл «учителем жизни». Сохранились также эскизы Яначека к опере «Анна Каренина».

В 1920–1930-е гг. в уже независимой Чехословакии по-прежнему существовал интерес к русской музыке, в репертуар чешских театров включались русские классические оперы («Князь Игорь», «Борис Годунов», «Хованщина», «Царская невеста», «Сказание о граде Китеже»), появлялись и чешские произведения с русской темой – уже упомянутые произведения Л. Яначека, опера О. Острчила «Королевство Гонзы» (1934) по сказке Л.Н. Толстого, опера О. Еремиаша «Братья Карамазовы» (1927) по роману Ф.М. Достоевского. Сближению чешской музыкальной культуры с культурой СССР способствовал чешский культурный деятель, критик Зденек Неедлы, автор книги «Советская музыка» (1937), вокруг которого объединились музыканты, композиторы и музыкальные критики, интересовавшиеся советским музыкальным искусством. В 1934 г. Прагу посещал С.С. Прокофьев, в 1936 г. – Государственный хор под руководством А.В. Свешникова, в 1937 г. – «Краснознамённого им. А.В. Александрова ансамбля песни и пляски Советской Армии».

¹ Цит. по: *Симакова Н.А.* Чешская музыка // Музыкальная энциклопедия, 1973–1982 гг. [Электронный ресурс.] URL: <https://www.belcanto.ru/cheshskaya.html> (дата обращения: 04.09.2025).

Особой страницей в русско-чешских культурно-музыкальных контактах стала музыка первого отдельного чехословацкого пехотного батальона Л. Свободы, сформированного в СССР в 1942 г. и воевавшего

на русско-германском фронте с 1943 г.¹ Символом военной службы чешского подразделения стал военный марш «Направление Прага» (Směr Praha) (см. QR-коды или ссылку 5 в конце текста), который был создан чешскими военными музыкантами зимой 1942 г. Характерно, что слова были написаны Яном Марешем, полным тезкой того самого Мареша, создателя рогового оркестра в XVIII в. Музыку для марша написал Эрвин Томан, в ней нашли отражение и чешские песенные лирические мотивы и торжественная маршевость, отсылающая к гуситским гимнам (не случайно в песне есть такие строчки: «с потомками славных русских богатырей/ внук гусита идет бок о бок вперед»), военной музыке и революционным песням².

После окончания войны и вхождения Чехословакии в соцлагерь в 1948 г. русско-чешские контакты продолжились: происходил концертный обмен, взаимные постановки, регулярные гастроли музыкантов. При этом активное взаимодействие происходило не только в классической, но и в эстрадной музыке. Так, настоящей легендой советской сцены стал чешский эстрадный певец **Карел Готт (1939–**

2019), чьи виниловые пластинки на русском языке издавались миллионными тиражами, популярной также была **Хелена Вондрачкова** (р. 1947)³. Интересен и такой эпизод: 12 апреля 1961 г. через несколько часов после старта космического корабля

¹ См. подробнее о создании формирования и его деятельности на фронте:

(1) <https://cyberleninka.ru/article/n/chehoslovatskaya-voinskaya-chast-l-svobody-na-territorii-sssr-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-orenburgskiy-etap/viewer>

(2) <https://cyberleninka.ru/article/n/chehoslovatskie-voinskie-chasti-v-sssr-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-politicheskie-i-pravovye-problemy-formirovaniya-i/viewer>

(3) https://www.vhu.cz/wp-content/uploads/2020/12/rok-2013_2-web.pdf

См. также фильм «Чехословацкое формирование перед отправкой на фронт в 1943 г.»: <https://www.youtube.com/watch?v=bxyLHfDsNJ0>

² Полный текст на чеш. яз. см.: [Электронный ресурс.] URL: http://budovatel.cz/pisen.phtml/smer_praha (дата обращения: 05.09.2025).

³ Оба эти исполнителя вошли в сборник песен советских и чехословацких поп-исполнителей, выпущенный фирмой «Мелодия» в 1979 г.: «Прага-Москва – Советская и Чехословацкая Эстрада».

«Восток» чешский джазовый и эстрадный музыкант **Густав Бром** и его оркестр записали песню «Добрый день, майор Гагарин» (слова – Павел Пацл, музыка – Яромир Гниличка), которая сразу стала шлягером, а в 1963 г. на «Голубом огоньке» в Москве ее исполнила чешская певица **Габриэлла Германи** (см. QR-код или ссылку 6 в конце текста).

Характерной особенностью советского периода чешско-русских отношений являлась, конечно, определенная идеологическая синхронизация. Так, например, по образцу Союза композиторов в СССР, в 1949 г. был создан Союз чехословацких композиторов, существовавший до 1970 г., а музыке было также задано официальное направление соцреализма, которое проявились в развитии жанров кантаты и массовой песни, посвящённых строительству новой жизни (например, кантата В. Добиаша «Строй родину – укрепишь мир» (1950) на слова Ф. Галаса, кантата Я. Капра «В Стране Советов», оратория-кантата Я. Сейделя «Люди, будьте бдительны» на текст Ю. Фучика, «Песня пятилетки» Э.Ф. Буриана, песни Й. Станислава и др.). Общей оказалась и сложная история принятия джаза и рок-н-рола, возникновение подпольной альтернативной музыки¹, параллельно в СССР и Чехословакии появилась традиция бардовской песни с характерными для нее соединением лиризма, юмора и политической сатиры (творчество Карела Крыла др.).

В XXI в. русско-чешские музыкальные связи продолжились и стали важной частью культурной дипломатии: большой музыкальный обмен происходил при поддержке посольства Российской Федерации в Чехии и Чешского культурного центра при посольстве Чехии в Москве. Крупным событием в 2017 г. стал гастрольный тур по Чехии «Ансамбля песни и пляски Российской армии имени А.В. Александрова». В 2020 г. состоялся концерт русской музыки на XXI-ом международном фестивале «Чешские музыкальные контакты» в Народном доме в Праге, где ведущий фестиваля М. Матейка напомнил об истории русско-чешских музыкальных контактов. Сегодня в театрах и концертных залах Чехии продолжают ставить русские оперы, балеты, исполнять русскую музыку. Так, например, в репертуар Национального театра в Праге сегодня входят балеты Прокофьева «Золушка», «Ромео и Джульетта», а также балеты Чайковского «Лебединое озеро», «Щелкунчик». В России также продолжает звучать чешская

¹ См. подробнее чешский источник: [Электронный ресурс.]
URL: https://is.muni.cz/th/b1f5s/Sovetska_a_ceskoslovenska_neoficialni_hudba.pdf (дата обращения: 05.09.2025).

классическая музыка (наиболее популярны А. Дворжак, Б. Сметана, Л. Яначек), осуществляются постановки любимой русскими слушателями оперы А. Дворжака «Русалка»: в 2017 г. в театре оперы и балета г. Екатеринбург под руководством чешского режиссера Томаша Пилара, в 2019 г. – в Большом театре в Москве под руководством режиссера Тимофея Кулябина.

Особое место в современных чешско-русских музыкальных контактах занимает творчество барда **Яромира Ногавицы**, одного из самых популярных и любимых чешских певцов последнего двадцатилетия, который исполняет по-чешски песни Б. Окуджавы, В. Высоцкого, а также сочиняет песни с русской тематикой (например, песня «Петербург» и др.). В России чешские песни Ногавицы, а также его чешские переводы русских песен исполняет во время своих камерных концертов бард **Максим Кривошеев**, поклонник творчества Ногавицы.

Отметим так же, что инициатором изучения и поддержания русско-чешской музыкальной традиции взаимного обмена в Чехии является председатель Чешской ассоциации русистов (МАПРЯЛ) **Иржи Клапка**, неоднократно приезжавший в Россию и дававший камерные лекции-концерты с характерным чешско-русским репертуаром, а также сопровождавший в 2017 г. в Чехии «Ансамбль Александра». Именно Клапка предпринял попытку напомнить о забытых фактах музыкальных контактов в предисловии к двуязычному русско-чешскому сборнику «Песни Чехословакии» (*Písňě Āeskoslovenska*)¹, а также составил уникальный «Песенник русских песен» (*Zpěvník ruských písni*)², объединивший русские народные, военные, казачьи, трудовые, городские песни, романсы и песни советского времени.

Литература

Бэлза И.Ф. История чешской музыкальной культуры: В 3 т. / [Акад. наук СССР. Ин-т истории искусств]. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1959.

Гулинская З.К. Бедржих Сметана. Москва: Музыка, 1968.

Егорова В.Н. Антонин Дворжак / В.Н. Егорова; [Гос. ин-т искусствознания М-ва культуры Рос. Федерации. Отд. искусства стран Центр. Европы]. М.: Музыка, 1997.

¹ *Klapka J.* Písňě Āeskoslovenska. Slovensko-Āeský klub, 2018.

² *Zpěvník ruských písni.* Pesennik. Sestavili Jiří Klapka, Klaudia Eibenová. Āeská asociace rusistů a ALBRA, spol. s r. o., Praha, 2014.

Коган С.М. Дирижер И. В. Пржибик и Одесский оперный театр. Одесса, 2002.

Максимова А.Е. «Ахридеич» – опера-сказка Эрнеста Ванжуры на либретто Екатерины П. // OPERA MUSICOLOGICA. № 4 (14). 2012. С. 25–73.

Направник Э.Ф. Автобиографические, творческие материалы, документы, письма / Сост., авт. вступ. статьи и примеч. Л. М. Кутателадзе; Под ред. Ю.В. Келдыша; Гос. науч.-исслед. ин-т театра, музыки и кинематографии. Ленинград: Музгиз, 1959.

Руденко В.И. Вячеслав Иванович Сук. М.: Музыка, 1984.

Русская роговая музыка: история и современность / Научно-исследовательский институт образовательного регионоведения; [сост. и гл. ред. В. В. Яковлев]. Санкт-Петербург: Скрипториум, 2018.

Чешская музыка как национальное и европейское явление Межвуз. сб. тр. сов. и чехосл. музыковедов / [Сост. и отв. ред. Г. Г. Фельдгун]. Новосибирск: НГК, 1987.

Композиции для прослушивания

1. Русская роговая музыка:

Концерт Российского рогового оркестра: https://vkvideo.ru/video-33576030_456242760

Российский роговой оркестр – «Марш Преображенского полка»

https://vkvideo.ru/video-177798452_456239040?ref_domain=yastatic.net

Российский роговой оркестр – И.С. Бах «Шутка»:

https://vkvideo.ru/video-4604811_456239350?ref_domain=yastatic.net

Российский роговой оркестр и Аркадий Шилклопер (валторна) – Дж. Каччини «Ave Maria»: https://vkvideo.ru/video-81250_456239062?ref_domain=yastatic.net

2. Анс. Вл. Хробыстова – увертюра А. Ванжуры к опере «Храбрый и смелый витязь Архидеич» («Иван-царевич»): https://youtu.be/tT29gIn6p_M?si=5VBFIPggkjkjknw

3. Оркестр Pratum Integrum – А. Ванжура «Русская симфония»

<https://www.youtube.com/watch?v=30Ci822T9NQ>

4. Государственный симфонический оркестр СССР – М.А. Балакирев увертюра на чешские темы «В Чехии»:

https://vkvideo.ru/video-79991177_456239612?ref_domain=yastatic.net

5. Военный марш «Направление Прага»:

По-чешски: https://vkvideo.ru/video-170668113_456239031?ref_domain=yastatic.net

По-русски: https://vlast.cz/soubory/nahrane/Smer_praha.mp3

6. Габриэла Германи – песня Г. Брома «Добрый день, майор Гагарин»:

https://vk.com/video-49280571_164737360

Задание 1

Соотнесите имена композиторов и их произведения:

1) М.И. Глинка	а) «Русская симфония»
2) Б. Сметана	б) Опера «Евгений Онегин»
3) А. Дворжак	в) Опера «Руслан и Людмила»
4) П.И. Чайковский	г) Опера «Катя Кабанова»
5) Л. Яначек	д) Опера «Русалка»
6) С.И. Танеев	е) Опера «Проданная невеста»
7) А. Ванжура	ж) 16 хоров а capella для мужского хора на стихи Константина Бальмонта, Op.3

Задание 2

Соотнесите имена и портреты композиторов и исполнителей: П.И. Чайковский, К. Готт, А. Дворжак, Б. Сметана, М.А. Балакирев, Л. Яначек, Я. Ногавица, М.И. Глинка. Вспомните, какие творческие отношения их связывали.

1.

2.

3.

4.

5.

6.

7.

8.

**О славянских текстах, записанных еврейским письмом
(XIII–XX вв.)¹**

1. Введение

Евреи, расселявшиеся из Палестины по различным территориям начиная с первого тысячелетия нашей эры, переходили на местные языки, но продолжали использовать мёртвые семитские языки (древнееврейский и арамейский) в богослужении и в религиозной литературе. Однако переписчики, редакторы и составители включали в древнееврейские и арамейские тексты пояснительные **гlossы**² на том живом разговорном («вернакулярном») языке, которым они владели.

В средневековой Европе евреи часто подвергались гонениям со стороны христианской церкви и светских властей, поэтому зачастую единственной возможностью получения образования для них было духовное образование в еврейских общинах. В результате этого сложилась социолингвистическая ситуация, когда владение древнееврейской письменностью было более распространено, чем владение локальной (например, латиницей). Кроме того, необходимо отметить, что еврейская азбука воспринималась как священная, а её использование – как маркер религиозной и культурной идентичности. Эти факторы привели к тому, что древнееврейский алфавит мог использоваться для записи любого языка, на котором говорили члены той или иной еврейской общины (в том числе и славянских языков, о которых пойдёт речь в настоящей работе).

Древнееврейское письмо происходит от финикийского³ и является консонантным, то есть в нём изначально отсутствовали буквы для записи гласных звуков, за исключением двух символов, которые в зависимости от контекста могли обозначать как согласные, так и долгие гласные звуки⁴. В раннем Средневековье была разработана

¹ Авторы благодарят редакторов сборника и А.И. Гриценко за ценные замечания к тексту.

² Хотя в литературе обычно используется термин *гlossы*, точнее было бы называть это иноязычными вкраплениями или переключением кодов, см. [Geller 2013].

³ Точнее: от арамейского, которое само происходит от финикийского. Не следует путать древнееврейское письмо с т. н. палеоеврейским, которое произошло непосредственно от финикийского и использовалось для записи добиблейского и раннебиблейского иврита. Оно вышло из активного употребления уже в V веке до н. э.

⁴ Такие буквы традиционно называются *matres lectionis*, т. е. ‘матери чтения’ в переводе с латыни.

система **огласовок** (т. наз. *никуд* תִּקּוּד или *некудот* לִּיקּוּט – буквально ‘точки’) – диакритических знаков для обозначения гласных звуков (а также для различения некоторых согласных звуков, которые записываются одной и той же буквой), но её использование не было обязательным и зависело от нужд конкретного автора и текста. Таким образом, при записи несемитских языков (в том числе и славянских) с помощью еврейского письма функционал некоторых знаков расширялся или изменялся с целью передачи звуков, отсутствовавших в древнееврейском, а также однозначного обозначения гласных. В конечном итоге это привело к возникновению полноценного фонетического алфавитного письма, которое по сей день используется для записи языка идиш (наряду с латиницей).

Несмотря на то, что древнееврейский и арамейский языки в эпоху Средневековья уже не были в полном смысле этого слова живыми разговорными языками¹, они всё ещё претерпевали звуковые изменения: литургическое произношение изменялось под влиянием местных разговорных языков, поэтому возникло несколько разных традиций произношения священных языков. Чтение конкретного знака в местной традиции закреплялось за ним и впоследствии определяло его использование при записи соответствующего вернакулярного языка. Несколько упрощая, можно сказать, что к XIII веку среди евреев Центральной Европы установилось так наз. ашкеназское² произношение, ставшее впоследствии основой орфографической системы идиша и того, что в литературе называется кенаанским языком (см. следующий раздел).

В таблице ниже приведён древнееврейский алфавит с современными названиями знаков, их чтением в некоторых еврейских языковых традициях (научная реконструкция древнееврейской фонетики; средневековое ашкеназское произношение; идиш – всё символами Международного фонетического алфавита) и используемой нами латинской транслитерацией. Серым обозначены буквы, которые могут обозначать гласные звуки; советуем обратить внимание на их многозначность.

¹ По этому дискуссионному вопросу см., например, статью [Полян 2014].

² В Средневековье различные европейские территории отождествлялись евреями с упоминаемыми в священных книгах землями и родами. Германоязычные народы к востоку от реки Рейн ассоциировались с родом ветхозаветного персонажа Ашкеназа. Действительная история средневековых еврейских систем произношения несколько более сложна; об особенностях этих традиций, их локализации и некоторых спорных вопросах их изучения см., например, [Katz 1993; Morag 2007; Грищенко 2015].

транслит.	идиш	ашкеназск.	др.-евр.	буква	назв.
∅ / a / <i>ā</i> ¹	[a] / [o]	∅	[ʔ]	א	алеф
b / v	[b] / [v]	[b] / [v]	[b] / [β]	ב	бет
g	[g]	[g]	[g] / [ɣ]	ג	гймел
d	[d]	[d]	[d] / [ð]	ד	далет
h	[h]	[h]	[h]	ה	hey ²
o / u / v	[u] / [v]	[o] / [u] / [v]	[o] / [u] / [w]	ו	вав
z / ž	[z]	[z]	[z]	ז	зайн
x	[χ]	[χ]	[ħ] / [χ]	ח	хет
t	[t]	[t]	[tʰ]	ט	тет
e / i / y / <i>ē</i> / <i>ā</i> ³	[j] / [i]	[j] / [i] / [e]	[j] / [i] / [e]	י	йод
x	[k] / [χ]	[k] / [χ]	[k] / [x]	כ \ 4ק	каф
l	[l]	[l]	[l]	ל	ламед
m	[m]	[m]	[m]	מ \ מ	мем
n	[n]	[n]	[n]	נ \ נ	нун
s	[s]	[s]	[s]	ס	самех
e / <i>ā</i>	[e]	∅	[ʕ]	ע	айн
p / f	[p] / [f]	[p] / [f]	[p] / [f]	פ \ פ	пей
c / č	[tʃ]	[tʃ]	[sʰ]	צ \ צ	цаде
k	[k]	[k]	[qʰ]	ק	коф
r	[ʁ] / [r]	[ʁ] / [r]	[r]	ר	реш
š	[ʃ] / [s]	[ʃ] / [s]	[ʃ] / [s]	ש	шин
t	[t] / [s]	[t] / [s]	[t] / [θ]	ת	тав

¹ Курсивом обозначены реконструируемые гласные древнечешского языка, не получившие специального отражения в рассматриваемых нами памятниках.

² В русском языке возможно вариативное произношение названия этой буквы (через [h], [x], [g] или [ɣ]).

³ В некоторых караимских текстах *йод* используется для передачи мягкости предыдущего согласного звука; в таком случае мы транслитерируем его с помощью знака *akút* или *kréška* из польской орфографии.

⁴ Слева от косой черты приведены специальные формы, используемые в позиции конца слова.

2. XIII–XIV века. Кенаанские памятники

Первые упоминания еврейского населения на славянских землях (и их языка) приходятся на X век. Еврейские авторы называли территорию их расселения *kəna'an*, т. е. Ханаан, а их язык – ханаанским (в научной литературе **кенаанский**, Knaanic, в другой транслитерации), по ассоциации с упоминаемым в Танахе палестинским регионом¹. Впоследствии этот термин закрепился для обозначения чешских земель. Хотя глоссы на кенаанском языке встречаются и в более ранних рукописях (относящихся к германо- и италиязычным территориям), первые дошедшие до нас памятники, созданные на славяноязычных территориях («кенаанской земле»), относятся к началу XIII века. Ниже приводится ряд глосс, которые предлагается прочесть с помощью предоставленной алфавитной таблицы (серым выделены слова и фразы на древнееврейском).

Фрагмент 1. Р. Иосиф бен Симон Кара, комментарии к Пророкам (глоссы не позднее XIII века) – по [Pronk 2018: 252].

רק חזק ואמץ בלש' כנ' טוליקו בודי סטטי אנמיסא אי ניפיצי

rak hazak ve'emac be-lešon kena'an toliko budi staty a neměj sä ine peci
'... на кенаанском языке: только будь храбр и не имей себе иных забот'
(к Нв. 1:18)

בורית - בילידלו, נתר - מידלו

borit – *bēlidlo*, *neter* – ... (к Ир. 2:22)

פחם - אוגלי

pexam – ... (к Ис. 54:16)

Фрагмент 2. Р. Авраам бен Азриель, «Сад пряностей» (*'Arugat ha-bosem*, середина XIII века) – по [Pronk 2018: 257].

קנזסטבו

Фрагмент 3. Р. Исаак бен Моисей из Вены, «Посеянный свет» (*Or zaru'a*, середина XIII века) – по [Dittmann, Bláha 2013: 78, 80].

צטוירט, פולו קברטי

čtvirt, polu kvarty

¹ Считается, что это название возникло на основе ассоциации славян с рабством в Средние века (ср. этимологию лат. *sclavus* 'раб' < 'славянин', поскольку много славян было вовлечено в работорговлю) – прародитель ветхозаветного народа ханаанцев Ханаан, согласно Писанию, был в качестве наказания отдан в рабство своим братьям [Jakobson, Halle 1964].

‘... покупающие мясо в праздник не должны упоминать деньги, но должны говорить: ... дай *четверть* или *полчетверти*’

רושקי אן בנקי
roški o banki

‘... приспособления специалиста по кровопусканию из плеч – на кенаанском языке *рожки* или *банки*’

Кенаанские глоссы происходят из религиозных трактатов и поэтому отражают образованную орфографическую норму: применение правил, по сравнению с чешскими памятниками того времени в латинской графике, довольно последовательно. Стоит заметить значительный уровень консервативности в графической системе: используются исключительно ресурсы древнееврейского алфавита, не вводятся новые и не заимствуются чужие знаки. Во многих случаях это приводит к неоднозначности; иногда эта неоднозначность целенаправленно устраняется, когда это позволяет письменность. Очевидно, сохранение «чистоты» алфавита считалось более важным, чем избежание разночтений. Это можно связать как с жанром памятников, так и с культурными факторами (см. предыдущий раздел).

Из нетривиальных орфографических правил можно отметить:

- запись всех огубленных гласных с помощью знака ך;
- запись всех передних гласных и древнечешского гласного *u* с помощью знака ם;
- запись гласных *a* и *ā* только на конце слова с помощью знака ם – в середине слова он никак не отражается;
- устранение неоднозначности в передаче звуков *k* / *x* путём использования знака ך для передачи первого и знаков ן, ם для передачи второго;
- сохранение неоднозначности в передаче остальных фрикативных согласных, кроме ן (см. алфавитную таблицу);
- и ещё одно правило, которое предлагается вывести, решив Задачу 1.

* * *

Задание. 1.1. Даны кенаанские глоссы с соответствующими им древнечешскими прочтениями. В некоторых из них пропущены буквы.

<i>написание</i>	<i>прочтение</i>
זְקוֹ אַ	zakova
שׁ_	veš
גלוּוֹטִיצִי	glavaticě
סְרוּבִדְקָא	syrovadka
מְקוּבִיצָא	makovica
צְטוּירֶט	čtvirt
קְבֵרְטוּ	kvartu
אַשְׁקְרוּ דָא	škrovada
וִינִיץ	věnc
קְיֵטְנִי	květny

1.2. Заполните каждый пропуск одной буквой. Поясните свой ответ.

1.3. В одном из приведённых в таблице слов нарушается общее орфографическое правило. С чем это может быть связано?

* * *

Для простоты понимания на протяжении предыдущих двух разделов мы употребляли термин «кенаанский язык». Однако мнение о том, что кенаанский представлял из себя самостоятельный диаспоральный еврейский язык (наряду с языками идиш, ладино и др.), было в последние десятилетия признано ошибочным¹. Согласно современным исследованиям, язык «кенаанских евреев» и древнечешский были взаимопонятны, а термин *lašon kəna'an* 'кенаанский язык' мог быть просто еврейским наименованием древнечешского языка. Данных памятников недостаточно для того, чтобы однозначно определить отношение кенаанского к местному языку (тот же самый язык? отдельный диалект, или, более точно, этнолект с небольшими лексическими и возможно грамматическими особенностями? что-то иное?). Более того, недавно было обращено внимание на то, что не все памятники, которые ранее считались кенаанскими, могут однозначно считаться отражением варианта древнечешского языка: глоссы в составе одного из рассматриваемых нами памятников, *'Arugat ha-bosem*, содержат древнелужицкие черты, см. [Pronk 2018].

Кенаанские глоссы имеют большое значение для богемистики [Dittmann, Bláha 2013]. Самые ранние памятники древнечешского языка датируются не раньше кенаанских памятников, содержат довольно скудный языковой материал и представляют значительно менее стабильную орфографию. К тому же, латинский алфавит, которым записаны древнечешские памятники, на тот момент ещё не был адаптирован для записи славянских языков, что создавало трудности при передаче некоторых звуков (особенно аффрикат и шипящих). Древнееврейская графика, безусловно, тоже не идеальна для передачи славянских языков, но орфография кенаанских памятников уже отражает некоторый уровень адаптации, а также представляет возможность рассмотреть интересующую исследователей фонетическую систему через призму другой письменности: те фонологические противопоставления, которые одна письменность стирает, другая может сохранить, и наоборот. Таким образом, изучение кенаанских глосс необходимо для детального понимания устройства древнечешского и исторической фонетики чешского языка.

¹ Подробнее история вопроса и актуальное состояние изучения кенаанского описаны в [Uličná 2013].

Желающим более детально изучить кенаанские памятники мы советуем современные сборники [Bláha et al. 2013] (на английском языке) и [Кенааниты 2014] (на русском языке), а также самую современную монографию по данному вопросу [Bláha et al. 2015] (на чешском языке).

3. XVI–XIX века. Некенаанские памятники

К началу XV века кенаанский язык как диалект чешских евреев перестаёт существовать, замещённый германским языком **идиш**, который к тому времени становится основным языком восточноевропейских евреев. Однако одним кенаанским история славянских языков, записанных еврейским письмом, не заканчивается. Переход кенаанскоязычных евреев на идиш, а также контакты между его носителями и носителями славянских языков приводят сначала к внедрению в речь говорящих на идише славянской лексики в виде иноязычных вкраплений (переключения кодов), а впоследствии – к выделению восточной группы диалектов идиша с полностью освоенными лексическими и структурными заимствованиями из славянских языков. При этом древнееврейская графика используется как для записи языка идиш, так и для записи местных славянских языков; в зависимости от времени и территории может использоваться как орфография, свойственная записи языка идиш, так и своеобразные местные варианты. В отличие от глосс, рассмотренных в предыдущем разделе, для более поздних памятников характерна непоследовательность орфографии, и они представляют интерес в первую очередь для иудаики и изучения еврейских языков. Другая особенность этого периода памятников – отражение в текстах взаимодействия еврейского сообщества с нееврейским населением и государством (в частности, известны привилегии королей Речи Посполитой евреям на польском языке в еврейской графике [Goldberg 1985]). Хотя эта группа памятников значительно отличается от «кенаанской», в её появлении находят типологические параллели для рассмотренной в предыдущем разделе [Грищенко 2025].

Фрагмент 4. Аноним, «Путеводитель по древу жизни» (*Sejfer derex ejc ha-xajim*, 1613 г.) – по [Geller 2013: 122] (серым выделен идиш).

אז מיר זעהן דיא סימנים מוז מן בלוט ארויש לאזין (...) עש זייא מיט בייניקש אודר מיט פייאווקש

az mir zen di simonim muz men blut aroysh lozn (...) es zaj mit bajnikes oder mit pijavkes

‘... когда мы видим эти симптомы, нужно испустить кровь (...) это делается банками или пиявками’

Другой любопытный пример, уже без идишских элементов, но с древнееврейским:

Фрагмент 5. Р. Меир бен Моисей Ашкенази, респонсы¹ (1636 г.) – по [Гаркави 1865: 40–41].

יא טעביע אסטים מקדש ביל
ya tebe estim mekadesh byl²

‘я этим освятил тебя (= благословил на венчание)’

Ниже приведена подпись крещённого еврея Самойло Вистицкого на службе Московского царя, выполненная на официальном рапорте к его государю еврейскими буквами. Вероятно, документ был записан под диктовку, а сам Самойло русской графикой не владел.

Фрагмент 6. Самойло Вистицкий, сказка (1680 г.) – по [Гольдштейн 1901; Гессен 1916: 54].

יע שמולה וויסטיצקי איק סיי איז קוקו יע רוקו פרי לאזיל
ya šmula visticki ik sey iz kazke ya ruku pri ložil

‘я Самойло (= Шмуйло, Шмула) Вистицкий, и к сей сказке я руку приложил’

Иное сообщество, в котором мы находим славянские тексты, записанные еврейским алфавитом, – это **караимы**, последователи караимизма. Караимизм – это религиозное учение, которое признаёт Танах, но отвергает Талмуд и раввинистическую традицию. Не вдаваясь

¹ Респонсы (от лат. *responsa* ‘ответы’) – жанр еврейской религиозной литературы, представляющий из себя компиляции вопросов членов иудейской общины и ответов раввинов или других религиозных авторитетов на них.

² Данный пример отражает типичную для европейских диаспоральных еврейских языков перифрастическую конструкцию со вспомогательным глаголом несемитского происхождения и древнееврейским причастием в роли смыслового глагола.

подробно в особенности караимизма и в проблемы сложной социолингвистической и конфессиональной ситуации средневековой Восточной Европы, скажем лишь, что с XV века часть караимов поселилась в Галиции (в Королевстве Польском, на территории нынешней Украины) и в Великом княжестве Литовском (на территории нынешней Литвы, а также Украины — на Вольни)¹. Исторически языком их устного общения был караимский – кыпчакский тюркский язык; в настоящий момент осталось, по самым оптимистичным оценкам, не более трёх десятков его носителей [Németh 2021b]. На русском языке введением в этот язык может служить книга [Мусаев 1977] (актуальный обзор на английском – в [Jankowski 2016]).

Помимо караимского и древнееврейского (используемого в богослужениях), караимы сталкивались с местными языками – литовским, польским², украинским (в основном с поднестриевскими и полесскими говорами), белорусским и русским.

Славизмы есть уже в древнейшем известном западнокараимском тексте – плаче (*kiná* קינא), написанном в 1649 году Зарахом бен Натаном, и дошедшем до нас в составе манускрипта 1671 года, в настоящий момент хранящегося в Институте восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге. Это слова פוּחַס פּוּחַס *puhač* ‘филин’ и סוּבָּה *sova* ‘сова’ [Németh 2024: 134–135].

Уже в караимских текстах начала XVIII века встречаются в полностью адаптированные славянские заимствования: в переводе ветхозаветных книг на караимский, сделанном в Кукизове (ныне Украина) в 1720 году Симхой бен Хананелем, уроженцем Тракая (ныне Литва), есть слово טוֹטֵסִין *toťesin* ‘его тётю’ (Исх. 6:20) – русское заимствование с тюркским посессивным суффиксом третьего лица и показателем винительного падежа [Там же: 146]. Во второй половине XVIII века владение славянскими языками стало широко распространённым среди караимов [Там же: 136]. Любопытный очерк истории использования караимами разных письменностей см. в [Csató, Nathan 2007].

Ниже приводится несколько примеров использования еврейского алфавита для записи славянских текстов в караимской общине Лущка (ныне Украина). Подобные памятники представляют интерес для

¹ Краткие сведения о караимах и караимизме с русской библиографией см. в [Федорчук 2023]. Подробная многоязычная библиография в [Walfish & Kizilov 2011].

² В первую очередь речь идёт о польских периферийных диалектах к востоку от нынешней территории Польши (т. н. «Кресы»). См. о них, в числе прочего, [Kurzowa 1985, 1993; Sicińska 2013].

славянской диалектологии, так как отражают ряд особенностей живой разговорной речи и взаимодействия разных языковых вариантов, ср. [Németh 2021a; Grishchenko & Shapira 2021; Грищенко 2025] с библиографией. Отдельно отметим работы польского исследователя караимского происхождения Михала Немета – общий обзор славянского влияния на караимский язык можно найти в [Németh 2021b], подробную информацию о славянских заимствованиях в старейших караимских текстах в [Németh 2024].

Фрагмент 7. Аноним, трёхязычная молитва (древнееврейский, тюркский и славянский), переписанная Авраамом Самуиловичем Фирковичем (1787–1874) в Луцке: по [Grishchenko & Shapira 2021], л. 2, строки 33, 39–42.

טי יסי ווסטוצניכ ווסי מודרושטי אי אימושציסטווא, יסטסטווא אי אוט טיבא (...) גוספודי בוזי
 ווסטוק ווסאקויי לאסקי אי מילוסטי איסכודיט
*gospodi bože (...) ty jesi v(o)stočnik vse ... i imuščestva, jestestva i ot teba
 isxodit v(o)stok vsakoj laski i milosti*

Как нетрудно заметить, этот фрагмент достаточно близок к стандартному русскому языку.

Следующий пример – несколько строк из перевода молитвы (*бакаиш* פֿאַקאַיש) с караимского на польский, осуществлённого Иосифом бен Йешуа из Деражни (умер в 1678 году)¹.

Фрагмент 8. Мордехай бен Иосиф Луцкий, рукопись с переводом караимской молитвы, сделанная летом 1807 года, – по [Németh 2021a: 310, 315, 334], л. 94, строки 15–17².

דֿלְטִיגוּ יִיאַ יִיכּוּ גּוֹלוֹמְבֿ סְטֶעֱנֶכֶם, יִיכּוּ מְלוֹדָא יִיִסְכּוֹלְכָא שְׂפָרִיבֿיִטְטֶם, פֿדְשִׁי נְסוּוִיַּי כּוֹלְנָא פֿרִיד טוֹבוּ
 אוֹהַּ מוֹיַי פֿנִי
*dlatego ja jako golomb stenkam, jako mloda jaskolka ščebetam, padše
 nasvoje kolana pred tobo oh moje pañe*

‘...поэтому я стенаю, как голубь, щебечу, как молодая ласточка, пав на колени пред Тобою, о, мой Господь’

¹ Караимский текст в свою очередь является переводом с иврита – оригинал этой молитвы написал Иммануэль Римский (около 1261–1328).

² В рукописи используется так называемое тивериадское огласование – то есть некудот того же типа, что в современном иврите.

4. Заключение

К концу XIX века распространение грамотности в Европе привело к тому, что необходимость в записи славянских (и других европейских) языков с помощью древнееврейской графики отпала¹. Однако на протяжении XX века всё ещё встречаются маргинальные случаи: чаще всего использование семитской графики несло конспиративную функцию. Один из таких примеров – нижеследующее стихотворение, которое мы предлагаем вам самостоятельно прочитать и попробовать догадаться об обстоятельствах его сочинения.

Фрагмент 9.

יעסט' דאָראַזשענקאָ אָדנאָ
אָט פּאָראַגאָ דאָ אָקנאָ
אָט אָקנאָ אי דאָ פּאָראַגאָ
וואָט אי ווסיא מאַיא דאָראַגאָ.

יא פּאָ נייעי כאָזשו, כאָזשו
יעי פּראָ גאַרייע ראַסקאָזשו,
ראַסקאָזשו פּראָ ווסיע טרעוואָגי
טאַי דאָראַזשענקע-דאָראַגע.

יעסט' דאָראַזשענקאָ אָדנאָ
ניע קאָראַטקאָ, נייע דלינגאָ,
נאָ פּאָ נייעי כאָדילאָ מנאָגאָ
אי פעטשאַלנאָ טאָ דאָראַגאָ.

יא טיעפּער' פּאָ נייעי כאָזשו
ניעאַטרייוונאָ וודאָלי גליאַזשו.
טשטאַזש יאָ וויזשו טאַם וודאָלי:
ניעט ני ניעבאָ, ני זעמלי.

יעסט' דאָראַזשענקאָ אָדנאָ
אָט פּאָראַגאָ דאָ אָקנאָ
אָט אָקנאָ אי דאָ פּאָראַגאָ
וואָט אי ווסיא מאַיא דאָראַגאָ.

¹ Не считая немногочисленных случаев использования еврейской графики для передачи славянских слов и выражений в литературных произведениях на идише, написанных восточноевропейскими евреями. В таких случаях славянизмы использовались для придачи повествованию соответствующего колорита и были близки в своём употреблении к варваризмам.

Литература

Гаркави А.Я. Об языке евреев живших в древнее время на Руси и о славянских словах встречаемых у еврейских писателей (Из исследований об истории евреев в России). СПб: тип. Имп. Акад. наук., 1865. 65 с.

Гессен Ю.И. История еврейского народа в России. Том 1. СПб.: Типография Л. Я. Ганзбурга, 1916. 483 с.

Гольдштейн С.М. Евреи – дети боярские // Еврейский ежегодник на 5662 (1902–1903) год. СПб.: Издание Иосифа Лурье, 1901. С. 338–346.

Грищенко А.И. Использование еврейской графики для записи восточнославянских текстов (от средневековья до XIX века) // *Deutsche Beiträge zum 17. Internationalen Slavistikongress, Paris 2025. Resümees / Ed. by D. Bunčić.* Cologne: Kölner UniversitätsPublikationsServer, 2025. Pp. 97–98.

Грищенко А.И. С листа или на слух? (Заметки о двух библеизмахапаксах в славяно-русской книжности) // *Palaeoslavica. International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology.* 2015. Vol. XXIII. № 2. Pp. 303–313.

Кенааниты: Евреи в средневековом славянском мире / Под ред. *В. Московича, М. Членова, А. Торпусмана.* М.: Мосты культуры, 2014. 576 с.

Мусаев К.М. Краткий грамматический очерк караимского языка. М.: Наука, 1977. 100 с.

Полян А.Л. Иврит III–XIX вв. н. э. как «спящий язык» // Вопросы языкознания. 2014. № 5. С. 56–67.

Федорчук А.М. Караимы // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. [Электронный ресурс.] URL: <https://bigenc.ru/c/karaimy-21e3d2/?v=7591826>. Дата последнего обращения: 19.06.2025.

Bláha O., Dittmann R., Komárek K., Polakovič D., Uličná L. Kenaanské glosy ve středověkých hebrejských rukopisech s vazbou na České země. Prague: Academia, 2015. 936 s.

Knaanic language: Structure and historical background: Proceedings of a conference held in Prague on October 25–26, 2012 / Ed. by *O. Bláha, R. Dittmann, L. Uličná.* Prague: Academia, 2013. 360 p.

Csató É.Á., Nathan D. Multiliteracy, past and present, in the Karaim communities // *Language documentation and description*, Vol. 4 / Ed. by P. K. Austin. London: The Hans Rausing Endangered Languages Project, 2007. Pp. 207–230.

Dittmann R., Bláha O. The Lexicological Contribution of Abraham ben Azriel and Isaac ben Moses to Old Czech // Knaanic language: Structure and historical background: Proceedings of a conference held in Prague on October 25-26, 2012 / Ed. by O. Bláha, R. Dittmann, L. Uličná. Prague: Academia, 2013. Pp. 66–91.

Geller E. Knaanic Glosses as a Code-Switching Phenomenon // Knaanic language: Structure and historical background: Proceedings of a conference held in Prague on October 25-26, 2012. / Ed. by O. Bláha, R. Dittmann, L. Uličná. Prague: Academia, 2013. Pp. 108–128.

Goldberg J. Jewish Privileges in the Polish Commonwealth: Charters of Rights Granted to Jewish Communities in Poland-Lithuania in the Sixteenth to Eighteenth Centuries. Volume 1. Jerusalem: Israel Academy of Sciences and Humanities, 1985. 513 p.

Grishchenko A.I., Shapira D. The Trilingual Prayer Copied by Avraham Firkowicz: The First Hebrew, Judeo-Slavic, and Crimean Judeo-Turkic Trilingual Text // Journal of Jewish Languages. 2021. №9(1). Pp. 100–149. <https://doi.org/10.1163/22134638-BJA10012>

Halkin Sh. Lider fun tfise un lager. Tel-Aviv: Farlag yisroel-bukh, Hilfsfond far yidish-shafung, 1988. 145 z.

[האַלקין, ש. לידער פון תפילה און לאַגער. תל אביב: פאַרלאַג ישראל-בוק, הילפספאָנד פאַר יידיש-שאַפונג, 1988. 145 ז.]

Jakobson R., Halle M. The Term Canaan in Medieval Hebrew // For Max Weinreich on His Seventieth Birthday. Studies in Jewish Languages, Literature, and Society / Ed. by L. S. Dawidowicz et al. The Hague: Mouton, 1964. S. 147–172.

Jankowski H. [Chapter 13] Karaim and Krymchak // Handbook of Jewish languages / Ed. by L. Kahn, A. D. Rubin. Pp. 451–488.

Katz D. The Phonology of Ashkenazic // Hebrew in Ashkenaz: a language in exile / Ed. by Lewis Glinert. New York—Oxford: Oxford University Press, 1993. Pp. 46–87

Kurzowa Z. Polszczyzna Lwowa i Kresów południowo-wschodnich do 1939 roku. Trzecie wydanie. Kraków: Universitas, 1985 (2006). 444 s.

Kurzowa Z. Język polski Wileńszczyzny i Kresów północno-wschodnich XVI–XX w. Drugie wydanie. Kraków: Universitas, 1993 (2006). 782 s.

Morag Sh. Pronunciations of Hebrew // Encyclopaedia Judaica. 2nd ed. / Ed. by F. Skolnik, M. Berenbaum. Vol. 16. Thomson: Detroit et al., 2007. Pp. 547–562.

Németh M. Between Turkic and Slavic. Materials for the investigation of Slavic loanwords in the earliest West Karaim sources // Karaim Language

in Use: A Collection of Scholarly Articles / Ed. by K. Firkavičiūtė, N. Statkienė, Š. Rinkevičius. Vilnius: Vilnius University Press, 2024. Pp. 128–155.

Németh M. Karaim, Slavic Influence on // Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics Online / Ed. by M. L. Greenberg. Brill, 2021. [Электронный ресурс.] URL: <https://referenceworks.brill.com/display/db/eslo>. Дата последнего обращения: 19.06.2025.

Németh M. Early 19th-century Polish Spoken by Karaims: Linguistic Analysis of a Polish Text Written in Hebrew Script // Zeitschrift für Slavische Philologie. 2021. №77(2). S. 297–336.

Pronk T. Czech and Sorbian in the 11th–13th century Judeo-Slavic glosses // The Oldest Linguistic Attestations and Texts in the Slavic Languages / Ed. by A. Kapetanović. Vienna: Holzhausen, 2018. Pp. 246–263.

Sicińska K. Polszczyzna południowokresowa XVII i XVIII wieku (na podstawie epistolografii). Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2013. 545 s.

Uličná L., Polakovič D. Knaanic glosses from the perspective of Judeo-Czech studies // Knaanic language: Structure and historical background: Proceedings of a conference held in Prague on October 25–26, 2012 / Ed. by O. Bláha, R. Dittmann, L. Uličná. Prague: Academia, 2013. Pp. 303–317.

Walfish B. D., Kizilov M. Bibliographia Karaitica: An Annotated Bibliography of Karaites and Karaism. Leiden: Brill, 2011. 892 p.

Я.С. Пресл – создатель чешской естественно-научной терминологии

В истории большинства славянских народов выделяется период национального возрождения, связанный с активизацией и обновлением культурной и общественно-политической жизни общества после периода застоя либо упадка, вызванного неблагоприятными историческими условиями существования народа в рамках наднациональных империй. В период национального возрождения значительные усилия представителей интеллигенции были связаны с возрождением либо созданием национального литературного языка и литературы.

Наиболее известным примером такого рода усилий является чешское национальное возрождение, начавшееся в конце XVIII в. и продолжавшееся до второй половины XIX в. Из чешского языка происходит и расхожее обозначение деятеля национального возрождения, закрепившееся во многих славянских традициях – «будитель» (чеш. *buditel*), т.е. человек, ставящий себе целью пробудить сознание народа после длительной «эпохи тьмы»¹ для национальной культуры. В истории Чехии начало подобного периода связано с событиями первой трети XVII в., когда после поражения войска сословий в битве на Белой Горе чешские земли окончательно утрачивают автономию в рамках империи Габсбургов и подвергаются рекаатолизации (в то время подавляющее большинство населения чешских земель составляли протестанты) и германизации. Чешский язык постепенно утрачивает престиж и на протяжении почти 200 лет функционирует по большей части лишь как простонародный разговорный язык. В этот период социальный состав носителей литературного чешского языка значительно сужается, сфера его применения ограничивается, и при отсутствии стабильной литературной нормы он сильно дробится на диалектные разновидности. Подавляющее большинство городского населения в то время было билингвально и в сфере социально-престижной коммуникации использовало немецкий язык, оставляя для чешского языка домашнюю, повседневную сферу коммуникации [Нещименко, Широкова 1981: 179–180].

¹ Закрепившееся в чешском языке выражение «doba temna» восходит к названию романа Алоиса Ирасека «Темно» (1915).

Одной из центральных задач «будителей» в первой трети XIX в. становится расширение функций чешского языка, что, в частности, было связано с необходимостью создания лексического фонда для выражения категорий и понятий в эстетической, философской и научной сферах на том уровне развития, которого они достигли в указанную эпоху. В этой связи значительный интерес представляет фигура Яна Сватоплука Пресла (1791–1849) – человека, усилиями которого была создана терминологическая база чешского языка в области сразу нескольких естественно-научных дисциплин: ботаники, зоологии, химии, минералогии, геологии, палеонтологии, технологии. Термины и наименования, предложенные в трудах Я.С. Пресла, вплоть до сегодняшнего дня составляют значительную часть чешской научной лексики.

В отечественной литературе информация об этом выдающемся деятеле чешского национального возрождения и его наследии ограничивается отдельными упоминаниями, в связи с чем нам представляется важным дать краткий очерк его научного пути и подчеркнуть его вклад в формирование научной терминологии в XIX в. в общеславянском контексте.

Я.С. Пресл родился 4 сентября 1791 г. в Праге в зажиточной семье производителя скобяных изделий, однако ни он, ни его младший брат Карл Борживой не оправдают надежд отца на продолжение семейного дела: оба они посвятят себя науке. Уже в детские годы братья проявляют интерес к ботанике, собирают гербарии, изучают растения, произрастающие в Праге и ее окрестностях. После окончания гимназии ордена пиаристов Я.С. Пресл в 1807 г. поступает на философский факультет Карло-Фердинандова университета в Праге. В то время философский факультет был подготовительным для желающих поступить в дальнейшем на другие факультеты. Окончив философский факультет, Пресл начинает изучать медицину, однако практикующим врачом становиться не планирует. Получив диплом, в 28 лет Я.С. Пресл занимает должность штатного профессора медицинского факультета, где проработает всю оставшуюся жизнь. В 1821 году при его непосредственном участии было начато издание первого научного журнала на чешском языке, названного «Крок» («Krok») в честь Крока, персонажа чешских сказаний. Пресл останется редактором и одним из наиболее активных авторов данного издания весь период его существования (1821–1840). В журнале был представлен широкий диапазон научного знания как по естественным, так и по гуманитарным дисциплинам. Заметим, что в конце жизни Я.С. Пресл станет

редактором еще одного научного периодического издания под названием «Технологический журнал» («*Casopis technologický*», 1837–1839).

Первой значительной научной работой Я.С. Пресла в области **ботаники** стала созданная им в 1819 г. в соавторстве с братом К.Б. Преслом «Чешская флора» – «*Flora Čechica*» («*Květená česká*»). Данный труд представляет собой первое систематическое описание растений, произрастающих в чешских землях (522 рода, 1498 вида). Огромное значение данной работы для последующего развития чешской науки состоит в том, что в ней братьями Преслами предложены чешские наименования для каждого описываемого рода и вида в соответствии с принципами бинарной классификации К. Линнея (существительное для рода и прилагательное для вида: лат. *Myosotis sylvatica*, чеш. *potěmka lesní*, рус. *незабудка лесная*). Некоторые названия, используемые в данном труде, на тот момент в чешском языке уже устоялись, однако для подавляющего большинства родов и видов братьям Преслам пришлось подыскивать подходящее наименование в тех или иных иноязычных источниках либо создавать его. В двуязычном латинско-чешском предисловии к «Чешской флоре» указываются источники предлагаемых авторами наименований растений в порядке их приоритетности: в первую очередь это труды «отечественных авторов», в меньшей степени – авторские новообразования, в последнюю очередь – заимствования из польского и русского языков. Надо сказать, что терминотворческий почин Преслов даже в случае применения ими тех наименований растений, которые уже были представлены в чешской письменной традиции либо диалектах вызывал не всегда положительный отклик у современников: так, известный поэт и лексикограф А. Пухмайер следующим образом отозвался о работе Преслов в письме к Й. Добровскому: «из обычных, известных каждой бабке-травнице названий видов они наделали наименований родов... Упаси Бог каждого лексикографа от их работы... Эта молодежь все уничтожает вместо того, чтобы строить. Нельзя же из живого языка сотворить то, что Линней произвел в языке мертвом. И вот вам эти новоявленные ужасающие названия!»¹ [Hoffmannová 1973: 39].

Большое количество новых наименований были даны Преслами растениям на основе тех или иных характерных признаков. Так, например, для относящегося к семейству бобовых рода лядвенец (*Lotus*)

¹ Наименования работ Я.С. Пресла и цитаты из чешских источников в данной статье даются в нашем переводе.

Преслы, принимая во внимание форму листьев и цветов данного растения, предложили название *štírovník* (чеш. *štír* ‘скорпион’). Род цикламен (*Syclamen*) был назван ими по форме клубней *brambořík* (чеш. *brambory* ‘картофель’). По форме соцветия для рода мордовник (*Echynops*) было предложено название *bělotrn* (чеш. *bílý* ‘белый’ и *trn* ‘шип’).

Важным источником для Преслов были иные славянские языки, в первую очередь польский и русский. В этой связи особенно интересен вопрос о том, в каких источниках ими могла быть обнаружена информация о названиях растений в русском языке, так как в первой трети XIX в. не существовало единого труда, в котором бы в систематическом виде была представлена русская ботаническая терминология. Важнейшим источником для Преслов служили труды немецкого ученого и путешественника на русской службе, академика Петербургской академии наук Петра Симона Палласа (1741–1811), автора «Российской флоры» («*Flora Rossica*», 1784–1788, труд не завершен), а также созданного им на основе своих путевых дневников «Путешествия по различным провинциям Российской империи», где приводятся многочисленные и разнообразные ботанические сведения, а также наименования растений на языках народов России. Другим важным источником, судя по всему, стал «Словарь Академии Российской» (1789–1794). Вероятно, они обращались и к материалу иных словарей, среди которых «Полный русско-немецкий словарь» И.А. Гейма и «Словарь польского языка» С. Линде, в толкованиях которого нередко приводятся русские лексемы. Возможным источником Преслам мог послужить и «Дикционер или речениар по алфавиту российских слов о разных произраращениях» К.А. Кондратовича (1780), а также сочинения Н.М. Амбодика-Максимовича, в частности его «Новый ботанический словарь» (1804) [Orloš 1972: 45–46]. Важно отметить, что в ряде случаев название одного рода либо вида применялось Преслами для наименования иного рода или вида, а сама лексема могла значительно видоизменяться.

Следующее ботаническое сочинение Я.С. Пресла начало выходить в 1820 г. под названием «О естестве растений или книга о растениях» («*O přirozenosti rostlin aneb Rostlinář*»). Этот труд был задуман как огромная ботаническая энциклопедия, включающая подробное систематическое описание флоры всего земного шара в такой широте и полноте, какими на тот момент не обладали ботанические труды ни на одном европейском языке. Данная работа выходила отдельными выпусками вплоть до 1835 г., когда ее издание

было прекращено в связи с недостатком финансирования. Однако даже изданные выпуски в общей сложности насчитывают более 1600 страниц и содержат не только наименования растений на нескольких языках (включая русский) и подробное ботаническое описание растений, но также подробную информацию об их лекарственных свойствах, применении в кулинарии и в быту различных народов. При описании отдельных родов и видов растений здесь часто встречается информация о применении тех или иных растений у народов, проживающих на территории Российской империи. Так, например, при описании рода липа (*Tilia*) Пресл сообщает, что из ее коры русские делают кузовы для саней и возов, шкатулки, а также покрывают ею дома. При описании частухи (*Alisma*) указывается, что ее нижние клубни, содержащие большое количество крахмала, используются в пищу калмыками. Подобную информацию Я.С. Пресл черпал из трудов исследователей, осуществивших во второй половине XVIII в. «большие академические экспедиции», открывшие для научной общественности всего мира быт и культуру народов России (П.С. Паллас, И.Г. Гмелин, С.П. Крашенинников и др.).

Особенно важно, что в данном труде Преслом были разработаны четкие принципы для создания номенклатуры (от лат. *nomenclatura* ‘перечень, список имен’), которыми он будет руководствоваться в дальнейшем. Так, например, он пишет о том, что у каждого рода должно быть простое название; общепринятые названия должны быть сохранены; названия не должны быть слишком длинными; названия растений должны отличаться от названий животных либо минералов и т.п. Отдельно необходимо отметить, что Я.С. Пресл также обогатил чешскую терминологию рядом общеботанических терминов, среди которых также встречаются заимствования из русского языка, к примеру, *stvol* ‘ствол’.

Проект создания ботанической терминологии и номенклатуры для растений всего земного шара будет продолжен в двух поздних трудах Я.С. Пресла: «Всеобщее описание растений» («*Všeobecný rostlinopis*», 1846) и «Начала ботаники» («*Počátkové rostlinosloví*», 1848).

Задание 1

Попробуйте определить, к каким российским лексемам восходят чешские названия растений, предложенные Я.С. Преслом. Среди них встретятся как различные фитонимы (от греч. *phyton* ‘растение’ и *опута* ‘имя, название’), так и иная лексика.

чешские и латинские фитонимы: *bolševník* (Heracleum), *čilimník* (Cytisus), *hladyš* (Laserpitium), *kavil* (Stipa), *klikva* (Vaccinium), *lakušník* (Lythrum), *mavuň* (Valeriana), *odur* (Azalea), *ostropestr* (Syllabum), *plevel* (Hollosteum), *řebčík* (Fritillaria), *šřavel* (Oxalis).

русская лексика: ковыль, лягушка, маун-трава (диал. назв. для валерианы лекарственной, *Valeriana officinalis*), щавель (*Rumex*), одурь (диал. назв. для азалии, *Azalea*), остро-пестро (диал. назв. для расторопши, *Silybum*), клюква, чилим (диал. назв. для рогульника плавающего, *Trapa natans*), борщевик, гладыш, плевел (название для рода *Lolium*), рябчик.

Задание 2

Используя словари, соотнесите термины-кальки, предложенные Я.С. Преслом, с их латинскими эквивалентами:

чешский: **blahovičnik, kozilist, citlivka, kalužemilka, nedvěđenka, stříbrobejl, ježenka, bezlistka, božskovon;**

латинский: *Caprifolium, Eucaliptus, Limnophila, Arctotis, Echinosperrum, Aphyllanthes, Mimosa, Argyreia, Diosma.*

Начало современной чешской зоологической номенклатуры было положено в работах Я.С. Пресла «Предложение системы живых существ по классам, отрядам и родам, а также попытка перевода на чешский язык названий животных» («Navržení soustavy živočichů podle tříd, řádů a rodů, a spolu pokus zčeštění potřebných v živočišstvu názvů», 1821–1831) и «Млекопитающие» («Ssavectvo», 1834). К разработке терминологии Пресл подходил очень последовательно, нередко стремясь к тому, чтобы по внешнему облику названия можно было определить таксономическую единицу (вид, род, семейство, класс...). Так, например, в отличие от русского языка, названия семейств млекопитающих в чешском языке благодаря Преслу образуются по единому образцу с суффиксом *-it*, что позволяет без специальных биологических знаний определить «этаж» систематики: *psovití* (Canidae, псовые), *kočkovití* (Felidae, кошачьи), *hrochovitě* (Hippopotamidae, бегемотовые), *mědvědovití* (Ursidae, медвежьи); в свою очередь, для названий классов Пресл использует преимущественно существительные: *ssavci* (млекопитающие), *ptáci* (птицы), *plazi* (Reptilia, пресмыкающиеся), *hmyzové* (Insecta, насекомые), *pavouci* (Araneae, пауки) и т.д. В будущем данный принцип Пресл применит при создании химической номенклатуры. Подчеркнем, что подобный

систематический подход был очень важен при обработке огромного объема информации, с которым работал Пресл.

Среди зоологических наименований, предложенных Я.С. Преслом, значительное место занимали заимствования из польского либо русского языка – для примера приведем следующие русские заимствования (*běluha* – Delphinapterus, белуха; *dikobraz* – Histrix, дикобраз; *kabarha* – Moschus, кабарга; *koruška* – Osmerus, корюшка). При создании других наименований Пресл также в той или иной мере ориентировался на русский язык: *kolpík* – Platalea, колпица; *mamut* – Elephas primigenius, мамонт; *sajha* – Capra tatarica, сайгак; *bachně* – Melanogrammus aeglefinus, вахня, совр. рус. пикша, *babočka* – Nymphalis, многоцветница; *vorvaň* – Phyceteter, кашалот; рус. *ворвань* – устаревший термин для жира, добываемого из морских млекопитающих.

Многие «авторские» названия Пресл также создает на основе чешских корней, принимая во внимание характерные особенности внешнего вида либо поведения животного.

Задание 3

Попробуйте определить, каким животным принадлежат зоологические «преслизмы» для обозначения экзотической фауны:

чешский: *buvolec*, *hraboš* (*hrabat* – рыть), *ježura*, *luskoun* (*lusk* – стручок), *nártoun* (*nárt* – подъем ноги), *outloň*, *kapustňák*;

русский: полевка, бубал, лори, панголин, ехидна, ламантин, долгопят.

Начало разработки современной чешской химической терминологии и номенклатуры было положено Я.С. Преслом еще в работе «О естестве растений», а в 1828 г. он издает первый учебник химии на чешском языке под названием «Lučba» (слово было создано Преслом на основе глагола *slučovat* ‘соединять’). Наиболее известным вкладом данной работы в чешскую науку являются предложенные Преслом названия химических элементов. Для элементов, известных с древности, Пресл сохраняет древнечешские наименования (*cin* ‘олово’, *měď* ‘медь’, *olovo* ‘свинец’, *rtuť* ‘ртуть’, *síra* ‘сера’, *zlato* ‘золото’ и т.д.), а для тех, что были открыты в XVIII–XIX вв., предлагает новые названия с суффиксом *-ík*, мотивированные характерными свойствами элементов либо их соединений (*kyslík* ‘кислород’, *dusík* ‘азот’, чеш. *dusit se* ‘задышаться’, *draslík* ‘калий’, чеш. *drásat* ‘раздирать’, *sodík* ‘натрий’, *vápník* ‘кальций’, чеш. *vápnо*

‘известь’). Подобных наименований в современной чешской таблице Менделеева сохранилось всего 10, однако у Пресла их было гораздо больше. Практика, предложенная Преслом, оказала влияние на складывание химической номенклатуры в иных славянских языках (словацком, верхнелужицком, словенском, хорватском).

Задание 4

Попробуйте определить, к каким элементам относятся созданные Преслом наименования:

чешский: **chaluzík** (чеш. *chaluhy* – бурые водоросли), **barvík** (чеш. *barva* – цвет), **uhlík, hořčík, d'asík** (чеш. *d'as* – черт, дьявол), **luník, kazík** (чеш. *kazit* – портить), **kostík, křemík, nebesík, vodík, solík, hliník, těžík**

русский: хром, йод, фосфор, алюминий, вольфрам, кремний, уран, водород, углерод, магний, хлор, кобальт, селен, фтор.

Благодаря систематическому подходу, который Я.С. Пресл применял в своей деятельности, в чешском языке функционирует уникальная система химической номенклатуры, где степень окисления соединения можно определить по суффиксу в его названии:

Суффикс	Степень окисления	Химическая формула	Чешский язык	Русский язык
-ný	I	Na ₂ O	Oxid sodný	Оксид натрия
-atý	II	CaO	Oxid vápenatý	Оксид кальция
-itý	III	Al ₂ O ₃	Oxid hlinitý	Оксид алюминия
-ičitý	IV	CO ₂	Oxid uhličitý	Диоксид углерода
-ečný	V	P ₂ O ₅	Oxid fosforečný	Оксид фосфора (V)
-ový	VI	SO ₃	Oxid sírový	Оксид серы (VI)

Значительны заслуги Я.С. Пресла и в геологии, палеонтологии и минералогии – дисциплинах, в которых он, по его собственному признанию, не являлся специалистом. В 1834 г. он публикует перевод сочинения выдающегося французского натуралиста Жоржа Кювье (1769–1832) «Рассуждение о переворотах на поверхности

Земного шара» («Discours sur les revolutions de la surface du globe», 1822), где были предложены чешские эквиваленты различных геологических терминов (*zeměkoule* ‘земной шар’, *sloj* ‘пласт, слой’, *krápník* ‘сталактит/сталагмит’, *valoun* ‘валун’, *naplaveniny* ‘наносы’, *hornina* ‘горная порода’, *břidlice* ‘сланец’, *slepenec* ‘конгломерат’, *žula* ‘гранит’). К сожалению, созданный им позднее систематический труд по геологии так и не был опубликован. В 1837 г. Я.С. Пресл издает учебник по минералогии («Nerostopis»), в котором вводит большое количество наименований минералов (*cínovec* ‘касситерит, оловянный камень’ от чеш. *cín* – олово; *živec* ‘полевой шпат’, от чеш. *živit* ‘кормить’, т.к. при его выветривании образуются питательные вещества для растений; *kazivec* ‘флуорит, плавиковый шпат’ от чеш. *kazit se* ‘портиться’, т.к. минерал легко плавится). Нужно сказать, что минералогия – единственная наука из числа интересовавших Пресла, где в настоящее время «преслизмы» исчисляются сравнительно небольшим количеством, большинство из них в последующие десятилетия были вытеснены интернациональными обозначениями.

Наконец, последней областью деятельности Я.С. Пресла стала технология. Еще до начала работы над «Технологическим журналом» (1837–1839), о котором шла речь ранее, Я.С. Пресл публикует работу «Обширное простонародное сочинение о ремеслах и искусствах или Технология общая и специальная, в назидание и во благо всех сословий» («Obširné prostonárodní pojednání o řemeslech a umělostech čili Technologia všeobecná a obzvláštní, k poučení a prospěchu všelikých stavův», 1836–1837), основанную на труде И.Г. фон Поппе (1776–1854). Это настоящая техническая энциклопедия, в которой содержатся подробные сведения о тяжелой промышленности, металлургии, горном деле, выплавке стали, химической технологии, производстве стройматериалов, стекольном деле, производстве керамики, бумаги, пищевой и текстильной промышленности и т.д. Во введении к данной работе, как и ранее в труде «О естестве растений», Пресл подчеркивает прикладной, практический аспект приводимой им информации: «С особым вниманием описаны занятия, подходящие для каждого хозяина, такие как производство муки, мелкой крупы, крахмала, клея, студня, вина, водки, уксуса, мыла, свечей, воска для печатей, вафель, карандашей, перьев для письма, чернил, различных красок, позолоты для дерева и металла». Несмотря на то, что в технологической сфере в славянских языках до настоящего времени используется большое количество заимствований из немецкого языка, ряд лексем,

предложенных Преслом, в чешском языке дожило до наших дней (*litina* ‘сплав’, *kyvadlo* ‘маятник’, *závaží* ‘гиря’ и др.).

Заслуги Пресла получили признание на государственном уровне лишь к концу его жизненного пути. В 1847 г. по распоряжению императора он становится одним из первых членов Венской академии наук, а в следующем 1848 г. избирается депутатом первого учредительного собрания, созванного в Австрийской империи. В июне этого же года он принимает участие в Славянском съезде в Праге, целью которого было координация усилий представителей всех славянских народов Австрийской империи в борьбе за культурный суверенитет.

К сожалению, после скорострительной смерти Я.С. Пресла в апреле 1849 г. его могила на Ольшанском кладбище в Праге вскоре исчезла, а огромный архив был утрачен. Только в 1894 г. в Праге появится Преслова улица и будет установлен надгробный памятник-кенотаф на Вышеградском кладбище. В 1910 г. в пражских Садах Врхлицкого будет воздвигнут памятник, на котором выбита следующая надпись: «Яну Сватоплуку Преслу, будителю нации и основоположнику чешской естественно-научной литературы». С 1914 г. в Праге издается журнал «*Preslia*», в котором публикуются научные труды по таксономии, систематике и экологии растений. Но, несомненно, главным памятником Я.С. Преслу является созданная им научная терминология, ежедневно звучащая в устах сотен тысяч чешских школьников.

Литература

Нещименко Г.П., Широкова А.Г. Особенности формирования литературного языка чешской нации в эпоху национального возрождения. // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981. С. 179–197.

Hoffmannová E. Jan Svatopluk Presl. Karel Bořivoj Presl. Praha: Melantrich, 1973. 296 s.

Orloš T. Z. Zapóžyczenia słowiańskie w czeskiej terminologii botanicznej i zoologicznej. Kraków: Nakładem Uniwersytetu Jagellońskiego, 1972. 174 s.

Почему мы так любим македонский язык?

На всякий случай я должен заранее предупредить, что не являюсь славистом. Но при этом я действительно люблю македонский язык и попробую рассказать почему.

Почему мы так любим македонский язык? *Зошто го сакаме толку многу македонскиот јазик* – так прозвучит то же самое по-македонски. Уже в этой фразе сосредоточено много характерных особенностей македонского языка, которые делают его необычным, отличая даже от очень близкого болгарского.

Нас, лингвистов-типологов, занимающихся устройством языков в целом и их сравнением, неслучайно интересует экзотический языковой материал. Нам нравятся языки, которые демонстрируют специфические свойства, отсутствующие у других. Славянские языки – достойная сфера деятельности для лингвиста-типолога, они очень интересны с точки зрения типологии, хотя нам, их носителям, может казаться, что в них нет ничего особенного, что так и должен быть устроен любой человеческий язык.

Однако даже на славянском фоне македонский язык сильно выделяется. Если меня спросят: «Какой, со структурной точки зрения, самый интересный славянский язык?», то я без колебаний отвечу: «Македонский». Более того, если меня спросят: «Какой самый красивый славянский язык?», я отвечу: «Тоже македонский». Есть несколько претендентов на звание самого красивого славянского языка, в том числе языки сербохорватского континуума, но лично я считаю, что македонский здесь побеждает по такому неформальному параметру, как красота звучания.

Вы, конечно же, знаете, что само существование и македонского языка, и страны Македонии долгое время ставилось под вопрос. Так сложилось исторически, в современности дела обстоят чуть лучше, но проблемы остаются. У македонцев очень мощная языковая идентичность, которая не всегда и не всеми признавалась, поэтому её приходилось отстаивать. То же самое и со статусом страны, которая долгое время даже не имела названия. Приходилось долгое время и в политике, и в обычной жизни, и даже в науке, в славистике, отстаивать право называть македонский язык македонским. Сегодня македонский язык признан, и хотя его статус по-прежнему не до конца

признан в Болгарии, весь остальной мир согласен, что македонский язык существует.

В этой связи стоит остановиться на проблеме размежевания македонского и болгарского языков. Мы, лингвисты, знаем, что проблема статуса языка или диалекта чисто научными методами не решается. Это вопрос самосознания, вопрос политический. С лингвистической точки зрения, разумеется, отмечается очень высокая степень близости между так называемыми западно-болгарскими диалектами и собственно македонским языком. Это очень похожие идиомы с большим количеством общих черт. В особенности это касается так называемых диалектов болгарского Пирина (это горный массив на юго-западе Болгарии, где, по сути, распространены македонские диалекты).

Македония как страна тоже не сразу добилась признания. Название «Македония» восходит ко временам античности. Это очень большая географическая область на северо-востоке Греции. Исторически она с XIV в. до 1912 г. находилась в составе Османской империи, дольше всех остальных балканских стран. В 1912 г. Османская империя потерпела поражение в войне со славянскими странами, после чего некоторые из них стали воевать друг с другом, в том числе Сербия и Болгария. Обе страны по историческим причинам претендовали на территорию Македонии. После поражения Болгарии Македония вошла в состав Югославии, и лишь в 1991 г. получила статус независимого государства, современное официальное название которого – Северная Македония – было установлено только в 2019 г. в связи с позицией Греции.

Такая сложная языковая и политическая ситуация отчасти связана с географическим положением Македонии. Если идти по часовой стрелке, то в числе ее соседей окажутся: Албания (албанское меньшинство живёт и в самой Македонии); Косово; Сербия (Южная Сербия когда-то входила в состав «большой Македонии», там до сих пор есть македонское население); Болгария, в состав которой входит регион Пиринская Македония; Греция, северная часть которой называется Эгейская Македония, но в силу исторических причин славяноговорящего населения здесь почти не осталось. Итак, есть Пиринская Македония, есть Эгейская, а есть Вардарская – именно на этой территории образовалось независимое государства Северная Македония.

Что же стоит знать про македонский язык? По-видимому, это наиболее прямой потомок старославянского языка, если вспомнить

о том, что Кирилл и Мефодий жили и создавали памятники старославянской письменности на территории исторической Македонии. Их родной город Салоники (Солунь) – это сердце Эгейской Македонии. Ряд лингвистических характеристик старославянских памятников также позволяют говорить о некоторой преемственности. Более того, некоторые македонские лингвисты даже называют старославянский язык старомакедонским, что довольно смело. Тем более, что многие болгарские лингвисты называют этот язык староболгарским, и у них тоже есть для этого определённые основания. Ни один из этих терминов не является общепринятым, слависты предпочитают более нейтральные определения.

При этом нужно помнить, что современный македонский язык, конечно, сильно изменился за последнюю тысячу лет, став «самым балканским» языком. Вы знаете, что есть такое понятие как балканский языковой союз, объединяющий разные с точки зрения типологии языки: болгарский, албанский, новогреческий, турецкий, ряд румынских диалектов, цыганский. Языки, в него входящие, сблизились в ходе нескольких столетий интенсивного взаимодействия, принимая черты друг друга. В македонском таких черт, которые он воспринял у других языков, пожалуй, больше всего. К балканским чертам относятся: 1) среднеязычные смычные согласные; 2) волитивное будущее время (конструкции с глаголом *хотеть*); 3) отсутствие инфинитива, который исчез во всех балканских языках, кроме турецкого, его замещает сослагательное наклонение; 4) эвиденциальные формы прошедшего времени: оформляются особые конструкции в зависимости от того, наблюдал ли говорящий лично то, о чём он сообщает, или не наблюдал.

Все перечисленные черты представлены в балканских языках в разной степени, но именно в македонском все они собраны вместе. Отчасти это объясняется тем, что македонский – маленький язык, не самый престижный, не находящийся наверху социальной и коммуникативной лестницы, но это позволило сохранить ему свою самобытность. При этом Македония лежит в самом сердце Балкан, и этот язык, как линза, вобрал в себя все самое характерное, особенное. Уже это делает его достойным изучения, отличает от других славянских и балканских языков.

Остановимся кратко на фонетике. В македонском «компромиссная» фонетика: здесь как раз нет ничего слишком специфического, слишком сложного. Это хорошо заметно на фоне языков соседей: сербского и болгарского.

Возьмем, например, рефлексы древнего славянского носового (ж) в слове «рука» (старославянское рѣка):

Сербский: *рука* **Болгарский:** *ръка* **Македонский:** *рака*

Примеры рефлексов слогового плавного в слове «волк» (старославянское вѣлкѣ):

Сербский: *вук* **Болгарский:** *вѣлк* **Македонский:** *волк*

Сербский, видимо, ближе всего к тому, как это могло звучать во времена Кирилла и Мефодия.

Рефлексы палатальных в слове «свеча» (старославянское свѣшта):

Сербский: *свећа* **Болгарский:** *свещ* **Македонский:** *свека*

Македонский здесь сохраняет палатальное звучание.

Рефлексы «ять» в слове песок (старославянское пѣськѣ):

Сербский: *песак* **Болгарский:** *пясък* **Македонский:** *песок*

Рефлексы л' (эпентетикум) в слове «земля» (старославянское зѣмля):

Сербский: *земља* **Болгарский:** *земя* **Македонский:** *земја*

Кстати, столица Македонии по-македонски называется Скопје, а сербы называют её Скопље.

Рефлексы в слове «хлеб» (старославянское хлѣбѣ); кстати, это древнее германское заимствование.

Сербский: *хлеб* **Болгарский:** *хляб* **Македонский:** *леб*

Отметим, что фонемы «х» в македонском не существует. Ее судьбу можно наблюдать на примере слова «ухо» (старославянское оухо), где «х» перешло в «в» – это одна из характерных особенностей македонского языка:

Сербский: *ухо/уво* **Болгарский:** *ухо* **Македонский:** *уво*

Стоит упомянуть также очень яркую македонскую черту, речь об ударении. Известно, что с точки зрения просодии славянские языки сильно различаются. Бывает подвижное разноместное ударение, бывает музыкальное (тоническое), как, например, в сербском языке. В болгарском тоны утрачены, зато в нем достаточно сложно устроенное подвижное ударение, а вот в македонском ударение фиксировано на третьем слоге от конца. Языков с таким ударением мало, это так называемая антепенультима: третий (если есть) слог от конца внутри акцентной группы. Именно так – не для слова, а для акцентной группы, считается ударение в диалектах, это также важная черта македонской просодии: например, *прóдавач* – *прóдавачи*; в акцентных группах: *штó сакаи?* – *сувó грозје*. Отмечают, что в современной городской речи,

особенно в Скопье эта характерная македонская черта утрачивается, и она воспринимается молодежью как сниженная, «деревенская».

Перейдем к грамматике. В македонском языке есть артикль, что для славянских языков необычно, впрочем, артикль есть также в болгарском языке. При этом македонский артикль гораздо разнообразнее болгарского. Правда, болгарские лингвисты могут сказать, что в западных диалектах есть аналогичные формы, вот только западные диалекты в Пирине гораздо ближе к македонскому.

Итак, возьмем для примера слово «женщина» – в македонском *жена*, как в старославянском. В нейтральном контексте – любая, некоторая, произвольная, что соответствует пониманию неопределенности. Можно добавить слово «один», но можно и не добавлять, это будет неопределенная форма. Теперь давайте попробуем понять, как будет определенная форма. Для этого нужно добавить артикль, происходящий от указательного местоимения, он присоединяется как суффикс. Однако если мы имеем дело со словосочетанием, и у нас есть другое слово, относящееся к существительному и стоящее перед ним, то артикль выбирает первое слово в группе. Возьмем сочетание ‘красивая женщина’, по-болгарски (или по-сербски) ‘красивый’ – это *хубав* (это тюркско-иранское заимствование), в македонском оно превращается в *убав*. Итак, по-македонски ‘красивая женщина’ будет звучать как *убавата жена*.

Подобный способ оформления определенности есть и в болгарском языке, до сих пор ничего особенного не произошло. Но оказывается, что этот элемент в составе артикля не единственный. Македонское существительное, помимо *-т-* (*-та*, *-то*), может содержать и другие элементы, предназначенные для выражения другого значения. Так, если артикль содержит согласный *-в-*, как в примере *женава*, то указательное *-ва* подчеркивает близость, и форма значит ‘вот эта женщина’, а если появляется согласный *-н-*, как в *женана*, то такая форма будет значить ‘вон та женщина’, то есть определённая. Таким образом, артикль встраивается в единую сложную систему указательных местоимений, которые функционируют как суффиксы и довольно изощренно противопоставляются при помощи мены согласных: *т / в / н*. Это уже чисто македонское изобретение, и это очень интересно с типологической точки зрения, такой своеобразный дробный дейксис.

Употребление местоимений-артиклей в македонском языке имеет ещё один аспект, связанный с определенностью объекта. Ситуация осложняется, если в предложении есть прямое дополнение, и мы хотим подчеркнуть, что это определенный объект. Возьмем фразу: «дай мне

нож». Чтобы сказать это по-македонски, если имеется в виду неопределенный нож, то артикля не будет, получится: *дај ми нож / книга*. Здесь всё обычно: повелительная форма глагола, местоимение в дательном падеже и неоформленное (с точки зрения падежа) существительное, как и должно быть в македонском и болгарском, это их общая черта.

Но как быть, если мы хотим попросить не вообще нож, любой, или книгу, а определенный нож, которым мы пользовались, или эту книгу, о которой мы говорили (как в английском *the knife, the book*). По-болгарски мы бы сказали что-то вроде: *дай ми ножът, дай ми книгата*. В македонском мы ожидаем что-то подобное, но в литературном (стандартном) македонском языке ситуация чуть сложнее: *дај ми го ножот, дај ми ја книгата*. Что здесь происходит? Здесь происходит так называемая местоименная реприза. Это знаменитая общебалканская и в особенности македонская черта. Буквально мы говорим: «дай мне его, этот нож», «дай мне её, эту книгу». *Го* – это форма винительного падежа местоимения «он», реликт системы склонения; *ја* – также форма винительного падежа местоимения «она». При буквальном переводе мы ощущаем такую конструкцию как избыточную, мы же не говорим: «дай мне книгу, её». Однако это закрепилось, более того, подобные конструкции возможны в болгарском и в сербском, они близки также к русским высказываниям типа: «Петя? Да его давно ждут, Петю». В особой ситуации мы повторяем местоимение, но так же легко можем его и опустить, это своеобразная избыточность, к которой говорящие охотно прибегают, но она факультативна. В македонском же эта особенность стала нормой, мы уже не можем опустить местоимение, иначе это будет ошибка. *Дај ми ножот* – это ошибочная конструкция. Фактически такое дублирование местоимений стало новым дополнительным показателем определенности.

Пришло время вернуться к названию лекции «*Зошто го сакаме толку многу македонскиот јазик?*» («Почему мы так любим македонский язык?»). Македонский язык в этой фразе оформлен как определенный: *македонскиот јазик*, и чтобы сказать, почему мы его так любим, обязательно нужно добавить краткое местоимение *го* при глаголе, и только затем дополнение: *Зошто го сакаме македонскиот јазик*. Такое дублирование местоимения для выражения определенности много изучали синтаксисты и морфологи. Особый случай – конструкции с местоимениями. Например, как сказать по-македонски: «Я его люблю»? Надо сказать *го сакам него*; одного лишь *сакам него* будет недостаточно. В таких примерах идея дублирования проявляется

особенно ярко, видно, что *go* – это фактически грамматический показатель определенного объекта. А как сказать: «Я её люблю»? *Ja sakam nea* с утратой интервокального йота, это тоже яркая македонская черта. Это выглядит по-настоящему необычно и делает македонский таким красивым.

Пришло время упомянуть еще об одной гордости македонского языка: это три формы перфекта. Перфект во всех славянских языках восходит к одной форме: к причастию с суффиксом *-л-*. В большинстве славянских языков, прежде всего в северных, прежний суффикс перфекта превратился в обычный показатель прошедшего времени. Однако в южнославянских языках сохраняются следы более древней системы, в которой глагол различал три формы прошедшего времени: аорист, имперфект и перфект. Старославянский аорист означал законченное свершившееся действие в прошлом, старославянский имперфект обозначал длительное действие, это примерно (не точно) соответствует современному соотношению совершенного и несовершенного вида. Но что же обозначал в старославянском перфект? В учебниках написано: «действие, имевшее результат», как в английском. Однако это не совсем так. Старославянский перфект – очень загадочная форма, и он выражал, скорее всего, сложные смыслы, связанные с определенным, известным действием. Действие, имеющее результат, обозначал «аорист» – так же, как в современном греческом или болгарском языке.

И в болгарском, и в македонском форма старого перфекта на *-л* сейчас используется в качестве показателя незасвидетельствованного события. Здесь можно было бы поставить точку, сказав, что есть восходящие к перфекту эвиденциалы. Но македонский на этом не остановился. Есть эвиденциальное прошедшее время, восходящее к л-причастию, но есть ещё один – и даже не один перфект. Говорят, что в македонском фиксируется три перфекта или по крайней мере три перфектоподобных формы, две из которых употребляются в литературном языке, но на территории всей Македонии были засвидетельствованы три разных формы перфекта. Это, впрочем, далеко не всегда значит, что они все одновременно функционируют сегодня в речи одного носителя. Важно, что второй и третий перфект – это новые собственно македонские формы, созданные относительно недавно. Перфект – вообще очень нестабильная категория, про него мало известно. Он быстро и непредсказуемо меняется, как в нашем случае.

Посмотрим, как это работает. Возьмем для примера традиционный перфект: *си дошол*, он образован сочетанием л-формы

с формой второго лица глагола-связки *си*, это известная славянская особенность. Обратите внимание, что в болгарском мы бы сказали что-то вроде *дошол си*, поставив связку после л-формы, а в македонском она вполне может оказаться в препозиции. Что значит *си дошол*? ‘говорят, ты пришёл’, ‘похоже, ты пришёл’; в третьем лице будет просто без связки *дошол*: ‘он пришёл, но я не поручусь, я этого сам не видел, но похоже, пришёл’. Примерно такой набор смыслов. Что-то похожее мы находим также в болгарском, и эти формы противопоставляются аористу *дојде* ‘ты (он) пришёл’. Это более надежное свидетельство, подразумевается, что я это видел, я это знаю. Здесь мы видим некоторое сходство с болгарским мы видим, хотя есть и определенные тонкости в значении форм. Однако известен также собственно македонский перфект с глаголом «иметь», ни на что не похожий. Он очень интересно устроен: в качестве вспомогательного глагола используется глагол «иметь». Ни один славянский язык не использует этот глагол в качестве вспомогательного, однако его использует новогреческий, итальянский. Учитывая удаленность итальянского, можем предположить, что в македонском это грецизм. Рассмотрим пример *дојдено* – это неизменяемое причастие среднего рода страдательного залога, мы можем его перевести как «ты имеешь прийдено». Эта форма действительно напоминает перфект, в особенности испанский. Она довольно широко употребляется, ее фиксируют грамматики, можем говорить, что это и есть настоящий македонский перфект.

Но на этом македонский язык не остановился. Существует ещё одна форма, третья по счету. Она выглядит примерно как *си дојден*. Здесь снова появляется вполне традиционная славянская связка – глагол «быть», которая соединяется со страдательным причастием, буквально получается «ты прийдено». Похожая форма есть в севернорусских диалектах, когда говорят «у тебя прийдено»; это довольно характерная конструкция для архангельских, вологодских говоров типа: *где он? – у него ушедиши*. Как мы видим, в македонском тоже есть подобная форма.

Таким образом, можно смело говорить, что в македонском есть три перфекта. Это довольно необычная и экзотичная черта. Естественно, этим не исчерпывается вся македонская грамматика. Но мне кажется, теперь вы знаете достаточно, чтобы разобраться с текстом известной македонской песни.

Македонский песенный фольклор очень известный, богатый, красивый, его много собирали и изучали. Это тоже такое своеобразное средоточие балканской народной культуры. Он привлекает людей: и лингвистов, и людей, далеких от науки. Песня, которую мы

проанализируем – это, конечно, шедевр выдающееся создание фольклора. Она была опубликована Блаже Конеским – македонистом, создателем македонского литературного языка, не первым исторически, но, конечно, это был настоящий столп македонистики, автор македонской грамматики. В 1945 году (это год возникновения независимой республики в составе Югославии, в этом году Македония была освобождена; она была под болгарской оккупацией во время войны, а затем вернулась в Югославию) был создан фольклорный сборник «Зборка на македонски народни песни». Позже вышло расширенное его издание, оно называется «Антологија на македонската народна лирика» (обратите внимание: в этом названии два прилагательных, и артикль при первом из них: *македонската народна лирика*). Вот из этого сборника взят текст для анализа. Б. Конески, кстати, сам был поэтом. Он сочинял стихи, довольно много издавался, и он утверждает, что это народная песня. Песня, похоже, действительно народная, потому что сюжет этот – народный, он известен, и сам текст с многочисленными вариациями широко известен на южных Балканах. У Б. Конески он действительно очень хорош, не поручусь, что он сам не приложил к этому руку, но говорит, что нет.

Текст не очень длинный, давайте его посмотрим:

Рачај, порачај, бела Бојано.

В начале неназванный автор обращается к женщине, которую зовут Бояна. А что такое *Бојано*? Звательный падеж! Как в старославянском «*что Мне и Тебе, Жено?*» говорит Христос.

Бела – красивый фольклорный эпитет. А что значит *порачај*? Эта конструкция очень характерна для фольклорного стиля: один и тот же глагол употребляется с приставкой и без. В русском фольклорном тексте такое также можно встретить, например: «кажет-показывает», «глядит-поглядывает» и т.д. Такие глагольные цепочки – очень известный тип конструкций. Мы не будем в это углубляться, но нужно понимать, что это одно и то же действие, одно и то же наклонение. Как вы думаете, что значит *порачај*? В русском у нас здесь «порУчать» (помним, что У в македонском может соответствовать русскому А). Как бы ‘распорядись, скажи, говори, белая Бояна’. Собственно, что говори?

Рачај, порачај, бела Бојано:

сега сум овде, утре ќе одам,

утре ќе одам, туѓа туѓина.

Сега сум овде – ‘сегодня я здесь’. Учтите македонское ударение *сега сум овде, утре ќе одам* – македонский здесь во всей красе. *Утре ќе одам* – ‘завтра я уйду’. В македонском *одам* и болгарском *отидам*

одна и та же приставка. Итак, ‘сегодня я здесь, а завтра уйду’. *Ќе* – это македонское будущее время, которое восходит к глаголу «хотеть» (болг. *ще*). Сам глагол «хотеть» полностью утрачен. От старого «хотеть», который сохранился в русском и церковнославянском, осталась только неизменяемая частица *ќе*. Для образования будущего времени необходимо добавить частицу к глаголу в форме настоящего времени. *Утре* – это ‘завтра’. Собственно, в русском «завтра» также прячется «утро», как и в большинстве других славянских языков. Значит, ‘сегодня я здесь, а завтра уйду’. А куда же я уйду? *Утре ќе одам, туѓа туѓина*. Значит, куда я завтра уйду? На чужбину.

*Рачај, порачај, бела Бојано:
сега сум овде, утре ќе одам,
утре ќе одам, туѓа туѓина.*

Рачај, порачај, што да ти пратам,

Рачај, порачај, што да ти пратам – ‘скажи, что я тебе...’. Вам не попадался этот корень? Он довольно известен в южнославянских языках. ‘Скажи, что тебе прислать’, ‘скажи, что я бы тебе прислала’. Частица *да* заимствована из старославянского – букв. ‘что я да пришло тебе’. Но в русском это расценивается как высокий стиль, а в македонском – как нормальная конструкция.

*Рачај, порачај, бела Бојано:
сега сум овде, утре ќе одам,
утре ќе одам, туѓа туѓина.
Рачај, порачај, што да ти пратам,
ал пари сакаш, ал книга сакаш?*

Пари – это деньги, *пари* по-болгарски, по-македонски *пáри*: ‘Или денег хочешь, или книгу хочешь?’. Имеется в виду: у тебя духовные запросы или материальные? И автор думает, что охватил весь диапазон желаний героини, но он существенно ошибается. Вся оставшаяся часть – это ответ Бояны:

***Ни пари сакам, ни книга сакам,
и јас си сакам овде што нема,
овде што нема таму што има***

‘Не хочу я ни денег, ни книгу, а хочу я того, чего здесь нет, здесь этого нет, а есть там’.

***Ни пари сакам, ни книга сакам,
и јас си сакам овде што нема,
овде што нема таму што има,
таму што има до три бильбѝа,***

Бильбиль – ‘соловей’, тюркизм, очень распространен на Балканах. ‘Там есть у трех соловьев’ – имеется в виду внутри, в крови этих птиц.

До три бильбиља рано што пеат: ‘у трех соловьев, которые рано поют’. Что же они поют, эти соловьи?

првиот пее за вечерање: ‘первый поет про ужин (призывая к ужину)’. Не за ужином! тут целевая семантика. *Вечерање* – ‘ужин’ (ср. русс. *вечеря*).

вториот пее за легнување: ‘второй поет ко сну/ к отходу ко сну’.

Обратите внимание на *втори* – это немного необычно, мы ожидали бы *други*: в значении ‘второй’ в славянских языках более распространена основа *друг-*, в том числе в соседних болгарском и сербском – налицо неожиданное сближение с русским. Итак:

првиот пее за вечерање,

вториот пее за легнување,

третиот пее за станување! ‘третий поет к подъёму’.

Первый призывает ужинать, второй – ложиться спать, а третий – вставать. Как же они это делают?

“*Ај вечерајте, две луди млади,*

две луди млади, две неженети!“

‘Эй, ужинайте, молодые люди, молодая пара, неженатые’

„*Ај легнете си, две луди млади,*

две луди млади, две неженети!“

„*Ај станете си, две луди млади,*

две луди млади, две неженети!”

Как мы помним, это мечта, далекий мир, возможно, несуществующий. Бояне не нужно ничего материального, она хочет оказаться в том мире.

Ах да би знала тој што ми пее,

рано што пее за вечерање,

јас ќе го ранев со топен шеќер.

Структура *би* + л-причастие такая же, как в русском. Причем л-причастие используется не только в составе эвиденциального прошедшего времени, но и в составе условного (сослагательного) наклонения. Это очень древняя славянская черта, которая в русском и македонском устроена одинаково. ‘Если бы я знала того [соловья], который мне поет рано, призывая к ужину, я бы его кормила топленным сахаром’. Глагол *рани* значит ‘кормить’ (македонский язык утратил фонему [х]). У глагола «хранить» очень интересная полисемия, но это в общем сберегающее действие (ср. болг. *храня*, серб. *хранити*). Очень интересна конструкция *ќе* + *имперфект*, которая обозначает ирреальное

действие. Английское *would* тоже имеет отношение к этому, но в македонском в форме прошедшего времени стоит основной глагол.

*Ах да би знала тој што ми пее,
рано што пее за легнување,
јас ќе го ранев со суво грозје.*

‘Если бы я знала того [соловья], который мне поет рано, призывая ко сну, я бы его кормила изюмом’. *Суво грозје* – букв. ‘сухой виноград’. Имеется в виду, что изюм более изысканное лакомство, чем топлёный сахар.

*Ах да би знала тој што ми пее,
рано што пее за станување,
јас ќе го ранев с’отров и катран!*

‘Если бы я знала того [соловья], который мне поет рано, призывая к пробуждению, я бы его кормила отравой и дёгтем’.

Завершая: таким образом, македонский язык:

- самый красивый;
- самый необычный;
- самый прямой потомок самого древнего славянского языка;
- и один из наиболее трудно признававшихся национальных славянских языков в XX веке.

Литература

Lunt H. G. A Grammar of the Macedonian Literary Language. Скопје: Државно книгоиздателство на НР Македонија, 1952. 289 p.

Конески Б. Граматика на македонскиот литературен јазик. Скопје, 1954

Толовски Д., Илич-Свитыч В. М. (сост.). Македонско-русский словарь: с приложением краткого грамматического справочника / под ред. Н.И. Толстого. М: ГИС, 1963. 576 с.

Topolinska Z., Vidoeski B. Polski-Macedonski. Gramatyka konfrontatywna (zarys problematyki). Zesz. 1. Wprowadzenie. Wrocław, 1984.

Friedman V. A. Macedonian. München: Lincom Europa, 2002. 60 s.

Усикова Р. П. Грамматика македонского литературного языка. М.: Муравей, 2003. 376 с.

Mišeska Tomić O. A grammar of Macedonian. Bloomington: Slavica Publishers / Indiana University, 2012. 485 p.

Макарцев М. М. Эвиденциальность в пространстве балканского текста. СПб.: Нестор-История, 2013. 444 с.

Задания по македонскому языку

Задание 1. Сравните два перевода последнего монолога городничего из комедии Н.В. Гоголя «Ревизор». Первый выполнен выдающимся деятелем искусства, актером и режиссером Илией Милчиным (1918–2002), второй – Светланой Ивановской, переводчицей, не связанной с театром и кино. Обратите внимание на употребление постпозитивных артиклей: И. Милчин использует все три вида (медиальный с корнем **-г-**, не указывающий на положение определенного объекта в пространстве / времени, проксимальный с корнем **-в-**, маркирующий пространственную / временную близость к говорящему, и дистальный с корнем **-н-**, для удаленных объектов), а С. Ивановска – только медиальный. Найдите в первом переводе все дистальные и проксимальные показатели. Проинтерпретируйте их употребление. Какое объяснение различия в использовании артиклей у двух переводчиков можно предложить?

Оригинал	Перевод И. Милчина	Перевод С. Ивановской
Городничий (<i>бьет себя по лбу</i>). Как я – нет, как я, старый дурак? Выжил, глупый баран, из ума!.. Тридцать лет живу на службе; ни один купец, ни подрядчик не мог провести; мошенников над мошенниками обманывал, пройдох и плутов таких, что весь свет готовы оборовать, поддевал на уду. Трех губернаторов обманул!.. Что	Градоначалникот (<i>се удира по челото</i>). Како да се излажам јас – јас, глупак дрт? Си го загубив умот, овен глупав!... Триесет години сум веќе во државна служба; ни еден трговец, ни еден лиферант не можеше да ме измами; измамници над измамниците сум лажел, скитници и крадачи, готови сиот свет да го украдат, сум мамел. Три губернатори сум	Градоначалникот (<i>се удира по челото</i>): Како јас, стара будала, да се измамам? Го изгубив умот, глупаво магаре!... Триесет години сум во служба; ни еден трговец, ни претприемач не можеше да ме излаже; јас ги надлажував лажговците над лажговците; јас сум излажал такви измамници кои би го искрале сиот

<p>губернатор! (<i>махнул рукой</i>) нечего и говорить про губернаторов...</p> <p>Анна Андреевна. Но это не может быть, Антоша: он обручился с Машенькой...</p> <p>Городничий (<i>в сердцах</i>). Обручился! Кукиш с маслом – вот тебе обручился! Лезет мне в глаза с обручением!.. (<i>В испуге</i>.) Вот смотрите, смотрите, весь мир, все христианство, все смотрите, как одурочен городничий! Дурака ему, дурака, старому подлецу! (<i>Грозит самому себе кулаком</i>.) Эх ты, толстоносый! Сосульку, тряпку принял за важного человека! Вон он теперь по всей дороге заливаает колокольчиком! Разнесет по всему свету историю. Мало</p>	<p>изиграл!... Туку што губернатори! (<i>Одмавнува со рака</i>). Не вреди ни да се зборува за губернаторите...</p> <p>Ана Андреевна. Но тоа не може да биде, Антоша: па тој се сврши со Машењака...</p> <p>Градоначалникот (<i>разлутено</i>). Се свршил! Тикви со расол – се свршил! Што ми се топореш тука со таа свршувачка!... (<i>Надвор од себеси од лутина</i>). Еве, гледајте, гледајте, луѓе христијани, гледајте сите како е насамарен градоначалникот! Кажете му, кажете му, на стариов подлец, дека е будала! (<i>Се заканува самиот на себеси со тупаница</i>). Ех ти, дебелонишите! Еден мрсулко, еден партал го сметаше за важна личност! А сега ене тој свечи со прапорците по патон!</p>	<p>свет. Сум измамил тројца губернатори!... Што губернатори! (<i>Одмавнува со рака</i>). Не треба ни да зборувам за губернаторите...</p> <p>Ана Андреевна: Ама тоа не може да биде, Антоша, тој се сврши со Машењака...</p> <p>Градоначалникот (<i>налутено</i>): Се свршил! Се свршил, тикви со расол! Што ми излегуваш пред очи со таа свршувачка! (<i>Вон себе од бес</i>.) Еве гледајте, гледајте, цел свет, сите христијани, сите гледајте како началникот е намагарчен! Сите треба да му кажат, на стариот подлец, дека е будала, будала! (<i>Се заканува самиот на себеси</i>.) Ех, ти свињо! Една мивка, една крпа ја сметаше за висока личност! Ете, тој сега брза и свекотот на свончињата</p>
--	---	--

<p>того што пойдеш в посмешище – најдется щелкопер, бумагомарака, в комедию тебя вставит. Вот что обидно! Чина, звания не пощадит, и будут все скалить зубы и бить в ладоши. Чему смеетесь? – Над собою смеетесь!.. Эх вы!..</p>	<p>Ќе му ја раскаже на сиот свет срамотата. И не само што ќе станеш за подбив – туку ќе се најде некоја писарушка, некое чкртало, та ќе те стави во некоја комедија. Ете, за тоа ми е криво! Ни чинов, ни моево звание нема да го поштеди, и сите ќе се забат и ќе плескаат. На што се смеете? На самите себеси се смеете!... Ех, вие!...</p>	<p>одекнуваат по целиот пат! Ќе ти го разнесе срамот низ целиот свет; и тоа е уште малку што ќе служи за потсмев, туку уште ќе се најде некое пискарало, чкрабало, па и во комедија ќе те стави. Тоа е она што ме навредува! Ни чинот, ни звањето нема да ги поштеди, и сите ќе се потсмеваат. На што се смеете? Сами себе си се смеете!... Ех, вие!...</p>
--	---	---

Задание 2. Ниже дан отрывок из книги болгарского писателя Йордана Радичкова *«Ние, врабчетата»* (1968) и ее перевода на македонский язык *„Ние, врапчињата“* (2001), выполненного известной писательницей Ядранкой Владовой (1956–2004).

В качестве фона для сравнения приведен тот же отрывок на русском [«Мы, воробышки» (1988). *Перевод с болгарского Л. Бесковой и Н. Глен.*] Для понимания текста необходимо иметь в виду, что повествователь и его приятели (*Пиук, У Фу, Пешеходец който си подсвирква с уста, Мититаки*) – воробьи.

<p>А) Болгарский Една сутрин Пиук се събуди в гнездото съвсем прочут. Предния ден той доведе една буболечка, наречена Сече баба дръвца. Никој от нас още не беше хвацал такава буболечка. Чували сме, че има подобна буболечка, разни истории</p>	<p>Б) Македонский Едно утро Пијук се разбуди во гнездото сосем прочуен. Претходниот ден тој донесе една бубачка наречена Сече баба дрвца. Никој од нас немаше фатено таква бубачка. Сме слушале дека има таква бубачка, разни истории ни</p>
---	--

са ни разказвани за неа, но никој оште не беше я улавял, дори нешто повече – никој оште не беше виждал Сече баба дрвца. А Пиук, како летял крај реката, вижда в едно дрво Сече баба дрвца. Хваща я тој за шията, почва да вика: Ура! У Фу през тоа време перял юнашката си фланелка в реката, веднага дотичал с мокра фланелка да види какво има. Пешеходеца којто си подсвирква с уста също бил наблизо, тргнал през моста да види и тој Сече баба дрвца, ама се препна, та цопнал в реката. Тој продолжил да си подсвирква небрежно с уста, пристигнал при Пиук и У Фу и започнал да цъка с език: Тц, тц, тц!

Сече баба дрвца си върти очите на четири, гледа, ако може, да се измъкне нанякъде, обаче Пиук я държи здраво с два пръста за шията и така я доведе при нас, за да я видим всички.

Някои си спомниха как Мититаките разправяше, че на Птичата ривиера, ако човек намери нешто рядко, става прочут, или ако всички скачат по два метра, а ти скачаш три метра, също ставаш прочут, или ако прелетиш многу дълго растојание, също ставаш прочут. Изглежда, че Пиук също стана прочут с тая работа.

раскажуваа за неа, ама никој ја немаше уловено, дури и повеќе од тоа – никој уште немаше видено Сече баба дрвца. А Пијук, како што летал крај реката, здогледува во едно дрво Сече баба дрвца. Ја фаќа за шията, почнува да вика: “Ура!” У Фу кој во тоа време си ја перел атлетската маичка во реката, веднаш дотрчал да види што има. Пешакот којшто си потсвирнува со уста, исто така бил во близината, тргнал преку мостот да ја види и тој Сече баба дрвца, ама се препнал и паднал во реката. Тој продолжил да си потсвиркува негрижливо со уста, стасал до Пијук и У Фу и почнал да ц’цка со јазикот: ц, ц, ц!

Сече баба дрвца върти очи, гледа ако може некаде да избега ама Пијук цврсто ја држи со два прста за шията и така ја донесе кај нас за да ја видиме сите.

Некој се сети дека Мититаките расправаше дека на птичјата ривиера кога човек ќе најде нешто ретко, станува прочуен или, сите ако скокаат по два метри, а ти скокнеш три метри, исто така стануваш прочуен, или ако прелеташ многу големо растојание исто така стануваш прочуен. Изгледа дека Пијук стана прочуен со таа работа.

В) В одно прекрасное утро Пиук проснулся в своем гнезде страшно знаменитым. Накануне он принес букашку, прозванную в наших краях Колет Бабушка Дровишки. Никому из нас ни разу не удавалось поймать

такую букашку. Мы слышали, что есть на свете такая букашка, и разные истории про нее слышали, не ее не то что поймать никому не удавалось, но даже и видеть никто не видел. А Пиук летал себе вдоль реки и вдруг видит – на дереве сидит Колет Бабушка Дровишки. Схватил он ее за шею и закричал: «Ура!» Ку Фу в это время стирал свою куцую фуфайку, так он прибежал с мокрой фуфайкой и спрашивает, что случилось. Пешеход, Что Постоянно Насвистывает, тоже оказавшийся поблизости, побежал по мосту, чтоб посмотреть на Пиукову добычу, но споткнулся и шлепнулся в реку. Несмотря на это, он продолжал беззаботно насвистывать, а подойдя к Пиуку и Ку Фу поближе, защелкал языком от удивления.

Колет Бабушка Дровишки пялится на воробьев, норовит вырваться, но Пиук крепко держит букашку двумя пальцами за шею. Именно так, держа пальцами за шею, он и привел ее к нам, чтоб мы все на нее посмотрели.

Кто-то вспомнил, что, по словам Мититаки, на Птичьей Ривьере был заведен такой порядок: если кто найдет что-нибудь редкое, тут же становится знаменитым, или если все прыгают на два метра, а ты прыгнул на три, тоже становишься знаменитым, или если пролетишь большое расстояние, и тогда становишься знаменитым. Потому, видимо, и Пиук сделался знаменитым.

1. Сравните два текста, выявите системные отличия двух языков на основании предложенного отрывка.

2. В македонском тексте широко используются инновационные темпоральные формы с глаголом *има*. Что это за формы? Каким формам оригинала они соответствуют? Каково их значение?

3. Перечислите балканизмы, представленные в южнославянских текстах. В чем принципиальное отличие русского языка и балканославянских?

Ниже, как подспорье для анализа текстов, приводятся сопоставительные таблицы времен и эвиденциальных форм македонского и болгарского языков.

Система времен македонского и болгарского глагола
Формы прямой эвиденциальности
(непосредственно наблюдавшееся говорящим действие)

	Время	Македонский язык (Местоимения: Sg јас, ти, тој / таа / тоа; Pl ние, вие, тие)	Болгарский язык (Местоимения: Sg аз, ти, той / тя / то; Pl ние, вие, те)
1	Презенс	<i>синтетические формы</i> НСВ Sg работам, работиш, работи Pl работиме, работите, работат СВ только в составе сложных форм и связанных конструкций Sg (ако) кажам, кажеш, каже Pl (ако) кажеме, кажете, кажат	<i>синтетические формы</i> НСВ Sg работя, работиш, работи, Pl работим, работите, работят СВ в значении неактуального настоящего Sg кажа, кажеш, каже Pl кажем, кажете, кажат
2	Имперфект	<i>синтетические формы</i> НСВ Sg работев, работеше, работеше Pl работевме, работевте, работеа СВ только в составе сложных форм и условных придаточных (ке/да/ако...) Sg (ако) кажев, кажеше, кажеше Pl (ако) кажевме, кажевте, кажеа	<i>синтетические формы</i> НСВ Sg работех, работеше, работеше, Pl работехме, работехте, работеха СВ Sg кажех, кажеше, кажеше Pl кажехме, кажехте, кажеха
3	Аорист	<i>синтетические формы</i> только СВ Sg кажав, кажа, кажа Pl кажавме, кажавте, кажаа НСВ в литературном языке в аористе не употребляется	<i>синтетические формы</i> СВ Sg казах, каза, каза Pl казахме, казахте, казаха НСВ Sg работих, работи, работи, Pl работихме, работихте, работиха
4	Перфект I (старый перфект)	<i>сум+л-форма</i> Sg сум/си/Ø работел / казал Pl сме/сте/Ø работеле / кажале	<i>съм+л-причастие</i> Sg съм/си/е работил / казал Pl сме/сте/са работили / казали
5	Плюсквам- перфект I (старый плюсквампер- фект)	<i>бев+л-форма</i> Sg бев/беше/беше работел / казал Pl бевме/бевте/беа работеле / кажале	<i>бях+л-причастие</i> Sg бях/беше/беше работил / казал Pl бяхме/бяхте/бяха работили / казали

6	Перфект II (<i>има-</i> перфект)	<i>имам+причастие на -но/-то</i> <i>Sg</i> имам/имаш/има работено/кажано <i>Pl</i> имаме/имате/имаат работено/кажано	нет
7	Плюсквам-перфект II (<i>има-</i> плюсквам-перфект)	<i>имав+причастие на -но/-то</i> <i>Sg</i> имав/имаше/имаше работено / кажано <i>Pl</i> имавме/имавте/имаа работено / кажано	
8	Будущее	<i>частица ќе+praesens</i> <i>Sg</i> ќе работам.../ кажам... <i>Pl</i> ќе работиме/ кажеме...	<i>частица ще+praesens</i> <i>Sg</i> ще работя.../кажа... <i>Pl</i> ще работим/кажем...
9	Будущее в прошедшем	<i>частица ќе+imperfect</i> <i>Sg</i> ќе работев, ќе работеше... ќе кажев, ќе кажеше... <i>Pl</i> ќе работевме, ќе работевте... ќе кажевме, ќе кажевте...	<i>глагол шях / щеше / щеше / шяхме / шяхте / шяха+da+praesens</i> <i>Sg</i> шях да работя, щеше да работиш... шях да кажа, щеше да кажеш... <i>Pl</i> шяхме да работим, шяхте да работите... шяхме да кажем, шяхте да кажете...
10	Futurum exactum <i>Макед.</i> Будущее результативное <i>Болг.</i> Будущее предвари-тельное	<i>частица ќе+имам+причастие на -но/-то</i> <i>Sg</i> ќе имам / ќе имаш / ќе има работено ќе имам / ќе имаш / ќе има кажано <i>Pl</i> ќе имаме / ќе имате / ќе имаат работено ќе имаме / ќе имате / ќе имаат кажано	<i>частица ще+съм+л-причастие</i> <i>Sg</i> ще съм / ще си / ще е работил ще съм / ще си / ще е казал <i>Pl</i> ще сме / ще сте / ще са работили ще сме / ще сте / ще са казали
11	<i>Макед.</i> Будущее результативное в прошедшем <i>Болг.</i> Будущее предвари-тельное в прошедшем	<i>част. ќе+имав+причастие на -но/-то</i> <i>Sg</i> ќе имав / ќе имаше / ќе имаше работено ќе имав / ќе имаше / ќе имаше кажано <i>Pl</i> ќе имавме / ќе имавте / ќе имавме работено ќе имавме / ќе имавте / ќе имавме кажано	<i>глагол шях+да+съм+л-причастие</i> <i>Sg</i> шях да съм / щеше да си / щеше да е работил; шях да съм / щеше да си / щеше да е казал <i>Pl</i> шяхме да сме / шяхте да сте / шяха да са работили; шяхме да сме / шяхте да сте / шяха да са казали

Формы косвенной эвиденциальности

(ренарратив, т.е. действие, о котором говорящий знает с чужих слов, непосредственно не наблюдавшееся говорящим действие)

	Время	Македонский язык	Болгарский язык
1	Презент	сум/си/Ѡ/сме/сте/Ѡ +л-форма <i>формально совпадает с перфектом</i>	сьм си/Ѡ/сме/сте/Ѡ+л-причастие
2	Имперфект	<i>Sg сум/си/Ѡ работел (-а/-о) Pl сме/сте/Ѡ работеле СВ только в составе сложных эвиденциальных форм и связанных конструкций Sg сум/си/Ѡ кажел (-а/-о) Pl сме/сте/Ѡ кажеле</i>	<i>в третьем лице не совпадает с перфектом Sg сьм/си/Ѡ работел Pl сме/сте/Ѡ работели Sg сьм/си/Ѡ кажел (-а/-о) Pl сме/сте/Ѡ кажели</i>
3	Аорист	<i>только СВ Sg сум/си/Ѡ казал (-а/-о) Pl сме/сте/Ѡ кажале</i>	НСВ <i>Sg сьм/си/Ѡ работил (-а/-о) Pl сме/сте/Ѡ работили СВ Sg сьм/си/Ѡ казал (-а/-о) Pl сме/сте/Ѡ казали</i>
4	Перфект I (старый перфект)	НЕТ	<i>Sg бил+сьм/си/Ѡ+л-причастие Pl били+сме/сте/Ѡ+л-причастие Sg бил сьм/си/Ѡ работил / казал Pl били сме/сте/Ѡ работили / казали</i>
5	Плюсквам-перфект I		
6	Перфект II	сум/си/Ѡ имал (-а, -о, -е)+причастие на -но/-го <i>Sg сум имал (-а/-о)/си имал/имал работено Pl сме имале/сте имале/имале работено Sg сум имал (-а/-о)/си имал/имал кажано Pl сме имале/сте имале/имале кажано</i>	НЕТ
7	Плюсквам-перфект II		
8	Будущее	ќе+сум/си/Ѡ/сме/сте/Ѡ +л-форма <i>Sg ќе сум/си/Ѡ работел (-а, -о)</i>	<i>Sg щял+сьм/си/Ѡ+да+praesens Pl</i>

9	Будущее в прошедшем	<i>Pl</i> ќе сме/сте/Ќ работеле	щели+сме/сте/Ќ+да+праес енс <i>Sg</i> щял съм да работя, щял си да работиш, щял да работи <i>Pl</i> щели сме да работим, щели сте да работите, щели да работят <i>Sg</i> щял съм да кажа, щял си да кажеш, щял да каже <i>Pl</i> щяхме да работим, щяхте да работите... щяхме да кажем, щяхте да кажете...
10	Futurum exactum <i>Макед.</i> Будущее результативное <i>Болг.</i> Будущее предварительное	<i>Sg</i> ќе+сум/си/Ќ+имал (-а, -о, -е) +причастие на -но / -то <i>Pl</i> ќе+сме/сте/Ќ+имале+причастие на -но/-то <i>Sg</i> ќе сум имал / ќе си имал / ќе имал работено <i>Pl</i> ќе сме имале / ќе сте имале / ќе имале работено	щял+съм/си/Ќ/сме/сте/Ќ+да+съм съм/си/е/сме/сте/са +л-причастие <i>Sg</i> щял съм да съм / щял си да си/ щял да е работил <i>Pl</i> щели сме да сме / щели сте да сте / щели да са работили
11	<i>Макед.</i> Будущее результативное в прошедшем <i>Болг.</i> Будущее предварительное в прошедшем	<i>Sg</i> ќе сум имал / ќе си имал / ќе имал кажано <i>Pl</i> ќе сме имале / ќе сте имале / ќе имале кажано	<i>Sg</i> щял съм да съм / щял си да си/ щял да е казал <i>Pl</i> щели сме да сме / щели сте да сте / щели да са казали

Примечание к таблицам

1. В болгарском языке в третьем лице в перфекте *Sg* и *Pl* глагол-связка не опускается. Если же она отсутствует, то считается, что это несвидетельская форма ренарратива. В македонском литературном языке в третьем лице связка опускается всегда.

2. В болгарском языке, помимо ренарративных, имеются отсутствующие в македонском формы усиленного, недоверчивого пересказа (дубитатив). В македонском такие значения при поддержке контекста передаются теми же формами, что и обычный пересказ.

3. В болгарском также есть специализированные формы адмиратива. В македонском и это значение принадлежит семантическому диапазону форм, совпадающих с перфектом.

4. По структуре болгарское будущее предварительное совпадает с македонской несвидетельской формой для будущего и будущего в прошедшем, однако, их семантика различна.

5. Кроме того, если македонские конструкции с глаголом *сум* и согласуемым причастием на *-н/-т* считать темпоральными формами, как это делают некоторые ученые, то временная система македонского глагола пополнится еще четырьмя членами:

Македонский язык		
	Свидетельские формы	Несвидетельские формы
Перфект III	сум+н/-т-причастие <i>Переходный глагол:</i> Sg сум/си/е убиен (-а/-о) Pl сме/сте/се убиени <i>Непереходный глагол:</i> Sg сум/си/е дојден (-а/-о) Pl сме/сте/се дојдени	сум+бил+н/-т-причастие <i>Переходный глагол:</i> Sg сум/си/Ø бил убиен (-а/-о) Pl сме/сте/Ø биле убиени
Плюсквам-перфект III	бев+н/-т-причастие <i>Переходный глагол:</i> Sg бев/беше/беше убиен (-а/-о) Pl бевме/бевте/беа убиени <i>Непереходный глагол:</i> Sg бев/беше/беше дојден (-а/-о) Pl бевме/бевте/беа дојдени	<i>Непереходный глагол:</i> Sg сум/си/Ø бил дојден (-а/-о) Pl сме/сте/Ø биле дојдени
Будущее результативное II	ќе бидам (сум)+н/-т-причастие <i>Переходный глагол:</i> Sg ќе бидам/бидеш/бидеш убиен (-а/-о) (ќе сум/си/е убиен (-а/-о)) Pl ќе бидеме/бидете/бидат убиени (ќе сме/сте/се убиени) <i>Непереходный глагол:</i> Sg ќе бидам/бидеш/бидеш дојден(-а/-о) (ќе сум/си/е дојден (-а/-о)) Pl ќе бидеме/бидете/бидат дојдени ќе сме/сте/се (дојдени)	ќе+сум+бил+н/-т-причастие <i>Переходный глагол:</i> Sg ќе сум/си/Ø бил(-а/-о) убиен(-а/-о) Pl ќе сме/сте/Ø биле убиени
Будущее результативное в прошедшем II	ќе бев+н/-т-причастие <i>Переходный глагол:</i> Sg ќе бев/беше/беше убиен(-а/-о) Pl ќе бевме/бевте/беа убиени <i>Непереходный глагол:</i> Sg ќе бев/беше/беше дојден (-а/-о) Pl ќе бевме/бевте/беа дојдени	<i>Непереходный глагол:</i> Sg ќе сум/си/Ø бил(-а/-о) убиен (-а/-о) Pl ќе сме/сте/Ø биле убиени)

Представляется, однако, что несколько преждевременно включать эти конструкции в систему, поскольку, во-первых, далеко не все переходные глаголы ее регулярно образуют. Во-вторых, конструкции с переходными и непереходными глаголами имеют разную диатезу (т.е. соответствие между ролями глагольной лексемы (субъектом, объектом и т.п.) и выражающими их членами предложения (подлежащим и дополнением)): *Toj e умрен.* (неперех.). ‘Он умер’; *Toj e убиен.* (перех.). ‘Он убит’.

История классификаций славянских языков

Лекция будет основываться на обзорной статье, подготовленной мной для «Энциклопедии славянских языков и лингвистики». На данный момент энциклопедия есть только в электронном виде: Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics Online. [Электронный ресурс.] URL: <https://referenceworks.brill.com/display/db/eslo?language=en>

Для начала нам предстоит разобраться, что такое классификация, и зачем она нужна. В целом, необходимо понимать, что классификация – это такой инструмент, который позволяет нам лучше проникнуть в суть вещей как в сопоставлении изучаемых объектов друг с другом, так и при индивидуальном их рассмотрении. Конечно, всегда нужно помнить, что любая классификация условна, и, строя классификацию, мы лишь стремимся к тому, чтобы она максимально объективно отражала реальность, хотя в действительности эта цель недостижима.

Лингвистические классификации можно разделить на генеалогические и типологические. Первые стараются сгруппировать языки по родству. Это значит, что языки, которые являются потомками общего предка, мы ставим ближе друг к другу, а, соответственно, чем дальше друг от друга стоят языки в нашей классификации, тем большее время тому назад распался их общий предок. Типологические же классификации ориентированы не на родство, а на отражение определенных черт, которые не обязательно были унаследованы от общего предка. Таким образом, при типологических классификациях в одну группу могут попасть неродственные языки.

В этой лекции мы сконцентрируемся на классификациях генеалогических, то есть обсудим вопросы родства славянских языков.

Итак, каковы задачи классификации славянских языков? Первая задача – разделить массив славянского мира на языки и диалекты. Это не так просто, как может показаться, поскольку граница между языком и диалектом в реальности очень зыбка. После того, как мы массив расчленили, нам нужно полученные диалекты и языки сгруппировать. Отдельный вопрос – на каких основаниях мы проводим группировку. Дело в том, что теоретически нас ничего не ограничивает, и мы можем использовать фонетические, лексические, морфологические, синтаксические критерии, но обычно в основу лингвистических генеалогических классификаций кладется фонетика. К фонетике мы прибегаем скорее не в силу ее достоинств, а в силу недостатков

остальных уровней языка. Синтаксис и лексика в языке довольно неустойчивы. Лексика может заимствоваться, выходить из употребления, вытесняться инновациями, а синтаксис сложно сравнивать по каким-либо общим основаниям (хотя это тоже делают и синтаксические черты используются для генеалогической классификации). Что касается морфологии, то она играет огромную роль в сравнительно-историческом языкознании. На заре индоевропеистики именно сходство спряжений глаголов и склонений существительных в различных индоевропейских языках было тем доказательством, которое позволило твердо продемонстрировать родство индоевропейских языков. Однако в морфологии есть определенная проблема: зачастую она склонна к глобальным перестройкам. Например, болгарский и македонский языки практически полностью утратили склонение существительных, но при этом они сохраняют богатую глагольную морфологию и, более того, они даже расширили богатство форм, унаследованных от праславянского языка. Тем временем в русском языке наблюдается ровно обратная картина: мы имеем достаточно богатую систему склонений, но большинство прошедших времен – имперфект, аорист, плюсквамперфект – было утрачено. В связи с этим, используя морфологию в генеалогической классификации, мы сталкиваемся с рядом трудностей: как сопоставить морфологию русского языка со столь отличной морфологией болгарского? Фонетика лишена такого недостатка, потому что фонетические изменения происходят во всех языках. Не бывает такого, что в каком-то языке вдруг утрачиваются все гласные. Следовательно, фонетические изменения, как правило, и являются основой генеалогических классификаций, хотя, конечно, бывают и исключения – это смешанные классификации, построенные на использовании не только фонетики, но и черт других уровней.

Фонетические черты для классификации годятся не все, а только определенные. Так, Е. Курилович делил языковые факты на инновации и архаизмы с одной стороны и характерные и банальные с другой. В результате мы получаем четыре разновидности черт языка: характерные инновации, характерные архаизмы, банальные инновации и банальные архаизмы. Банальные – это те фонетические изменения, которые происходят в языках мира очень часто и, соответственно, высок шанс, что в каких-то языках они произошли независимо, а не в силу родства. Соответственно, для установления родства ни банальные инновации, ни банальные архаизмы не годятся. Что касается характерных фактов, то для генеалогических классификаций наиболее

важны именно характерные инновации, потому что если мы говорим, что генеалогическая классификация отражает восхождение языков к общему предку, то подразумевается их некоторое длительное сосуществование в рамках одного языка, во время которого язык должен был набрать какие-то характерные инновации. Если таких инноваций нет, то возникает вопрос, был ли праязык вообще. Почему так важно разграничение архаизмов и инноваций? Дело в том, что многие языковые классификации основаны как на инновациях, так и на архаизмах, хотя этот подход глубоко ошибочен. Классическая лингвогеография говорит нам, что изменения происходят от центра к периферии. Если произошла некоторая инновация, которая затронула только центр, то останутся периферийные ареалы, где этой инновации не было. Получается, что при учете в классификации архаизмов, этот самый центр мы отнесем в одну подгруппу, а в другой окажутся те периферийные ареалы, где архаизмы остались. Но разве это говорит что-то о существовании в рамках одного идиома? Например, если в севернорусских и, условно говоря, в словенских говорах остался архаизм, а в остальных славянских языках произошла инновация? Нет, на самом деле, это ничего не говорит нам о том, что эти идиомы какое-то время существовали вместе. Это говорит только о том, что они остались на периферии и их не затронули более поздние инновации, а вот те инновации, которые произошли, и являются показательными.

Как было сказано ранее, инновации бывают характерными и банальными. Банальные – это утрата чего-то, что в целом часто исчезает в языках мира. Например, утрата аориста, имперфекта произошла практически повсеместно: в западнославянских языках, восточнославянских языках и в словенском. Можно ли на основании этой утраты объединять эти языки? Нет, нельзя, поскольку они просто перестроили систему в пользу более простой. Это ничего нам не говорит о том, что эти языки ближе друг к другу, чем те, которые такую утрату не пережили.

Какие же фонетические изменения чаще всего используют для классификации славянских языков? В первую очередь, это так называемый «третий ять», вторая и третья палатализации, вставной [l] (l-epentheticum), результаты метатезы плавных **torT*, **orT*, а также взаимодействие зубных с йотом (**tj*, **dj*).

Далеко не все эти изменения можно назвать характерными инновациями, и не все они могут быть полезными для классификации славянских языков. Часть из них не перекрывается традиционным трехчастным делением славянских языков.

Нам нужна новая классификация, основанная на фонетических изменениях. В идеале, такую классификацию может дать материал Общеславянского лингвистического атласа – грандиозного проекта, стартовавшего 70 лет назад, но, к сожалению, еще только продолжающегося. Однако проблема заключается в том, что в фонетико-грамматической серии вышедшие тома затрагивают только часть фонетики славянских языков, а именно гласные и сочетание гласных с плавными. Тома с согласными еще не вышли, но, возможно, когда весь материал будет опубликован, мы сможем предложить какую-то более адекватную классификацию славянских языков.

Обязательно стоит сказать о понятии континуума. Дело в том, что классификацию, как мы обычно себе представляем, – древовидную, желательно с бинарным делением, – лучше проводить в следующих идеальных условиях. Например, есть носители языка А, половина из которых переселилась на какой-нибудь остров. Там они снова разделились, и еще одна половина тоже переселилась на другой остров, и те, которые остались, аналогично разделились и долгое время не контактировали между собой. Тогда можно представить себе дерево, где праязык делится пополам, потом каждая из половинок тоже делится пополам, и это будет соответствовать действительности. В реальности такие условия возможны: в пример можно привести население Исландии, где люди переселялись на острова, и языки было удобно классифицировать, но и там были свои сложности. Однако зачастую все бывает иначе, так как праязык может распадаться даже без миграции. Когда носители праязыка долгое время живут в одном месте, постепенно между различными говорами накапливается некоторое количество изменений. Представим себе цепь горных долин или деревень А, В, С, D, E. Получается, что одно изменение затронуло долины А, В и С, другое изменение затронуло только А и В, третье – В и С, четвертое – С и D и т.д. Так накапливается пучок изоглосса, который позволяет нам точно сказать, какая граница. Мы получаем ситуацию, когда житель долины А приезжает в долину В и понимает, что ему говорят, несмотря на отличия, в долине С различий будет больше и коммуницировать станет сложнее, в долине D язык будет практически не понятен, а в долине E не понятен вообще. Тем временем житель долины D будет хорошо понимать своих ближайших соседей и хуже понимать соседей более отдаленных, но в принципе он поймет всех. И тогда возникает вопрос, на сколько языков мы поделим этот континуум. Это гигантский камень преткновения для современной лингвистики, потому что знакомое нам со школы деление «язык –

диалект – говор», строго говоря, донучно. Представление, что языки распадаются на диалекты работает не так, как должно. В идеале ученый сначала изучает какие-то объекты, выделяет характерные свойства, классифицирует их и потом предлагает четкие определения этих объектов. То есть необходимо идти от материалов к определениям и от материалов к классификациям. Мы же имеем ситуацию, когда ученые зачастую действуют ровно наоборот, когда существует сложившееся представление о том, сколько есть языков, и дальше производится попытка распределения диалектов между данными языками, после чего строится классификация. При этом, под языками, как правило, подразумеваются идиомы, которые добились статуса «литературный» (к понятию «идиом» ученые прибегают, когда сложно сказать, язык перед нами или диалект). Этот подход далеко не самый правильный, потому что в XIX веке количество литературных языков отличалось от того, которое есть сейчас, а если бы история пошла другим путем, тот же самый континуум славянских языков мог бы состоять из другого их количества. Грубо говоря, выделяют три восточнославянских языка: русский, белорусский, украинский. Но представим себе ситуацию, если бы Новгород в свое время остался независимым, и сформировался бы новгородский литературный язык, отдельный от русского. Тогда сейчас было бы четыре восточнославянских языка: русский, белорусский, украинский и новгородский. Все действительно могло быть так, если бы история повернулась несколько иначе. По этой причине подход распределения диалектов между литературными языками глубоко неправильный, но, к сожалению, главенствующий в большинстве как старых, так и современных работ по этой теме.

Почему с континуумом тяжело работать? Мы можем описать какую-либо ситуацию, не понимая, как ее анализировать и как работать с ней в дальнейшем. Нам хочется простоты, поэтому данный континуум членился в соответствии с литературными языками, не важно, как и где проходят изоглоссы. Возникает ситуация, когда есть говоры, которые относят в нынешнее время к словацким, но если посмотреть на их самые древние черты, то окажется, что они чешские. Кроме того, ситуацию осложняет такая вещь, как конвергенция, потому что носители праязыка могут сначала расселиться, а потом с условного острова вернуться обратно. В этом случае носители не очень сильно успеют отойти от языка тех, кто остался на материке, но потом при взаимодействии с ними их идиомы наберут те же самые инновации, что и у людей на континенте. Как классифицировать такой идиом? Это

очень сложный вопрос. Вероятно, современная лингвистика еще не совсем научилась работать с такими случаями.

А теперь перейдем к тому, как схематически представляют классификации. Существует две основные модели – древовидная и волновая. Автором первой является Август Шлейхер, а автором второй – Иоганнес Шмидт. Древовидная модель представляет историю праязыка как историю вот таких членений, чаще всего бинарных. Данная модель очень проста для понимания, что, вероятно, и способствовало ее популярности. Главным минусом является то, что она плохо умеет работать с ситуацией континуума. Однако плюсом является то, что она работает со временем – показывает, что одни изменения более древние, а другие – более поздние. Это отличает ее от волновой модели, которая не умеет работать со временем. Представляя разбор европейских языков в виде такой схемы, сложно понять, когда распался праиндоевропейский язык. А вот представить фонетические законы по этой схеме будет проще, чем по древовидной. Но все-таки обычная карта, отражающая языковую ситуацию, как правило, намного более информативна, чем любая волновая модель. Те же славянские языки можно представить по этой схеме, но рассмотрение их на карте окажется лучшим и более понятным способом. Но в чем же тогда смысл такой схемы? В целом, возвращаясь к вопросу континуума, стоит вспомнить знаменитое высказывание А. Долгопольского о том, что у всех языковых таксонов есть языковые деревья, а у тюркских языков – генеалогический пень. Проблема в том, что это высказывание применимо не только к тюркским языкам, но и не в меньшей степени к славянским.

Хотя уже в XVIII веке вопросы классификации начали занимать ученых, поначалу они ограничивались простым перечислением славянских языков и говоров. Только с зарождением современной научной славистики мы получили классификацию с попытками разделения этих идиомов. Её автор – Й. Добровский. В своих поздних работах ученый делил все славянские языки на две группы: А и В. Классификация основывается на фонетических, словообразовательных и лексических чертах. К группе А относятся русский, старославянский, сербский, хорватский и словенский языки. В группу В входят словацкий, чешский, верхнелужицкий, нижнелужицкий и польский языки. Если смотреть с современных позиций, то в глаза бросается отсутствие болгарского и полабского языков. Но в то же время Добровский в отличие от многих других исследователей делил лужицкий язык на верхний и нижний.

Классификация Добровского была очень влиятельной. П.Й. Шафарик развил её, выдвинув дополнение в виде двуступенчатого деления. В рамках двух больших групп исследователь выделял подгруппы. В юго-восточной группе, которая была группой А у Добровского, теперь были русская, болгарская и иллирийская подгруппы. В последнюю входили сербы, хорваты и словенцы. Западную группу Шафарик делил на три подгруппы – лехитскую, в которую включались поляки, силезцы и кашубы; чехословацкую – чехи, мораване и словаки; а также полабскую, к которой относятся ассимилированные славяне из северной Германии. Это племена, знакомые нам в первую очередь по хроникам, – лютичи, велеты, бодричи, мильчане и лужичане. Можно заметить, что западнославянские языки разделены более подробно, им уделено большое внимание, а остальные распределены достаточно небрежно. Конечно, это не могло не вызвать реакции – классификация обсуждалась.

Другая классификация, довольно малоизвестная, принадлежит перу поляка А. Кухарского. Она основывается на ранней классификации Шафарика и создана в полемике с ним. Кухарский положил в основу своей классификации судьбу сочетания *dj. Главное отличие от классификации Шафарика заключается в распределении подгрупп. Кухарский уже выделял украинский язык, но у него выходило, что восточные языки делятся на северо-восточные и юго-восточные, причем к северо-восточным он относил не только русский и украинский, но и старославянский и болгарский, в юго-восточные включаются сербский и хорватский, а словенский терялся вовсе. Одной из причин объединения в группу русского языка с болгарским было значительное количество церковнославянских заимствований в русском и в дальнейшем обилие русизмов в литературном болгарском языке. Это и создавало впечатление близости языков.

Еще одна классификация словенца Ернея Копитара предполагает своеобразное деление славян и славянских языков по отношению к реке Дунай. Он делит их на *Slavismus cisdanubianus*, то есть славянский мир, находящийся «по эту сторону Дуная», – с его точки зрения как словенца это старославянский, болгарский, сербохорватский и словенский; а также *Slavismus transdanubianus* – славянский мир «по ту сторону Дуная» – это украинский, русский, польский, лужицкий, чешский и словацкий.

Все перечисленные классификации дихотомические, то есть разделяющие славянские языки на две части. Первая трихотомическая классификация принадлежит чеху Франтишеку Палацкому. Он был

историком, поэтому делил народы, а не языки, но на тот момент это не имело большого значения. По Палацкому, первая группа – это восточная или русская, в которую входили русские и болгары; вторая – юго-западная или иллирийская состояла из сербов, хорватов и словенцев, а третья – северо-западная или лехитская включала в себя поляков, чехов с мораванами и словаками, а также славян из Северной Германии. Эта классификация трихотомическая, как и принятая сейчас, но совершенно не похожая на современную. Другими словами, хотя Палацкий и отец первой трихотомической классификации, но она тоже не прижилась.

Привычная для нас трихотомическая классификация появляется в середине XIX века. Ее отцом можно назвать И.И. Срезневского. Срезневский критиковал все предыдущие классификации и говорил о том, что восточнославянские языки необходимо выделять отдельно. Он предлагает деление на восточные, юго-западные и северо-западные наречия. Это первая полноценная трихотомическая классификация в современном смысле, близкая к делению на восточнославянские, западнославянские и южнославянские языки. Это деление скорее совпадает с тем, к которому мы привыкли: например, болгарский язык входит в южную или юго-западную группу, а не в восточную.

В середине XIX века начинают появляться схемы (до этого все классификации были текстовыми). А. Шлейхер, отец древесной модели, занимался в том числе славянскими языками, и у него представлено классическое генеалогическое древо с бинарным делением. Сначала от общего ствола отделяются западнославянские языки, потом остаток делится на восточные и южные (в современном представлении), а потом южные делятся на болгарский и сербо-словенский, который в свою очередь делится на сербский и словенский т. д. Такую схему можно назвать возвратом к дихотомической классификации, поскольку древо ветвится преимущественно бинарно.

Шлейхера критиковал хорват Дж. Даничич, который использовал рефлексы *dj для классификации славянских языков. По его мнению, первым от праязыка отделился сербохорватский, а остальные уже потом.

Конкурент Шлейхера, автор волновой модели Й. Шмидт тоже занимался славянскими языками, и он классифицировал их в виде круговой диаграммы. Такая классификация, возможно, лучше отражает ситуацию континуума, но не очень удобна в практическом отношении. Спустя почти полвека чешский ученый Й. Поливка дополнил диаграмму Шмидта, но все равно получил довольно сложное круговое деление, которое плохо читается и не применяется на практике.

Болгарский ученый Б. Цонев тоже сделал круговую диаграмму, описав ее словесно. Он предложил представить славянские языки в виде круга с основными звеньями и промежуточными. Так, чешский, польский, русский, болгарский, сербский и словенский оказываются основными, а остальные языки включаются в промежутки между ними. Это деление, разумеется, весьма произвольное.

Помимо дихотомических и трихотомических классификаций бывают тетрахотомические с делением на четыре группы. Это явление достаточно редкое, хотя в литературе можно найти приписывание таких схем различным ученым, но, как правило, это дихотомические классификации с последующим делением каждой группы еще на две. Настоящая тетрахотомическая классификация, созданная в 1914 году, которая сразу делит языки на четыре группы, принадлежит А. Лескину. Лескин разделил славянские языки на болгарскую, сербохорватско-словенскую, русскую и западнославянскую группы, то есть от привычной нам трихотомической классификации ее отличает то, что болгары, сербы, хорваты и словенцы отделены друг от друга.

Есть и поздние случаи возврата к дихотомической классификации в XX веке. Например, чех Ф. Мареш создал свою схему, но подобные случаи – это в основном эксцессы, так как в течение XIX века окончательно закрепилась трихотомическая схема, к которой мы привыкли. Постепенно ее перестали критиковать, приняли как данность, иногда даже не задумываясь, что основания, на которых она зиждется, весьма зыбки. Велика вероятность, что именно эта схема победила не в силу каких-то лингвистических достоинств, а в силу простоты восприятия и того, что в ней отсутствуют насильственные объединения вроде русского с болгарским, поэтому необходимо помнить, что это схема условна.

Однако все-таки она закрепилась, и фокус внимания ученых в XX веке был перенесен с того, чтобы предложить какое-то основное деление, во-первых, на то, чтобы определиться с составом подгрупп, а во-вторых, чтобы соотнести трихотомическую классификацию и ее последующее членение с историческими, археологическими и др., данными. Можно сказать, что XX век научное сообщество занималось уточнением этой классификации.

Какие частные вопросы интересовали ученых? Здесь в первую очередь важно то, как тот или иной ученый воспринимал южнославянскую и западнославянскую группы. Одни исследователи считали, что праславянский распался на правосточнославянский, празападнославянский и праюжнославянские языки. Другие полагали,

что таких праязыков не было, и для них западнославянская и южнославянская группы обрели статус конвергентных, то есть сблизившихся уже впоследствии.

Что касается западнославянской группы, то традиционно уже в XIX веке их делили на три подгруппы: лехитская (польский, кашубский и полабский языки), лужицкая (лужицкие языки) и чешско-словацкая (чешский и словацкий языки). Однако существуют и альтернативные модели, в частности, есть четырехчастные схемы членения в различных вариациях. Чтобы из трехчастного деления получить четырехчастное, одну из групп надо разбить на две. Например, С. Рамулт отделял от польского кашубский и полабский языки, Й. Миккола выделял в отдельные группы полабский и словинский, а А.М. Селищев отделял только полабский. С другой стороны, бывают двухчастные схемы, когда исследователь считает, что нет необходимости выделять, например, лужицкие языки. Такую схему предложил Е. Налепя, объединяя лужицкие языки с лехитскими. С его точки зрения, они ближе к польскому языку, чем к чешскому и словацкому.

С членением южнославянских языков также связан ряд проблем. Традиционно их делят на восточную часть (болгарский и македонский) и западную (словенский и сербохорватский). С таким делением согласны не все. Например, существует гипотеза о выделении сербохорватского центра и словенско-болгарской периферии. Есть и предложенное Л.В. Куркиной четырехчастное деление на северо-западную, юго-восточную, штокавскую и торлакскую подгруппы.

Что касается восточнославянской группы, здесь, с одной стороны, меньше споров, поскольку эти языки значительно ближе друг к другу, чем западнославянские и южнославянские, но также есть некоторые варианты. Польский лингвист З. Штибер считал, что с диалектологической точки зрения восточнославянскую группу можно разделить на севернорусскую, южнорусскую, белорусскую и украинскую группы диалектов. С другой стороны, открытие новгородских берестяных грамот и тот материал, который они привнесли, во многом перевернуло наше представление о членении древнерусского языка.

Вторая вещь, которая интересовала ученых в XX веке – это соотнесение классификации славянских языков с распадом праславянского языка. А.А. Шахматов был одним из первых, кто попытался сопоставить исторические данные о расселении славян с трихотомической классификацией. Голландский лингвист Н. ван Вейк критиковал Шахматова, указывая на важную особенность говоров

в ситуации переселения: когда на прародине существует некоторое диалектное членение, а потом носители разных говоров переселяются в другое место уже в новой конфигурации, у них вырабатывается междиалектное койне, своеобразный сглаженный идиом, не содержащий наиболее ярких черт различных диалектов, и впоследствии это койне имеет все шансы на то, чтобы распространиться в новой среде, полностью или почти полностью стирая старые диалектные черты.

Ученый демонстрировал это на примере немецких переселенческих говоров, но в пример можно привести и британский и американский английский, когда носители различных английских диалектов, переселяясь в Новый Свет, теряли характерные черты. Это заметно по диалектной разнице в несопоставимых языках Англии и Америки. Если бы мы имели только американские данные, то есть если бы с Британских островов переселились абсолютно все носители, то восстановить исходное диалектное членение английского языка на прародине было бы невозможно. Ван Вейк говорил о том, что славянские языки пережили подобную ситуацию, потому что когда во время Великого переселения народов славяне стали широко расселяться, то они не расселялись в соответствии с племенным диалектным членением, которое было на их прародине. По-видимому, произошло смешение различных племен, выработка койне и как следствие затирание наиболее ярких диалектных черт. Именно поэтому реконструируемый праславянский язык выглядит лишенным диалектов. В основном, изоглоссы, характеризующие славянские языки, сформировались уже после расселения.

Что касается взглядов ван Вейка на расселение славян, то он считал, что южные славяне расселялись двумя путями: одни шли с востока, другие – с запада, и изначально их разделяла прослойка носителей романских языков. Позже, когда эти носители ассимилировались, с одной стороны оказались предки болгар и македонцев, а с другой – сербов, хорватов и словенцев. Так выработалась граница с переходными торлакскими говорами. А западнославянские языки, с точки зрения ван Вейка, – это изначально континуум с массой переходных звеньев.

К сожалению, ученый не был услышан своими современниками, и в дальнейшем наука пошла несколько иным путем, а именно, попыткой соотнести трихотомическую классификацию с историческими, археологическими, лингвистическими и другими сведениями.

Собственные гипотезы выдвигали польские ученые Т. Лер-Сплавинский, Я. Чекановский и Т. Милевский. Лер-Сплавинский пытался для каждой фонетической изоглоссы найти членение в классификации. Чекановский был археологом, поэтому хотел соотнести раннее членение славян с археологическими культурами. С современной точки зрения, проблема заключается в том, что часть этих культур, как мы сейчас знаем, были не славянскими. Тем не менее, в этом направлении наука идти не перестала. Милевский работал в основном с историческими данными.

Переходя к отечественной науке, нельзя не упомянуть С.Б. Бернштейна, который тоже высказался на эту тему в «Очерке сравнительной грамматики славянских языков». Интересна в этом вопросе позиция Ф.П. Филина, обратившего внимание на лексические данные, крайне важные для классификации. В пользу лексики высказывался и этимолог О.Н. Трубачев. Он предложил собственное членение праславянского языка. Стоит помнить и о классификации Г. Бирнбаума, который использовал двадцать одну фонетическую и тридцать одну морфологическую изоглоссу, чтобы получить волновую схему. Любопытна также классификация Вяч.Вс. Иванова, предложенная в Лингвистическом энциклопедическом словаре. Так, он выделял прачешско-словацко-словенский диалект, что является следствием длительной дискуссии о месте словенского языка. Дело в том, что словенский язык имеет ряд черт, который сближает его с западнославянскими языками. Например, в части словенских говоров сохранились архаические сочетания *dl, *tl. С другой стороны, центральнословацкие говоры имеют черты, сближающие их с южнославянскими языками. Все это нарушает ясную классификацию на западные, южные и восточные и приводит к подобным объединениям. Стоит отметить и выделяемый Ивановым прасеверно-восточнославянский язык, связанный с берестяными грамотами. Дело в том, что результаты второй и третьей палатализации еще со времен Добровского использовались для классификации практически повсеместно, но вдруг обнаруживается, что в части древненовгородского диалекта не произошло второй палатализации. Это рушит представления о диалектном членении праславянского языка, потому что если мы считаем эту изоглоссу древней, то все славянские языки можно поделить на две части – древненовгородский и все остальные.

С. Л. Николаев предложил классификацию, основанную на акцентологических данных. Ученый также пытается выделить

праславянские диалекты. Но, к сожалению, у такой классификации нет шансов быть полной, поскольку часть славянских языков утратила значительный массив данных об ударении.

Среди прочих недавних классификаций можно назвать схему лужицкого ученого Г. Шустера-Шевца, которая возвращается к совмещению фонетики с делением древнегреческих источников на антов, склавинов и венетов и выделяет четыре группы славянских языков.

Новую схему представил М. Шекли, стремящийся сохранить трехчастное деление, но при этом соотнести его с новыми данными о делении сербохорватской общности на штокавскую, кайкавскую и чакавскую области, учитывая диалекты праязыка и современное диалектное членение.

На этом мы заканчиваем говорить об исторических генеалогических классификациях, но нельзя не упомянуть, что бывают и синхронные классификации. Пропоненты таких классификаций говорят, что древнейшим изоглоссам придается неоправданно высокий вес, и предлагают делить славянские языки, исходя из общего массива расхождений между ними в настоящее время без соотношения с членениями праславянского, миграциями и т.д.

Первая классификация принадлежит чешскому лингвисту Копечному, который взял сорок две черты: три фонетических супрасегментных, девять сегментных, четырнадцать из исторической фонетики и шестнадцать из морфологии и синтаксиса, и получил пять групп: чешско-словацкую, польскую, восточнославянскую, македоно-болгарскую и южнославянскую. Лужицкие данные в его классификации использованы не были. Болгарский ученый Иван Леков поддержал идею построения синхронной классификации, но предложил вообще убрать фонетические критерии, и добавить взамен словообразовательные и лексические. Так получилось, что все славянские языки делятся на северные и южные с промежуточным словенским.

Советские ученые А.С. Герд и В.М. Мокиенко тоже представили свою синхронную классификацию на основе семидесяти именных суффиксов, географической и ихтиологической лексики. Т.И. Вендина предложила классификацию в соответствии с системой словообразования славянских языков. Важно, что авторы этих классификаций особо оговаривают, что эти классификации синхронные, и изначально они не ориентированы на историческую ценность.

В заключение стоит сказать о лексикостатистических классификациях. Лексика легко заимствуется и очень быстро меняется.

Поэтому американский ученый Моррис Сводеш ввёл понятие базисной лексики, отличающейся большим консерватизмом, независимостью от конкретной культуры и исторической эпохи, и устойчивой к заимствованиям. В первую очередь сюда относятся названия некоторых частей тела, природных явлений, животных, простых действий и признаков, цветообозначения. Математический аппарат в лексикостатистике Сводеша был взят из метода радиоуглеродного анализа. Довольно быстро лексикостатистику стали применять к славянским языкам. Например, в этой области работали чешские ученые Мирек Чейка и Арношт Лампрехт. Чейка изобразил полученные результаты графически в виде последовательности волновых моделей. В отечественной науке ренессанс лексикостатистики связан с именем С.А. Старостина, который доработал этот метод, что в некоторой степени его популяризировало. Лексикостатистикой активно занимается и В. Блажек, который построил древо славянских языков на основе метода Старостина, но в противоречии с принципами отбора лексики, характерные для школы Старостина. Его схема неплохо согласуется с современным трехчастным членением.

Особый негативный резонанс вызвали разработки Грея и Аткинсона, которые отнесли русский, белорусский и украинский языки к западнославянской группе. Отечественные ученые А.В. Дыбо и А.С. Касьян заслуженно критиковали эту статью с позиций московской школы лексикостатистики и разработали свою модель, которая, к сожалению, также не безукоризненна.

Еще одна попытка лексикостатистической классификации появилась недавно за авторством М.Н. Саенко и М.А. Васильева. В отличие от всех предыдущих, эта классификация основывается только на диалектных данных.

Свою схему представил и А.Ф. Журавлев, разработавший собственную математическую модель. Исследователь собирал материал для классификации не списками, а использовал лексику, представленную в «Этимологическом словаре славянских языков».

Литература

Saenko M.N. History of the Taxonomy of Slavic Languages // Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics Online. DOI: 10.1163/2589-6229_ESLO_COM_036398

Вопросы для самостоятельной работы

1. Что общего и что различного в древесной и волновой моделях классификации?

2. Какие примеры языковых континуумов вам известны?

3. Преимущественно на каких чертах (фонетических, морфологических, синтаксических, лексических) основываются известные вам классификации иных, не славянских, языков?

Ответы на вопросы и ключи к заданиям

Ананьева Н.Е. Польский и русский языки и их контакты

Ответы на вопросы

1. Это фонетический процесс преобразования зубного л в характерный польский губно-губной звук.

2. Распространение знака ą связано с характером произношения носового звука в окрестностях Кракова, в тот период, когда тот был важным центром книгопечатания.

3. Распространение латиницы в Польше связано с принятием христианства по римско-католическому образцу.

4. Губные согласные в польском языке отвердели, а «креска» обозначает мягкость согласного.

5. Лигатура и диакритика – способы приспособления знаков латинского письма для передачи характерных польских звуков: шипящих и носовых.

6. Категория мужского лица выражается прежде всего в существительных, а также во всех связанных с ними частях речи: прилагательных, числительных (и замещающих их местоимениях), а также глаголах.

7. Польский язык обладает специальными окончаниями, способными выразить значение лица в формах прошедшего времени глаголов.

8. Это германизмы, пришедшие из немецкого языка.

9. В русском также есть слова партер, бюро, пальто, заимствованные из французского языка. Это галлицизмы.

Ключ к заданию 1

Krowa – корова, *brzeg* – берег, *mlody* – молодой. Отличия в польском и русском языках связаны с различной судьбой праславянских сочетаний *TorT, *ToIT, *TerT, *TeIT, которые в польском языке развились в неполногласные сочетания (с перестановкой звуков), а в русском – в полногласные.

Ключ к заданию 2

Mydło – мыло, *sadło* – сало, *szedł* – шел, *plotła* – плела. В польском языке сохраняются сочетания согласных со взрывным *tl*, *dl*, а в русском они упростились до *л*.

Ключ к заданию 3

Ciało – тело, *ściana* – стена. Во всех перечисленных словах был гласный «ять» (ĕ), только в русском языке он во всех позициях представлен как *е*, а в польском как *e* звучит только перед мягкими переднеязычными, а перед твердыми *t*, *d*, *s*, *z*, *n*, *r*; *ł* изменился в *a*.

Ключ к заданию 4

4. Речь о процессе стяжения – слияния двух гласных, разделенных *j*, который охватил в польском языке и именные, и глагольные основы и формы.

Ключ к заданию 5

В этот список входят писатели, имевшие польское происхождение (как Ф. Булгарин и др.), представители классической русской литературы (Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов), авторы произведений для детей (В. Беляев), литераторы XX и XIX в. (Д. Самойлов, А. Бруштейн, К. Паустовский) и многие другие.

Ключ к заданию 6

К наиболее частотным полонизмам, составляющим польский интертекст в русской литературе, относятся этикетные высказывания (*proszę, dziękuję, przepraszam*), обращения (*pan, pani, panna*), восклицания (*Pan Jezus, Matka Boska*) и ругательства (*psiakrew, cholera jasna, łajdak*).

Лифанов К.В. Языковые контакты славян

Ключ к заданию 1

В обоих языках отсутствуют буквы Ѣ (ять), Ѡ (юс малый), Ѧ (аз йотированный), Ѣ (э йотированное), ѣ (ер) в конце слов. В церковнославянском тексте представлены местоимение *иже*, форма глагола-связки 2 лица ед. числа *еси*, окончание предл. падежа мн. числа существительного среднего рода *-ех*, восходящее к старославянскому – *ъхъ* (*небесех*), отсутствие перехода е > о (*твое*), сравнительный союз *яко*, *якоже*, форма предл. падежа ед. числа *на небеси*, окончание *-и* в форма предл. падежа ед. числа существительного женского рода (*земли*), форма повелительного наклонения 2 лица ед. числа *даждь*, слово *днесь*, глагольные формы 2 лица ед. числа повелительного наклонения с безударным окончанием *-и* (*остави*, *избави*), форма вин. падежа мн. числа местоимения *наш* – *наша*, восходящее к старославянскому *наша*, окончание *-аго* в форме род. падежа ед. числа прилагательного (*лукаваго*). И в церковнославянском, и в русском текстах представлены следующие формы, восходящие к старославянским: звательная форма *отче*, действительное причастие настоящего времени (*насущ-ный* в обоих текстах и *сущий* в русском), существительные среднего рода на *-ие* (*царствие*, *искушение*), конструкция с частицей *да* (*да святится*, *да будет*).

Ключ к заданию 2

Оба текста отличает отсутствие именного склонения, синтаксические отношения выражаются при помощи предлогов, определенность выражается при помощи артиклей (*палтенцето*, *двора*, *оградата*, *тържествата*, *лявото крило*, *последният ден*, *палавите снежинки*, *съветския композитор – центарот*, *зградата*, *рамките*, *планскиот регион*, *новата болница*), будущее время выражается с помощью частицы *ще* в болгарском и *ќе* в македонском языке, восходящим к глаголу **choŕeti* (*ще паднеш* – *ќе бараат*), аналитический способ образования степеней сравнения прилагательных и наречий (*по-добре*), краткое личное местоимение в посессивной функции (*му*), отсутствие инфинитива, да-конструкция (*Не се ли умори да свириш?* – *да биде објавен*).

Ключ к заданию 3

Особенностями данного текста, аналогичными польскому языку, являются отсутствие долгих гласных, наличие взрывного *g* в слово-

формах и лексемах словацкого происхождения (*zgaňat'*, *doňgo*), рефлекс праславянского сочетания *tolt* (*bloto*), наличие звука *y* (*huby*, *my*, *vybrali sã* и т.д.), формы, содержащие сочетание *om*, восходящие к *o* носовому (*Dankom*), глагольное окончание 1 лица мн. числа настоящего времени *-my* (*puďemy*, *ňevemy*). К типичным чертам среднесловацкого диалекта относятся наличие мягких *t'*, *d'* (*puďemy*, *dad'e*, *zgaňat'* и т.д.), сочетание *ja*, восходящее к дифтонгу *ia* (*vjaz*), наличие фарингального *h* (*huby*, *hojdat' sã*, *hory*).

Саенко М.Н. Как мы реконструируем праславянский язык

Ключ к заданию 1

Славистам повезло, поскольку славянские языки – большая и разветвлённая группа языков, что увеличивает шансы на сохранение архаических явлений. Кроме того, засвидетельствованный на письме старославянский язык отделён от позднего праславянского лишь парой столетий. Тем не менее, как показывает пример латыни и романских языков, некоторые элементы праязыка не выживают ни в одном языке-потомке. Таким образом, праславянская реконструкция никогда не будет отражать реальность на 100%.

Ключ к заданию 2

Список не является закрытым, но помимо разобранных в статье славянских языков можно назвать английский (*thumb – finger*), немецкий (*Daumen – Finger*), французский (*pouce – doigt*), итальянский (*pollice – dito*), литовский (*nykštys – pirštas*), современный греческий (*αντίχειρας – δάχτυλο*), финский (*peukalo – sormi*) и многие другие языки.

Белова М.Н. Старославянская письменность и живые славянские диалекты

Ключ к заданию

На иллюстрациях представлены страницы из двух классических старославянских памятников: глаголического Зографского евангелия-тетра (1) и самого объемного кириллического памятника Супрасльской рукописи (2).

На первой странице, используя таблицу, можно прочитать заголовок (**Евангелие отъ Иоана**), следовательно, по содержанию это четвероевангелие, а не апракос, текст в нем расположен

последовательно. Можно попробовать прочитать и начальные стихи: **Искони бѣаше слово і слово бѣаше отъ ба** (слово записано под титлом, то есть в сокращении, читай **бога**) **і бѣ** (читай **богъ**) **бѣаше слово**. Первая буква прорисована и украшена орнаментами, кроме того, она значительно больше остальных; именно так произошли наши «заглавные буквы» в начале предложения.

О содержании второй рукописи можно догадаться по подсказке: в самом верху страницы читается: **мѣсца марта .кс. мѣчение стааго** (читай **сватааго**) **принеа**. Именно Супрасльская рукопись представляет собой миенею на месяц март и содержит жития и рассказы о мучениях святых. Пытливый читатель может также догадаться по буквенной записи числительного, что этот святой почитается 26 числа месяца марта.

Остапчук О.А. О чем говорят имена собственные?

Ключ к заданию 1

В именах прозвищного типа, как правило, прозрачная внутренняя форма, это имена «говорящие», многие из которых перешли со временем в разряд фамилий или остались в разряде прозвищ. По корню апеллятива, положенного в основу имени, можно определить и номинативный признак, на который имя указывает: *Одинець, Третьак, Осмак* – количество детей в семье или порядок их рождения; *Брех, Мовчан, Шумило* – черты характера; *Позняк, Вешняк* – время рождения; *Голозуб, Ливаш* – особенности внешности; *Губар, Некрас* – в том числе оцениваемые негативно, в надежде, что от такого ребенка отвернутся и злые духи; *Голиш, Гольтепа* – социальный статус (родителей); *Бажен, Нечай* – желанный или нежеланный ребенок; *Милюта* (ср. пол. *Kochan*, болг. *Любен*) – любимый; *Баран, Засць* – по названию животного (возможно, по ассоциативному сходству).

Ключ к заданию 2

2.1. *Racimir* соответствует имени *Ратимир* (*Ратибор*) с первой глагольной основой, *Więcesław* – *Вячеслав* от наречной основы.

2.2. Нет, *Władysław* – чешское заимствование, о чем свидетельствует характерный рефлекс сочетания **tlot*, на польской почве оно превратилось в диминутив *Włodek*. В рус. *Владимир* отражены следы церковнославянского влияния, характерную восточнославянскую форму передает укр. *Володимир*.

2.3. Происхождение имени *Владимир* до сих пор остается предметом научных дискуссий: обсуждается вопрос о глагольной или именной природе первой части композита, а также значение и этимология второй его составляющей. С гипотезой, высказанной М. Фасмером и получившей максимально широкое распространение, о связи *-мир* с готским *-mer* ‘великий’, конкурирует точка зрения, связывающая вторую часть имени со славянским *mirъ* в значении ‘рах’, хотя существует также трактовка его как ‘mundus (мир, вселенная)’ [Толстая 2020]. Не менее важны наблюдения о вариативности второй части *-мир* // *-мер* в составных славянских именах и взаимном семантическом взаимодействии этих основ, в том числе возможном сближении со славянским корнем *-мер-* (*мерить*). Вероятно, с этим связаны и различия в оформлении в польском языке второй части сложных имен типа *Kazimierz, Włodzimierz* [ЭССЯ, вып. 9: 70].

Ключ к заданию 3

3.1. Ветхозаветные имена нередко довольно существенно трансформировались под влиянием польской фонетики: ср. *Иосиф* – *Józef*, *Гавриил* – *Gabriel*, *Рафаил* – *Rafał*, *Юдифь* – *Judyta*, *Сусанна* – *Zuzanna*. Аналогично в других категориях христианских имен: ср. *Фаддей* – *Tadeusz*, *Иаков* – *Jakub*, *Андрей* – *Andrzej*, *Григорий* – *Grzegorz*, *Юрий (Георгий)* – *Jerzy*, *Лаврентий* – *Wawrzyniec*; то же касалось и женских имен: ср. *Елизавета* – *Elżbieta*, *Екатерина* – *Katarzyna*, *Агнесса* – *Agnieszka*, *Барбара* – *Barbara*, *Маргарита* – *Małgorzata*, *София* – *Zofia*.

3.2. Первое, что бросается в глаза – гласный *o* на конце украинских мужских имен: *Михайло*, *Данило*, *Гаврило*, *Петро*. Предполагают, что гласный (после сонорного согласного, и особенно в случае сочетаний согласных, как в последнем примере) служил своеобразным средством компенсации звучности (после утраты редуцированных), такая форма имени могла быть связана также с категорией уменьшительно-ласкательных имен. Кроме того, перечисленные имена демонстрируют процесс стяжения гласных с интервокальным *й*: пол. *Michał*, укр. *Данило*, *Гаврило*, но *Михайло* с синкопой (подробнее см. [Shevelov 1989]).

3.3. В народных формах греческих по происхождению имен со звуком *ф* этот «чужой» для славянской фонетики звук заменялся целым рядом «своих»: ср. *Филипп* – *Пилип*, *Фома* – *Хома* (ср. пол. *Tomasz*), *Фёкла* – *Текля*, *Векля*. Некоторые формы так и остались разговорными, другие – вошли позже в официальный именник (как укр. *Пилип* или пол. *Tomasz*).

3.4. Имена *Konstanty* (ср. *Константин*) и *Metody* (ср. *Мефодий*) имеют атрибутивную флексию -у, т.е. будут склоняться по типу прилагательных, ср. *Konstantego, Konstantemu, Konstantym* | *Metodego, Metodemu, Methodym*.

Саенко М.Н. Славянские языки и лексикостатистика

Ключ к заданию 1

В список Сводеша входит множество названий частей тела, помимо обозначений из стословника, Сводеш первоначально хотел включить также *back* ‘спина’, *guts* ‘кишки’, *wing* ‘крыло’. Из обозначений элементов природы в расширенный список выходили также слова *berry* ‘ягода’, *dust* ‘пыль’, *flower* ‘цветок’, *fog* ‘туман’, *grass* ‘трава’, *river* ‘река’, *sea* ‘море’, *snow* ‘снег’, *wood* ‘лес’, однако далеко не все они универсальны и встречаются во всех языках мира. Кроме того, Сводеш намеревался включить ряд прилагательных, например, *bad* ‘плохой’, *dirty* ‘грязный’, *dull* ‘тупой’, *narrow* ‘узкий’, *old* ‘старый’, *rotten* ‘гнилой’, *sharp* ‘острый’, *smooth* ‘гладкий’, *straight* ‘прямой’, *thick* ‘толстый’, *wet* ‘мокрый’, *wide* ‘широкий’.

Ключ к заданию 2

Это могут быть названия растений (*пальма – ягель*), животных (*верблюд, лев – морж, пингвин*), элементов природы (*дюна – ледник*).

Ключ к заданию 3

Строго бинарное древо означает, что любой распад языка в данной группе происходил на две части. Однако так бывает далеко не всегда: праязык может распасться и на три, четыре, пять и больше равноправных языков.

Ключ к заданию 4

Это культурная лексика, обозначающая те предметы (*плуг, лук, серп, нож, весло, лодка, повозка, лыжи, сеть, иголка, горшок*), а также растения и животных (*сосна, пальма, обезьяна, акула*), остатки которых находят во время раскопок.

Скорвид С.С. Славянские языки в контексте балканского, центральноевропейского и других языковых союзов

Ключ к заданию 1

Уже заголовок текста слева «Пчелата на капата» показывает, что он написан на одном из «ядерных» балкано-славянских языков, о чем свидетельствует наличие постпозитивного определенного артикля (речь о конкретной пчеле и конкретной шапке) и неизменяемость существительного в сочетании с предлогом *на*. Поэтому не удивительно, что далее в тексте присутствуют «ядерные» балканские формы будущего времени глаголов (один из жителей села пообещал хозяину, что **найдет** ульи) и местоименная реприза дополнения (он призывает односельчан сказать, кто **их** украл, ульи эти). Найдите другие проявления этих признаков БЯС в тексте слева.

В тексте справа под заголовком «Пчела на капи» отражен только один из названных признаков, однако и он предстает в ином виде, чем в тексте слева: житель села говорит владельцу ульев, что **найдет** их, но мы легко можем соотнести форму *ћу* с русской *хочу*, а форму *наћи* – с русской *найти* (при этом, конечно, значение всей конструкции – ‘найду’, а не ‘хочу найти’). Помимо этого в обоих текстах наблюдается общеюжнославянская конструкция с частицей *да* в соответствии с инфинитивной конструкцией, например, в русском языке: владелец украденных ульев думал, как **да найдет** (= как найти) их. Найдите еще примеры *да*-конструкции в обоих текстах, в которых *да* соответствует русскому союзу *чтобы*.

О других глагольных формах. В тексте слева обратите внимание на то, что повествователь сообщает о событиях, свидетелем которых не был, поэтому в его пересказе владелец украденных ульев *се чудел* (удивлялся, недоумевал), как их найти, и т. д. Если бы рассказчик наблюдал это воочию, он употребил бы форму перфекта *е се чудел*. Как называются такие более короткие формы? Найдите в тексте другие примеры их употребления. Заметьте при этом, что они не встречаются в прямой речи: когда «деревенский детектив» призывает односельчан сказать, кто **украл** ульи, он использует форму аориста: *украде*.

Текст справа написан на языке, для грамматики которого безразлично, был рассказчик свидетелем описываемых событий или нет. Здесь тоже встречаются формы аориста (*рече, показа* – найдите другие) и формы перфекта, последние иногда более короткие (в 3-м лице ед. ч., если глагол возвратный: *се забринуо* ‘забеспокоился’), но чаще с вспомогательным глаголом, например: *скупили су се сви селяни, а овај*

им *je повикао*, однако грамматически они никак не противопоставлены (ср. *je повикао* и выше *рече*).

Ключ к заданию 2

Язык текста справа опознается легко: немецкий. Сразу можно заметить обилие форм определенного артикля при существительных, изменяемого по родам, числам и падежам, тогда как существительные при изменяемом артикле часто имеют омонимичные падежные формы, например: *die Gemeinde* ‘община’, дат. п. *der Gemeinde* ‘общине’, но встречается и форма род. п. с окончанием *-es* (найдите ее). Из глагольных форм прошедшего времени представлены простой претерит и перфект, между которыми не наблюдается какого-либо грамматически значимого различия, ср. *Sie gaben der Gemeinde ihren Grund und Boden, dafür hat diese das Haus gebaut* ‘Они передали (претерит) общине свою землю, и та за это построила (перфект) дом’.

Текст слева явно написан на славянском языке: каком? Обратите внимание на то, что здесь на обоих языках ведется рассказ об одном и том же населенном пункте, который имеет два названия: немецкое *Jänschwalde* и славянское *Janšojce*. Очевидно, что этот населенный пункт находится в двуязычной области, чем уже почти всё сказано. Вопрос только, в какой его части. Сравните встречающуюся в тексте форму мн. ч. *žiši* и приведенную выше – в связи с явлением ассимиляции – *žiše* (ед. ч.), и на этот вопрос нетрудно будет ответить.

Только текст слева написан не совсем на литературном, а на народном языке: в литературном не было бы такого количества форм указательного местоимения с корнем *t-* (среди них примечательны формы двойственного числа: *Tej njejstěj mělej žedne žiši* ‘У них, двоих супругов, не было детей’), употребление которых практически копирует употребление артикля в немецком. Глаголы в этом тексте употребляются почти во всех случаях в прошедшем времени – и исключительно в перфекте с вспомогательным глаголом *быть*, хотя в литературном языке возможен, как и в немецком, простой претерит. Из других особенностей глагола можно отметить некоторое стирание видовых различий во фразах о том, что община построила (*jo natwarila*) дом и что у дороги, ведущей к пруду, построили (*su twarili*) пожарную часть.

Ключ к заданию 3

Уменьшительное образование с суффиксом *-uk* здесь встречается сразу же. Нетрудно догадаться, о каком звере идет речь. Для понимания того, что он сделал (почти все глаголы в этом тексте употреблены

в формах прошедшего времени, система которых в литовском заметно отличается от славянской), потребуется подсказка: *rādo* – нашел. Что он нашел, понятно тем, кто знает польский или западнославянские языки (либо немецкий). Со знанием польского вообще легко перевести многое в этом тексте: *Tuð laikù* ‘Тем временем’ (польск. *Tym czasem*); *važiavo* ‘ехал’ (ср. *воз*, польск. *wóz*: хотя человек здесь ехал не на возу, корни явно соотносительны, и мы запоминаем, что лит. *-a-* ≈ слав. *-o-*); *prò šālì* ‘мимо’, а тот, кто ехал, обозначен давним заимствованием из польского. Что же дальше сделал наш герой? *Pa-si-žiūrė-jo*, где *pa-* ≈ *no-*, *si* – возвратный элемент, а *žiūrė-* соотносится со слав. *зреть* в значении ‘видеть’, т. е. он посмотрел на... и сказал: «Что я имею, /того/...» Его собеседник спросил (*kláusia*): «Что же ты тут...» Наш герой показал (*pa-ródė*). Собеседник рассердился (*supỹko*) и ... *át-émė*, это уже должно быть понятно. Как и то, что сказал обиженный герой, если знать, что *svétimas* значит ‘чужой’. Понятна и реакция собеседника (*dař labiaũ* ‘еще больше’). Наш герой решил подразнить его: *Màt, išsigañdo* ‘Вот, испугался...’ Что же на это собеседник? Он *pa-màtė* (‘увидел’, т. е. подметил, но с приставкой, соотносящейся со слав. *no-*), что с героем нельзя *su-si-kalbėti* (*с-толковать-ся*), и злой ... дальше (*tolỹn*).

По ходу разбора текста вы, конечно же, подметили частое употребление в литовском глаголов с приставками, какие в славянских языках образуют глаголы совершенного вида. Разумеется, далеко не всегда эти приставки точно соответствуют славянским, есть и свои, не имеющие славянских аналогов. Составьте список тех и других, встречающихся в данном тексте.

Долгополов П.И. Лужицкая мозаика: немного о культуре малого славянского народа

Ключ к заданию

Переход ударного звука *o* в звук *ó* зависел от согласных, окружающих этот звук. Переход происходил при выполнении двух условий одновременно:

- перед *o* находился либо один из губных согласных (*b, p, m, w*), либо один из заднеязычных согласных (*k, g, ch*);
- после *o* находился не губной и не заднеязычный согласный (то есть любой согласный, кроме *b, p, m, w, k, g, ch*).

Т.е.: *noga* ‘нога’ (не выполняется ни одно из условий),
Bóžo ‘Боже’ (выполняются оба условия),

chováš ‘прятать’ (не выполняется второе условие),
góra ‘гора’ (выполняются оба условия),
nos ‘нос’ (не выполняется первое условие).

Лифанов К.В. Чешский и словацкий – почему они близки?

Ключ к заданию 1

držet – držat': в чешском слове перегласовка а > е и отверждение суффикса инфинитива; *jehně – jahňa*: в чешском слове перегласовки; *v neděli – v nedel'u*: в чешском слове перегласовка u > i и отверждение ě, *slibit – sl'ubit'*; в чешском слове перегласовка ú > í и отверждение суффикса инфинитива; *svátek – sviatok*: в чешском слове в позиции перед твердым согласным ä (долгое) > á, а ъ > е, тогда как в словацком ä (долгое) > ia, а ъ > o; *proší – prosia*: в чешском слове в абсолютном конце слова ä (долгое) > í, а в словацком ä (долгое) > ia; *zdraví – zdravie*: в чешском слове произошло сужение дифтонга ie > í, тогда как в словацком дифтонг сохранился; *cizí – cudziu*: в чешской словоформе праславянское сочетание dj > z > z и произошли перегласовки u > i, ú > í, а в словацком перегласовка u > i отсутствует, z сохранилось и появился дифтонг iu; *kůň – kôň*: в чешском слове дифтонг uo > ú (графически ů), а в словацком сохранился (графически ô); *dvůr – dvor*: в чешском слове был ó, который через стадию дифтонга uo изменился в ů; *louka – lúka*: в словацком же был представлен краткий o, в чешском слове ú > ou, а в словацком сохранился.

Ключ к заданию 2

Na Račianskom mýťe, bola plná električiek, To tak vravíš každej?, A čo za ženu vezmeš si ma? В первом сочетании в названии района Братиславы (*Račianskom*) прилагательное приводится в словацкой огласовке, а существительное дано в чешской орфографии, хотя по-чешски и по-словацки оно звучит одинаково. Остальные слова приводятся на словацком языке.

Ключ к заданию 3

К фонетическим различиям между чешским и словацким языками относятся: наличие слогового l на месте праславянского сочетания љl, которому соответствует сочетание lu в чешском (*žltý – žlutý*), йотация губного перед е < ě (ять) (*květy – kvety, osamělost – osamelost*), мягкость согласного t в конце слова (*osamělost – osamelost*), сужение ie > í в чешском и его отсутствие в словацком (*čertví – červie*),

перегласовки в чешском и их отсутствие в словацком (*jmenují – volají, ji – ju, líbí se – páčia sa*), наличие мягкого *l'* в словацком и его отсутствие в чешском (*vyjímaly se – odrážali sa*), рефлексом *ę* в чешском языке является *e*, а в словацком *a* (*se – sa*), долгота в словацком слове, ведущая к ритмическому сокращению (*černém – čierneho*), дифтонгизация *ú* и ее отсутствие в словацком (*Tverskou – Tverskú*), наличие в чешском языке звука *ř* и его отсутствие в словацком (*nepostřehnutelný – pozrela, křivolakou – krivou*), вокализация предлога с помощью гласного *e* в чешском языке и *o* в словацком (*ze – zo*).

К морфологическим различиям между чешским и словацким языками относятся: сокращение долготы в причастии на *-l* в чешском и ее сохранение в словацком (*nesla – niesla*), стяжение гласных в формах прилагательного в чешском языке и его отсутствие в словацком (*Tverské – Tverskej*), различие в употреблении формы личного местоимения (*mě – mňa*), форме предл. падежа мн. числа *očíh* противостоит словацкая *očiach*, форма 1 лица ед. числа вспомогательного глагола *jsem* в чешском языке и *som* в словацком, форма род. падежа возвратного местоимения *sebe* в чешском и *seba* в словацком.

Грасько А.В. Из истории русско-чешских музыкальных контактов с XVIII века до наших дней

Ключ к заданию 1

1-в, 2-е, 3-д, 4-б, 5-г, 6-ж, 7-а

Ключ к заданию 2

1 – М.А. Балакирев, 2 – А. Дворжак, 3 – М.И. Глинка,
4 – Я. Ногавица, 5 – Б. Сметана, 6 – Л. Яначек, 7 – П.И. Чайковский,
8 – К. Готт.

Грищенко И.О., Киреев Н.И. О славянских текстах, записанных еврейским письмом (XIII–XX вв.)

Ключ к заданию

1.1. Прочтения глосс

mydlo	מידלו	фрагмент 1
ugle	אוגלי	фрагмент 1
knážstvo	קנזסטבו	фрагмент 2
mudrosti	מודרושטי	фрагмент 7

1.2

<i>написание</i>	<i>прочтение</i>
זקובא	zakova
ויש	veš
גלווטיצי	glavaticě
סרובדקא	syrovadka
מקוביצא	makovica
צטוירט	čtvirt
קברטו	kvartu
אשקרובדא	škrovada
ויניץ	věnc
קויטני	květny

Звук [v] может обозначаться тремя способами: буквой ם, буквой ן или диграфом ןן. В общем случае используется буква ן. Если в слове присутствует гласный [o] или [u], для обозначения которых всегда используется буква ן, то для записи [v] используется буква ם. Диграф используется только в случае, рассматриваемом в Задании 2.

1.3

В слове גלוטִיץ (glavaticě) звук [v] обозначен диграфом ןן. Вероятно, это связано с расположением между двумя знаками, неспособными обозначать гласные: при встрече двух *matres lectionis*, что происходит во всех остальных словах, первая из них всегда обозначает согласный, что предотвращает неоднозначность. Особое написание позволяет избежать ошибочного прочтения גלוטִיץ как gluticě/gloticě.

Ключ к прочтению фрагмента 9

Это стихотворение поэта Самуила (Шмуэла) Галкина (1897–1960) «Дороженька», написанное в 1949 году во время его заключения в лагере. Оно было опубликовано посмертно в 1988 году [Halkin 1988: 88] и может считаться последним изданным текстом, отражающим передачу славянского языка в еврейской графике. Орфография данного текста очень близка к орфографии языка идиш, на котором обычно писал Самуил Галкин, с полноценным алфавитом и однозначным соответствием между каждым знаком (или диграфом) и звуком, за исключением некоторых затруднений при передаче мягких согласных.

Есть дороженька одна –
От порога до окна,
От окна и до порога –
Вот и вся моя дорога.

Я по ней хожу, хожу,
Ей про горе расскажу,
Расскажу про все тревоги
Той дороженьке-дороге.

Есть дороженька одна,
Не коротка, не длинна,
Но по ней ходило много –
И печальна та дорога.

Я теперь по ней хожу,
Неотрывно вдаль гляжу.
Что же вижу там, вдали:
Нет ни неба, ни земли.

Индыченко А.А. Я.С. Пресл – создатель чешской естественно-научной терминологии

Ключ к заданию 1

Фитонимы: **bolševník** – борщевик, **hladyš** – гладыш, **kavil** – ковыль, **klikva** – клюква, **čilimník** – чилим, (водяной орех), **mavuň** – маун-трава, **mochna** – мохна, **odur** – одурь, **ostropestr** – остропестр, **pitulník** – питульник, **plevel** – плевел, сорняк, **řebčík** – рябчик, **šťavel** – щавель; иная лексика: **lakušník** – лягушка (для болотного растения).

Ключ к заданию 2

blahovičnik – Eucaliptus, **kozilist** – Caprifolium, **citlivka** – Mimosa, **kalužemilka** – Limnophila, **nedvěděnka** – Arctotis, **stříbrobejl** – Argyreia, **ježěnka** – Echinosperrum, **bezlistka** – Aphyllanthes, **božskovon** – Diosma.

Ключ к заданию 3

buvolec – бубал, **hraboš** – полевка, **ježura** – ехидна, **luskoun** – панголин, **nartoun** – долгопят, **outloň** – лори, **kapustňák** – ламантин.

Ключ к заданию 4

chaluzík – йод, **barvík** – хром, **uhlík** – углерод, **hořčík** – магний, **d'asík** – кобальт, **luník** – селен, **kazík** – фтор, **kostík** – фосфор, **křemík** – кремний, **nebesík** – уран, **vodík** – водород, **solík** – хлор, **hliník** – алюминий, **těžík** – вольфрам.

Верижникова Е.В. Задания по македонскому языку

Ключ к заданию 1

Артикли – дейктические, т.е. связанные с речевым актом, показатели. Драматургическое произведение воспроизводит ситуацию первичного дейксиса (я-здесь-сейчас). Именно в типичной ситуации речевого общения, когда участников объединяет время и место, чаще

всего употребляются показатели определенности, маркирующие положение предмета речи в пространстве или / и во времени. Также носители македонского языка используют показатели ближнего дейксиса, говоря об объектах, входящих в их личную сферу: сам говорящий, части его тела, мысли, чувства, его ближний круг и т.п.

Указывая на себя, Городничий употребляет проксимальный показатель **-ов**, тем более что он призывает присутствующих посмотреть на него (эффект демонстрации): *Еве, гледајте, гледајте, луѓе христијани, гледајте сите како е насамарен грдоначалников!* Кажете му, кажете му, на стариов подлец, дека е будала!

Точно так же чин и звание являются неотчуждаемой собственностью, частью его положения в обществе: *Ни чинов, ни моево звание нема да го поштеди, и сите ќе се забат и ќе плескаат.*

Употребление показателя дистальности **-он** в монологе продиктовано ситуацией: Хлестаков уже далеко, вне досягаемости, вернуть его нет никакой возможности, ведь Почтмейстер «приказал смотрителю дать самую лучшую тройку», контекст содержит и указательное местоимение *вон* 'ене' с тем же корневым согласным: *А сега ене тој свечи со прапорците по патон!*

Различия в решениях двух переводчиков можно объяснить следующим образом: И. Милчин, прослуживший на сцене несколько десятилетий, переводя, проигрывает ситуацию в лицах, воображая себя каждым из героев, т.е. становясь дейктическим центром. Переводчик мыслит в координатах сцены, четко представляя, где в этот момент находится персонаж. О том же свидетельствует употребление пространственных артиклей и в других репликах:

Действие третье, Явление I:

Марија Антоновна Но, мамо, за две-три минути ќе разбереме сè. Авдотја мора скоро да се врати. *(Се загледува низ прозорецот и извикува.)* Ах, мамо, мамо, еве иде некој, одонде, од крајон на улицава.

Марья Антоновна Да, право, маменька, чрез минути две всё узнаем. Уж скоро Авдотья должна прийти. *(Всматривается в окно и вскрикивает.)* Ах, маменька, маменька! кто-то идет, вон в конце улицы.

Действие третье, Явление XI:

Грдоначалникот <...> *(на Осип)*. Е, па, пријателе, ти оди, приговти таму сè што треба за господинот. Сè што има во кукава, барај. *(Осип излегува)*. А вие стојте на влезон и да не мрднете од место!

Городничий. *(К Осипу.)* Ну, друг, ты ступай приготовляй там, что нужно для барина. Все, что ни есть в доме, требуй. *Осип уходит.* А вы – стоять на крыльце, и ни с места!

С. Ивановска переводит комедию как литературный текст, не изнутри действия, а как сторонний по отношению к нему субъект, поэтому в ее варианте употребляются только пространственно немаркированные артикли.

Показательно, что и в ремарке С. Ивановска употребила не формы традиционного в таких случаях презенса, а аориста, характерного для нарративных художественных текстов:

Марија Антоновна Па, сериозно, мамичке, сè ќе дознаеме за две-три минути. Треба веќе и Авдотја да пристигне. (*Се загледа низ прозорецот и вресна.*) Ах, мамичке, мамичке, некој доаѓа, ене на крајот на улицата.

Ключ к заданию 2

1. Системные отличия двух языков, демонстрируемые текстами:

– обязательное удвоение определенного прямого объекта в македонском при факультативности репризы в болгарском (*да види и той Сече баба дрвца / да ја види и тој Сече баба дрвца; У Фу през това време перял юнашката си фланелка в реката / У Фу кој во тоа време си ја перел атлетската маичка во реката*);

– различия в употреблении кратких личных местоимений в посессивной функции: в болгарском языке оно не имеет лексических ограничений, в македонском ограничено группой терминов родства: *юнашката си фланелка* – посессивная функция / *си ја перел атлетската маичка* – дативус этикус;

– местоположение клитик (безударных слов): в болгарском языке, в отличие от македонского, они не могут стоять в инициальной позиции, а занимают второе место в предложении (подчиняются закону Ваккернагеля): *Чували сме / Сме слушале; Хваца я той за шията / Ја фаќа за шията*;

– Различия в употреблении времен, обусловленные не только переводческим решением, но и оригинальным устройством темпоральной и эвиденциальной систем двух языков.

2. В обоих текстах формы, восходящие к старому перфекту, употреблены и в перфектном (*Чували сме / Сме слушале*), и в эвиденциальном значении (*перял / перел; летял / летал; дотичал / дотрчал; бил; тръгнал / тргнал; се препънал / се препнал; цопнал / паднал; продължил / продолжил; пристигнал / стасал; започнал / почнал*). Эвиденциалы передают события, не наблюдавшиеся лично повествователем. Хотя эксплицитно акт получения рассказчиком

информации о ситуации не обозначен, очевидно, что он знает о ней со слов участников, Пиука и УФу. С момента их возвращения повествование ведется в свидетельских формах: презенса (*си върти / врти; гледа; държи / држи*), аориста (*доведе / донесе; си спомниха / се сети; стана*) и имперфекта (*разправяше / расправаше*). Однако при формальном сходстве эвиденциалов в двух языках эти формы имеют статусное отличие: в болгарской грамматике считается, что форма третьего лица без связки – это ренарратив, а со связкой – перфект, в македонском же глагол-связка в третьем лице (*e Sg., se Pl.*) опускается всегда, т.е. формы перфекта и пересказа полностью совпадают. Возможно, это одна из причин возникновения новых перфектных форм. Широкое распространение нового (так называемого посессивного) перфекта привело к формированию целой подсистемы форм с *има*. В македонском тексте болгарскому плюсквамперфекту соответствуют отрицательные формы нового плюсквамперфекта, образованные с помощью имперфекта глагола *нема* и неизменяемого причастия на *-н/-т* ср. р. (*не беше я улавял / немаше уловено; не беше хвацал / немаше фатено; не беше виждал / немаше видено*). Такой выбор переводчицы говорит о широком распространении инновационных форм, особенно с учетом того, что Я. Владова – уроженка Скопье, куда формы с *има* пришли позже, с юго-запада.

3. Балканскими чертами, отраженными в предложенных текстах, кроме вышеуказанных, являются:

- утрата склонения существительных;
- развитие постпозитивного артикля;
- утрата инфинитива и замена его так называемым балканским конъюнктивом (*да*-конструкцией);
- образование будущего времени с помощью служебного элемента, восходящего к глаголу ‘хотеть’ (*ще, ќе*).

Принципиальное отличие балканославянских языков от всех остальных славянских, в том числе и от русского, в широком развитии аналитизма. Македонский язык, будучи центральным балканским, за сравнительно короткое время претерпел кардинальные системные изменения и из языка синтетического превратился в язык по преимуществу аналитический.

Сведения об авторах

Ананьева Наталия Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой славянской филологии, филологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Белова Мария Николаевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель, кафедра славянской филологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Борисов Сергей Александрович – младший научный сотрудник, отдел славянского языкознания, Институт славяноведения РАН

Варбот Жанна Жановна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заведующая отделом этимологии и ономастики, Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН

Верижникова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра славянской филологии, филологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Грасько Анна Васильевна – младший научный сотрудник, отдел современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы, Институт славяноведения РАН

Гриценко Илья Олегович – студент, отделение теоретической и прикладной лингвистики, филологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Долгополов Павел Ильич – магистрант, Школа лингвистики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Илич Игор – независимый исследователь (Республика Сербия)

Индыченко Артем Андреевич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, отдел типологии и сравнительного языкознания, Институт славяноведения РАН; преподаватель, кафедра славянской филологии, филологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Киреев Нияз Илдарович – студент, Высшая нормальная школа (Франция)

Лифанов Константин Васильевич (1955–2025) – доктор филологических наук, профессор, кафедра славянской филологии, филологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Остапчук Оксана Александровна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра славянской филологии, филологический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; старший научный сотрудник, отдел восточного славянства, Институт славяноведения РАН

Плунгян Владимир Александрович – доктор филологических наук, профессор, академик РАН, главный научный сотрудник, заведующий отделом корпусной лингвистики и лингвистической поэтики, Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН; профессор, кафедра теоретической и прикладной лингвистики, филологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Саенко Михаил Николаевич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, отдел славянского языкознания, Институт славяноведения РАН

Скорвид Сергей Сергеевич (1958–2025) – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой славистики и центральноевропейских исследований, Институт филологии и истории, РГГУ (2017–2022); старший научный сотрудник, отдел типологии и сравнительного языкознания, Институт славяноведения РАН (2012–2022)

Якушкина Екатерина Ивановна – доктор филологических наук, доцент, кафедра славянской филологии, филологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

The editorial board of the collection:

O.A. Ostapchuk – PhD in Philology (executive editor);

A.A. Indychenko – PhD in Philology (editor-compiler);

N.E. Ananyeva – Doctor of Philology;

E.V. Verzhnikova – PhD in Philology

Reviewers:

Alla G. Sheshken – Doctor of Philology (Lomonosov Moscow State University);

Oxana N. Spalek – PhD in Philology (Russian State University for the Humanities)

Slavic Mosaic. Collection of materials from the School of Slavic Studies, Moscow State University, 2020–2023. Issue 1 : teaching aid /

Ed. by Oxana A. Ostapchuk. – Moscow: MAKSPress, 2026. – 252 p.

ISBN 978-5-317-07519-4

<https://doi.org/0.29003/m5000.978-5-317-07519-4>

This collection presents materials from the Moscow State University School of Slavic Studies, organized by the Department of Slavic Philology at the Faculty of Philology in 2020–2023. The collection focuses on broadly understood Slavic studies issues, the study of the history and modernity of Slavic languages (including rare ones) and cultures.

The collection is intended for future philologists – school and university students. The collection may be of interest to those who are interested in Slavic studies and the comparative study of the grammatical and lexical systems of Slavic languages, the processes of borrowing and contact in modern Slavic languages, issues of dialectal and geographical diversity in Slavic languages, as well as Slavic vocabulary, etymology, and terminology. The collection contains a number of practical tasks for independent work and answers to them, and is aimed at developing research interest in Slavic studies. It may be useful in preparing for competitions in Slavic philology and the Russian language.

Keywords: Slavic studies, Slavic languages, Slavic cultures, grammar, lexicology, etymology, sociolinguistics, cultural interaction, language contacts.

Учебное издание

СЛАВЯНСКАЯ МОЗАИКА
СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
ШКОЛЫ СЛАВИСТИКИ МГУ (2020–2023 гг.)

Тетрадь 1

Учебно-методическое пособие

Издательство «МАКС Пресс»
Главный редактор: *Е.М. Бугачева*
Обложка: *А.В. Кононова*

Напечатано с готового оригинал-макета
Подписано в печать 19.12.2025 г.
Формат 60х90 1/16. Усл. печ. л. 15,75.
Тираж 300 (1-25) экз. Заказ. № 191.

Издательство ООО «МАКС Пресс»
Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.
119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы,
МГУ им. М.В. Ломоносова, 2-й учебный корпус, 527 к.
Тел. 8(495)939-3890/91. Тел./Факс 8(495)939-3891.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42,
корп. 5, эт. 1, пом. 1, ком. 6.3-23Н